

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 20

PEHOME

Санкт-Петербург
2023

Редколлегия:

- И. И. Елисеева*, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (зам. гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
М. В. Масловский, д-р соц. наук, проф. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.
Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).*

*Регистрационный номер СМИ:
ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

История социологии

<i>Тукумцев Б. Г.</i> История жизни Будимира Тукумцева, рассказанная им самим. Эвакуация	6
--	---

Социология города / Человек и среда обитания

<i>Еремичева Г. В., Меньшикова Г. А., Яо Пуян.</i> Экологическая политика Китая и России: первые шаги к формированию антирискового национального поведения	28
<i>Perekatova A. A.</i> Digital Inequality in Urban Space of St. Petersburg	45

Дети, семья и общество

<i>Кукушкина С. А.</i> Рецепция опыта регионов СЗФО в сфере обеспечения жильем детей-сирот (на примере Санкт-Петербурга)	56
--	----

Социология культуры

<i>Мизиряк Н. А.</i> Из чего состоит мем? Социокультурные коды и структурные принципы организации	77
---	----

Историко-социологические исследования

<i>Сымонович Ч. Э.</i> Организаторы и историки советского здравоохранения о проблемах своей отрасли на этапе 1960–1980-х годов	95
--	----

Научная жизнь

<i>Колесник Н. В.</i> Каковы возможности социологии в условиях (не)новых вызовов? Обзор Всероссийского научного семинара «(Не)новые вызовы и возможности социологии»	117
<i>Назарова И. Б., Ляликова С. В.</i> Как меняется население и каков человеческий потенциал. Обзор V Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал»	123

CONTENTS

The History of Sociology

- Tukumtsev B. G.* The Life Story of Budimir Tukumtsev, told by Himself. Evacuation 6

Urban Sociology / Human and Environment

- Eremicheva G. V., Menshikova G. A., Yao Puyang.* Environmental Policy of China and Russia: first steps towards the formation of anti-risk national behavior 28
- Perekatova A. A.* Digital Inequality in Urban Space of St. Petersburg 45

Children, Family and Society

- Kukushkina S. A.* Reception of the Experience of the NWFDR Regions in Providing Housing for Persons from the Category of Orphans (St. Petersburg' case) 56

Sociology of Culture

- Miziryak N. A.* What is a Meme Made of? Sociocultural Codes and Structural Principles of Organization 77

Historical and Sociological Research

- Symonovich Ch. E.* Organizers and Historians of Soviet Health Care on the Problems of Their Field in 1960s–1980s 95

Scientific Life

- Kolesnik N. V.* What are the Possibilities of Sociology in the Face of (not)New Challenges? Review of the Conference: “Russian Scientific Seminar «(Not)New Challenges and Opportunities of Sociology»” 117
- Nazarova I. B., Lyalikova S. V.* How the Population is Changing and What is the Human Potential. Review: “V International Scientific and Practical Conference «Social Dynamics of the Population and Human Potential»” 123

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

От редколлегии

Этот выпуск периодического издания «Петербургская социология сегодня» открывает раздел автобиографической книги «История жизни Будимира Тукумцева, рассказанная им самим», публикуемый с любезного разрешения Ирины Будимировны Олимпиаевой, дочери Б. Г. Тукумцева. Совсем недавно, 25 апреля с. г., в рамках работы всероссийского научного семинара в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН состоялась презентация сборника научных трудов Будимира Гвидоновича, изданного в Самаре, где прошел, может быть, самый плодотворный период жизни Б. Г. Тукумцева. Большая жизнь Будимира Гвидоновича (1927–2021) вместила в себя и предвоенное время, и Великую Отечественную войну, и послевоенную разруху, и налаживание мирной жизни. Все эти этапы отражены в книге человеком, который остро ощущал характерные приметы происходящего и сумел живо донести до нас пережитое, настолько живо, что остается лишь удивляться цепкой памяти автора, его рефлексии на происходящие события. Родные Будимира Гвидоновича опубликовали его жизнеописание: книга была издана в 2023 году тиражом всего лишь 50 экземпляров. Прочитав описание жизни близкого всем нам и глубокоуважаемого Будимира Гвидоновича (он работал в Социологическом институте РАН с 2005 по 2017 год), мы, члены редколлегии, единодушно решили, что эта работа имеет несомненную научную ценность и с ней должно ознакомиться как можно больше читателей. Возникла идея публикации тех разделов книги, в которых описаны переломные события: эвакуация из почти блокированного Ленинграда, взросление и «трудовой фронт», получение образования, наконец, активное участие в возрождении отечественной социологии.

Надеемся, что публикация разделов книги Б. Г. Тукумцева вызовет интерес читателей: пожилые смогут найти в них отголоски собственных судеб, а молодые узнают подробности повседневной жизни на фоне великих событий и перемен.

Б. Г. ТУКУМЦЕВ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ БУДИМИРА ТУКУМЦЕВА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

Эвакуация

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...
К. Симонов, 1941 год

Июнь 1941 года

Когда мне случается бывать на Петроградской стороне моего родного Питера, да еще вблизи Князь-Владимирского собора, я непременно стараюсь пройти по улице Блохина. Неспешным шагом иду я по ней, или со стороны Большого проспекта, или от переулка Нестерова, постепенно приближаясь к старинному красивому зданию с куполом наверху. И останавливаюсь у входа в него под изящным металлическим навесом. За этой дверью находятся и живут своей привычной жизнью хорошо знакомые мне учебные аудитории моей родной школы № 77.

Когда-то, много лет назад, мне довелось здесь учиться. Это было очень давно. Весной 1941 года вместе с моими друзьями-одноклассниками я окончил здесь седьмой класс. С тех пор вокруг мало что изменилось. Так же, как и в годы нашей учебы, шелестит перед школой своей листвой сквер с ухоженными дорожками. В те далекие годы на большой перемене мы успевали поиграть здесь в казаки-разбойники. Все так же шумят трамваи и автобусы, двигаясь по проспекту Добролюбова. Спешат на уроки мальчишки и девчонки. Хлопают, как и прежде, входная дверь. Словом, живет наша родная alma mater.

А тогда, в 1941 году, все мы, ребята 7-го класса, сдали экзамены и в полном составе перешли в следующий, восьмой, класс. Началась пора каникул. Расставаясь на лето, никто из нас и представить себе не мог, что нам уже никогда не придется здесь вместе учиться и что до начала страшной войны 1941–1945 годов осталось меньше месяца.

Почти все мои друзья-одноклассники разъехались на летние каникулы кто куда. Между тем нам с сестрой Ладой (а она окончила в тот

год четвертый класс) никуда уехать не удалось. Родители были заняты на работе, а бабушка, с которой мы обычно выезжали за город, была больна. Пришлось нам подыскивать себе летние занятия в городе.

Несмотря на отпускное время, обстановка и дома, и везде, где нам доводилось тогда бывать, была хмурой, напряженной. И напряженность эта неотвратимо увеличивалась. Причин для этого было более чем достаточно. На протяжении всего последнего времени на западе, в странах Европы, с угрожающей периодичностью по инициативе фашистской Германии возникали военные конфликты. И территория немецкого рейха, поглощая одну страну за другой, все более приближалась к нашим границам. Сводки и военные комментарии по этому поводу мы ежедневно слышали по радио, читали в газетах, обсуждали подробности с друзьями, а по вечерам — с родителями. В тот год мне исполнилось 14 лет. Благодаря отцу я много чего знал о событиях в мире. Знал о том, что к власти в Германии пришли фашисты во главе с их лидером Гитлером. Знал, как, используя разные поводы, германский вермахт сумел захватить или подчинить себе почти все европейские страны.

На большой карте Европы, которая висела у нас дома, я видел эти страны. Видел, как благодаря германскому политическому произволу угроза войны все более приближается к нашим западным границам. И к весне 1941 года две армии практически стояли уже лицом к лицу. Опасность этого противостояния тогда ощущали многие. То, что советским Правительством был подписан с Германией пакт о ненападении, мало кого успокаивало. Ведь с поляками у Германии за семь лет до того также был подписан пакт. И что стало с Польшей?

Поэтому в те предвоенные годы никого не удивлял тот факт, что, используя все средства массовой информации, руководство страны настойчиво призывало население готовиться к возможной войне. Даже кинофильмы, которые мне в то время удалось посмотреть, обязательно содержали в себе либо эпизоды о подготовке нашей армии к войне, либо о полномасштабном начале будущей войны, как оно представлялось деятелям кино. Все это не могло не вызывать не только у взрослых, но и у нас, подростков, тревожных представлений о ближайшем будущем.

На улицах города, почти рядом с нашим домом, мы могли наблюдать, как работников предприятий обучают применять средства противовоздушной и противохимической защиты. Такие учения шли во всех районах города. Всем жителям, и взрослым, и детям, были выданы противогазы. Мы должны были постоянно носить их с собой.

Подготовка к войне коснулась и содержания школьных занятий. В 1940–1941 учебном году в расписание старших классов (начиная

с седьмого) были включены уроки военного дела. Преподаватели, а это были командиры Красной армии, обучали нас чтению армейских карт, основам ведения разведки, обращению с винтовкой, с гранатами. Учили определять тип своих и германских самолетов и танков, умению от них укрыться. Готовили нас также к перевязке ранений разного типа. И мы постепенно свыкались с тем, что война неизбежна.

Ночная канонада

Вот на таком фоне и в такой обстановке проходили первые летние дни 1941 года. Как-то незаметно подошло 22 июня. Когда я пытаюсь воспроизвести события той последней предвоенной ночи, в памяти возникает комната на Съезжинской улице (что на Петроградской стороне) и завешенное шторой окно. Без такой шторы в белые ночи в Питере заснуть трудно. В ту ночь все мы крепко спали. Следующий день был воскресным, и у каждого из нас были на него свои виды и планы.

Проснулся я необычно рано. Проснулся от непонятного грохота-гула. Он проникал в комнату из-за плотной шторы. Судя по повторяющимся глухим перекатам, источник этого грохота был достаточно далеко. Вначале мне показалось, что это раскаты грома. Что приближается сильная гроза.

Это меня огорчило. В воскресный день мне предстояло дежурить на выездном спектакле Ленинградского театра юного зрителя. Он должен был состояться в летнем кинотеатре на Кировских островах. В те годы была такая форма содружества школ с детским театром. При ТЮЗ был создан клуб школьных делегатов. И они по очереди дежурили на спектаклях, помогая педагогам. Это считалось престижным. А тревога моя была связана с тем, что в дождь спектакль мог не состояться — летний кинотеатр не имел крыши.

Я посмотрел на стенные часы. Было ровно 5 часов утра. Грохот, похожий на гром, не стихал. Я подошел к окну и отдернул штору. То, что я увидел, было для меня неожиданным. В лицо брызнуло раннее утреннее солнце, и я увидел совершенно чистое, голубое небо. Между тем далекий гул не прекращался. В душе начала накапливаться тревога и даже страх. Потому что то, что я слышал, стоя у окна, не было похоже на грозу. Это было что-то совсем другое. И я решил будить родителей. Но неожиданно грохот прекратился. Резко и сразу. И наступила полная тишина! Подождав немного и посмотрев еще раз в окно на ясное, солнечное небо, я решил тревоги не поднимать. Утром будет больше возможностей выяснить, что это было такое.

Но родители утром моих страхов не поддержали. Они сочли, что это были громовые раскаты, которые звучали где-то очень далеко. И точка! Спорить было бесполезно. И я отправился на трамвае на Кировские острова.

Трамвай неспешно шел по тихим улицам Приморского района. Но когда он добрался до остановки Барочная, эта тишина была нарушена. Заговорили громкоговорители, установленные на доме рядом с трамвайной остановкой. Выглядело это необычно. Громкоговорители относились к системе противовоздушной обороны и со времен Финской войны 1939–1940 годов молчали и не упоминали о себе. Теперь же пассажиры трамвая и те, кто стоял на остановке, услышали, что в 12 часов будет передано важное правительственное сообщение.

Доехав до конечной остановки, я увидел у входа в парк возле таких же, как на Барочной, громкоговорителей множество людей. Выяснилось, что выступает от имени правительства В. М. Молотов, который только что сообщил, что в 4 часа утра вооруженные силы Германии напали на нашу страну. Сообщил также и о налете немецких бомбардировщиков на города Севастополь, Киев, Минск и Ленинград. Говорил он также о мерах, которые должны были быть приняты в связи с началом военных действий, но все это как-то не воспринималось. Главным было то, что на нас обрушилась война, о которой мы столько времени говорили.

Я, конечно, сразу понял тогда, от чего я проснулся в то утро. Мне довелось стать невольным свидетелем первых залпов этой самой начавшейся войны. Уже после ее окончания я узнал подробности того первого немецкого налета на Ленинград, прочитав книгу адмирала Кузнецова «На флотах боевая тревога». В годы войны он был наркомом ВМФ. Стрельбу по немецкой эскадрилье вели в ту ночь орудия Кронштадта и военных кораблей, заблаговременно, с вечера, вышедших в Финский залив. Они успели встать на боевое дежурство и не пропустили, а повернули назад немецкие бомбардировщики. Ни один из них в тот первый день войны в Ленинград не прорвался. Таким же образом было встречено нападение немецкой авиации и на Севастополь. Отечественный флот в ту ночь продемонстрировал образцовую подготовку к ведению военных действий. А вот Киев и Минск подверглись жестокой бомбежке.

Приехав домой, я застал плачущую маму. Отец и сестра с утра уехали в Удельный парк на прогулку. И судя по всему, еще ничего не знали. Между тем время войны начало свой кровавый отсчет.

В школе — военный госпиталь

Уже на следующий день, утром 23 июня, к нам домой прибежала девочка-шестиклассница и сообщила, что нашу маму, заведующую школьной библиотекой, и меня, семиклассника, срочно вызывают в школу. В здании школы размещается военный госпиталь, и все школьное имущество и библиотеку необходимо перевезти в помещение другой школы на Зверинской улице. В школу просят прийти всех старшеклассников, которые оказались в эти летние дни в городе.

Подойдя к зданию школы, мы увидели, что к ней подъехало необычно большое число конных подвод. Они заполнили всю улицу Блохина. Часть подвод профессиональные грузчики начали готовить к перевозке парт и мебели. А старшеклассникам было поручено заняться погрузкой на телеги учебных пособий, школьной библиотеки и другого, не очень тяжелого инвентаря.

Шагая рядом с нагруженными подводами в сторону Зверинской, мы видели, что в нашем скверике перед школой большая группа работников какого-то предприятия копает глубокие траншеи. Сооружались также землянки и широкие площадки. Как мы узнали потом, здесь разместилась зенитная батарея.

Словом, к вечеру все было перевезено. И в школу начал въезжать военный госпиталь. А канцелярия школы и директор, со всеми архивами и документами, переехали в небольшой домик во дворе.

Едем в Новгородскую область

Прошла первая неделя. В городе ежедневно объявлялись воздушные тревоги, завывали сирены, останавливалось движение транспорта. Но до города немецкие самолеты пока еще не долетали. Тем не менее город готовился к воздушному нападению. В скверах и на набережных появились первые зенитные батареи, прожекторы. Памятники начали обкладывать мешками с песком или их увозили и прятали в укрытиях. Петр I на площади Декабристов превратился в большой холм из мешков с песком. Кони с Аничкова моста были увезены. Первые группы горожан отправились за город, в сторону Луги, на строительство оборонных сооружений.

Началось создание народного ополчения. Один из таких пунктов находился рядом с домом, где жила наша семья. На небольшой площади, образовавшейся на пересечении улиц Съезжинская и Б. Пушкарская, прямо под открытым небом стояли столы и шла запись добровольцев

в ополчение. Желающих было много. Тут же формировались отряды, вручалось оружие. Сформированные группы уходили с площади строем.

О том, что происходит в зоне боевых действий, ни мы, ни кто-либо из наших знакомых не имели никакого представления. По радио несколько раз в день передавались военные сводки. Но, слушая эти сводки, понять, где ведутся военные действия, было невозможно. Лишь иногда сообщалось, какие большие города оставила Красная армия. Это давало основание делать вывод, что наши войска отходят. Подтверждали это и появившиеся в городе беженцы.

На восьмой день войны, 29 июня, неожиданно пришло распоряжение городского отдела народного образования: «вывезти всех учеников, находящихся в данный момент в городе, в сопровождении педагогов в сельскую местность, спасая от вполне вероятных бомбардировок». Адресами эвакуации стали сельские населенные пункты Псковской и Новгородской областей. Непосредственно нашей школе было предписано вывезти учеников в деревню Каменный Остров Боровичского района Новгородской области.

Как мы узнали позже, это был не единственный вариант эвакуации школьников. Какую-то часть учеников города начали направлять группами в города Приуралья, на Волгу. Они организованно, без родителей, но с представителями городского отдела образования, выезжали из Ленинграда пассажирскими поездами, пока те еще ходили. Но основным вариантом эвакуации, ориентированным на отъезд значительно большей части детей-школьников, была эвакуация в Псковскую и Новгородскую области.

Родителям учеников нашей школы, которые согласились на отъезд своих детей (кстати, таких родителей оказалось не так уж много), было сразу же сообщено, что их дети будут размещены в деревне Каменный Остров Боровичского района Новгородской области. Состоялось формирование групп. За каждой группой был закреплен педагог. Наша мама, которая была заведующей библиотекой школы, выразила готовность, несмотря на свою инвалидность (она ходила с палочкой), выехать в качестве руководителя одной из таких групп школьников. И мы с сестрой, естественно, оказались в ее группе.

В назначенный день на Витебский вокзал был подан состав из двухосных грузовых вагонов, оборудованных нарами из досок. В каждом из них разместилось по две группы с преподавателями. Группы включали в себя до 15 человек. Отправились мы поздно вечером по железнодорожной магистрали, идущей в сторону Москвы. А уже ранним утром эшелон прибыл в город Боровичи, свернув с Московской магистрали

на север. Отсюда нам предстояло добираться до назначенной нам для жительства деревни. Кроме нас в эшелоне прибыли ученики еще нескольких школ Петроградского района. Они разместились в других населенных пунктах. Все шло строго по плану.

После небольшого ожидания нас повели кормить в местную столовую. А затем объявили, что каждую школу ждут колхозные подводы. Мы быстро нашли «своих» возчиков, погрузили на телеги наш нехитрый багаж, посадили младших ребят. На подводы сели и некоторые наши учителя, которые постарше. Состоялась переключка — все оказалось на месте. И мы двинулись в путь.

Через какое-то время в одной из деревень нас встретили, напоили молоком и дали по куску свежего ржаного хлеба. И опять в дорогу. Так мы шли очень долго, дотемна. Наконец свернули с тракта в большую деревню, где нам предстояло переночевать. Нас хотели покормить, но есть мы уже не могли. Во всем теле была страшная усталость. Ребята жаловались на боль в ногах. Нас отвели в здание местного клуба. Там мы буквально рухнули на пол и тут же уснули. К еде никто не притронулся.

Проспали часов двенадцать. Утром аппетит был волчий. И поход продолжился. Надо было добраться до деревни Каменный Остров, конечного пункта нашего перехода, до темноты. Уже смеркалось, когда мы до нее дошли-доехали. Радость по поводу того, что мы достигли финиша, позволила забыть об усталости. Между тем прошагали мы за два дня чуть больше 30 километров.

Небольшая деревня Каменный Остров расположилась на возвышенности, среди лесов и лугов, в глухом новгородском углу. Встретили нас дружелюбно. Всех учеников поселили в здании большой сельской школы. На полу лежали набитые сеном матрасы. Там же расположилась и наша кухня-столовая. Учителя разместились в домах сельских жителей. Но по очереди ночевали в школе, вместе с ребятами.

Жизнь наладилась быстро. Днем ходили на прополку колхозных огородов, зарабатывали овощи. Собирали хворост для кухни, а заодно землянику. Занимались спортом. Каждый день после обеда, к вечеру, учителя приходили в здание школы и общались со своими группами. Один из учителей круглосуточно дежурил в школе. Ну чем не пионерлагерь!

За зданием школы начинался еловый лес, в который от села шла поросшая травой дорога. По обеим ее сторонам цвел розовый иван-чай, жужжали пчелы. Ничто не напоминало о войне. И мы уверовали в то, что нам-таки удалось уехать подальше от угрозы военных действий. К сожалению, скоро эта уверенность исчезла.

Немецкий бомбардировщик

Четыре дня спустя, когда наш лагерь начал жить по установленному распорядку, я решил «до подъема» совершить прогулку вокруг деревни. Встал без четверти семь и пошел к лесу по той самой поросшей травой и иван-чаем дороге, что начиналась за школой. И неожиданно, почти дойдя до лесного массива, услышал мощный гул авиационных моторов. Я начал крутить головой и увидел приближающийся ко мне на небольшой высоте (ну чтобы было понятнее — на высоте трех-четырёхэтажного дома) огромный самолет темно-зеленого цвета. Он летел мимо меня над лесом очень низко, едва не задевая верхушки деревьев. Я отчетливо смог разглядеть его фюзеляж с большим черно-белым крестом. Через стекла кабин были хорошо видны головы пилотов в шлемах. Поскольку изображение немецких самолетов мы изучали в школе на уроках военного дела, я без труда узнал в пролетавшей громадине средний немецкий бомбардировщик «Юнкерс». Вернувшись, я рассказал об этой неожиданной встрече своей маме, а она остальным преподавателям. Это их страшно встревожило. Но как поступать в такой ситуации — никто не знал. Сообщили в сельсовет. Но там уже знали о полетах Юнкерса и сообщали об этом не раз в Ленинград.

Теперь я стал специально вставать ежедневно без четверти семь. Жил я в комнате, которую снимала в частном доме наша мать, и никого не тревожил. Одевался и шел на лесную дорогу, чтобы наблюдать полет обнаруженного мною «рейдера». Говорить ребятам о моих утренних походах и о самолете мне запретили. А может быть, зря?

Местные жители, которые, как оказалось, уже во всем разобрались, рассказали педагогам, что этот Юнкерс уже много дней летает бомбить Рыбинскую железнодорожную линию, которая ведет в Ленинград. Эта линия проходит почти параллельно Октябрьской железной дороге, по которой мы сюда приехали, но севернее. Говорили, что самолет после бомбежек возвращается другим маршрутом, западнее нашей деревни. И там, на лес, в болота сбрасывает неиспользованные бомбы. Вот такой нам преподнесла судьба сюрприз!

Каждый раз, выходя утром к лесу, я надеялся, что Юнкерс не пролетит, что его наконец подбили. Но он нагло летал, как по расписанию. А поскольку держался малой высоты, не боялся быть обнаруженным.

Между тем в деревне все чаще стали появляться отцы ребятишек, оказавшихся в нашем лагере. Они забирали их и увозили в Ленинград. На вопросы о причинах такого решения они предпочитали отмалчиваться.

Но беспокойство за нашу безопасность у учителей, судя по разговорам, которые они вели между собой, нарастало. Мне, как сыну одного из преподавателей, доводилось это слышать. По слухам, которые начали до них доходить от местных жителей, немцы двигались не на Ленинград, а в обход Ленинграда. Причем они охватывали с юга и Боровичский район, где находились эвакуированные школьники. Но слухи — это слухи. Доверять им было нельзя и даже опасно. Нужны были факты и очевидцы.

Подтверждение, что это действительно реальные факты, мы получили очень скоро. 24 июля к нам в деревню неожиданно приехал (точнее — пришел) мой отец, Гвидон Романович. Педагогический областной институт, в котором он работал, эвакуировали. И его приняли по его просьбе на работу в нашу 77-ю школу, направив к нам в деревню Каменный Остров в качестве педагога. В это тревожное время он, естественно, хотел быть с нами. В армию его не брали. Ему был 51 год и у него был только один глаз.

Добирался он до нас непросто. Поезд довез его только до станции Окуловка. Дальше железнодорожное сообщение отсутствовало. Немецкие войска перерезали Московскую магистраль около станции Бологое. Отцу пришлось добираться до города Боровичи, а затем до нашей деревни с ночлегом на полпути. Некоторое расстояние от Окуловки он проехал на попутной машине, но в основном шел пешком. Всего ему пришлось преодолеть около 60 километров.

От него мы узнали, что немцы перерезали Октябрьскую железную дорогу, по которой мы приехали из Ленинграда, и дорога перестала функционировать. Путь для нас назад по Октябрьской железной дороге был закрыт. По пути к нам отец видел, как бегут, спасаясь от наступающих германских войск, школьники, эвакуированные в деревни южнее Октябрьской железной дороги. Встретились ему даже воспитанники детского сада с воспитателями, которые добрались до железной дороги и теперь шли по шпалам к станции Окуловка, чтобы вернуться в Ленинград. Из разговоров с воспитателями этих детей отец узнал, что в южной части Новгородской области часть ленинградских школ уже оказалась на территории, занятой немцами. Рассказали они также, что по пути к ним подъезжали немецкие мотоциклисты.

Добравшись до нас, отец подробно рассказал нашему директору и учителям все, что он видел и слышал. Это вызвало большой переполох. Худшие предположения подтвердились. И тогда директор школы Ольга Ивановна отправилась в соседнюю деревню, где находился сельсовет, чтобы связаться по телефону с Ленинградским отделом народного образования.

Вернувшись, она рассказала моим родителям, как общалась с этим отделом. Сначала ее, как она и ожидала, сотрудник отдела обругал и обвинил в паникерстве и распространении ложных слухов. Тогда она, выдержав паузу, подробно пересказала все то, что сообщил ей наш отец, который в тот момент уже являлся преподавателем нашей школы. Это был уже веский аргумент, а не слухи. На том конце провода замолчали, задумались и обещали позвонить через два часа. Ольга Ивановна прождала у телефона в сельсовете пять часов. Там уже все ушли с работы. И вот позвонил телефон и из Ленинграда поступила команда: «возвращаться в город, но не через Боровичи и не через станцию Окуловка, а северным путем — по Рыбинской железнодорожной линии со станции Хвойная. Туда через два дня, 26 июля к 19 часам вечера, сообщили из Ленинграда, подойдет состав из грузовых вагонов». Этот состав предназначается не только для нас, а для всех питерских детей и педагогов, находящихся в Боровичском районе. Эшелон должен доставить всех в Ленинград.

Радости не было предела. Ведь немислимо было даже представить себе, что нас ожидало в этом районе дальше. В тот же вечер работники сельсовета оповестили об отъезде все ленинградские школы, находящиеся в Боровичском районе. На сборы были даны одни сутки. Председатели колхозов, где жили школьники, без разговоров выделили подводы, дали продукты на дорогу.

В назначенный день учителя со своими группами школьников направились из деревень Боровичского района на станцию Хвойная. Расстояние от нашей деревни (около 20 километров) мы преодолели за семь часов. И еще засветло добрались до станции. Порожний состав стоял на боковом пути. Там же нас ожидал и начальник эшелона. Мы разместились в таких же, как и при отъезде из Ленинграда, грузовых, оборудованных нарами, вагонах и стали ждать, когда придут остальные школы. Ждать пришлось до глубокой ночи. Некоторые школы жили в деревнях, расположенных от станции значительно дальше Каменного Острова, и добирались из последних сил.

Через зону боевых действий

Размещением школ в вагонах руководил начальник эшелона, который затем сопровождал нас до самого Ленинграда. Сразу же после окончания посадки он назначил старших по каждому вагону. Затем собрал их и провел инструктаж о требованиях к пассажирам при следовании по зоне военных действий. Вот так теперь назывался предстоявший нам

путь. В нашем вагоне старшим был назначен мой отец, и он рассказал нам об этих требованиях.

Следовало знать, что, если поезд дает протяжный гудок и останавливается, необходимо быстро покинуть вагоны и бежать подальше от железнодорожного полотна. Такая команда подавалась в том случае, если была вероятность бомбежки поезда. При взрыве где-то рядом бомбы или снаряда надо было упасть на землю лицом вниз и закрыть голову руками. Затем следовало добежать до воронки от разорвавшейся бомбы и спрятаться в нее. Второй раз в одно и то же место бомбы, по мнению военных, не попадают.

Если на поезд совершают налет истребители, паровоз подает короткие гудки и максимально ускоряет ход. Пассажиры должны в этом случае прямо в вагоне спрятаться под своими вещами. Можно под нарами или под какими-то другими предметами. Ну и так далее, в таком же духе. Было даже такое требование: не допустить проезда в вагоне посторонних людей. Ими могли оказаться немецкие разведчики, пытающиеся таким путем проникнуть в Ленинград.

Ранним утром 27 июля, когда мы все еще спали, поезд тихо тронулся с места в сторону Питера. Началось путешествие по местам, которые, судя по содержанию инструктажа, спокойной поездки нам не обещали. Сначала скорость поезда была приличной. Колеса ритмично постукивали на стыках и способствовали хорошему сну. Но вот движение стало все более замедляться. Казалось, поезд вот-вот остановится. Мы открыли широкую вагонную дверь и обомлели.

Все пространство от железнодорожной колеи до лесопосадок, что тянулись вдоль путей, было изуродовано воронками от взрывов и утыкано бесчисленным числом неразорвавшихся авиационных бомб. Это была какая-то ярмарка бомб. Они были разного размера и разной окраски (голубой, желтой и даже розовой). Некоторые из этих бомб торчали прямо рядом с торцами шпал. Их поезд проезжал с черепашьей скоростью. Между неразорвавшимися бомбами высились горы развороченной взрывами земли. Это было пугающее зрелище. Ехали мы молча. Бомбовое пространство тянулось на расстоянии трех-четырех километров. Было такое впечатление, что мы едем через склад боеприпасов.

Потом, когда мы уже пришли в себя, мы удивились столь большому количеству бракованных бомб у немцев. Бомб, которые не взорвались. Но причину этого мы так никогда и не узнали. Какое-то время мы ехали в тишине и без приключений. Поезд держал приличную скорость. Мы позавтракали из тех запасов, что были приготовлены нашей школьной поварихой в дорогу. Появилось хорошее настроение, начали шутить.

Но, начиная с одного из разъездов, начались бесчисленные и длительные стоянки. Наш директор Ольга Ивановна с каждой станции или разъезда, с которой нас не выпускали, звонила диспетчеру, требуя вывезти детей из опасной зоны. Ничего не помогало. Мы подолгу ждали, пока пройдут встречные эшелоны. Рыбинская дорога была однопутной. И по ней никогда не ходило столько поездов, сколько скопилось на ее станциях в эти дни войны.

Особенно продолжительными были стоянки, когда мимо нас один за другим шли ремонтные поезда к местам, где эту дорогу бомбили. И мы хорошо понимали, что без восстановления путей мы вообще никуда не уедем. И поминали их добрым словом, когда ход нашего поезда на перегоне замедлялся, и он бережно «переползал» через только что засыпанные воронки. Простаивая длительное время на разъездах, мы натащили на нары большие охапки травы. Спать стало мягче. Но шел уже четвертый день путешествия. Горячая еда кончилась. Приносили только кипяток и сухари.

На пятый день после очередной ночной стоянки нас опять выпустили с разъезда. Ехали быстро. Это радовало. Но вскоре радость сменилась испугом. Паровоз начал не только ускорять ход, но стал давать частые тревожные гудки. Следовало понимать, что появилась воздушная угроза. Я стоял посреди вагона напротив открытых дверей. Но самолетов не видел. «Истребители!» — вдруг хором заорали ребята, сидящие на полу у левой по ходу двери, и стали показывать куда-то вперед.

Я подошел к ним и увидел, что навстречу нам, вдоль эшелона, почти рядом с вагонами, летят друг за другом два истребителя типа «Мессершмитт». По правилам необходимо было куда-то прятаться. Но мы буквально остолбенели и стояли у дверей не двигаясь, как завороченные. Я смотрел в упор на две стремительно приближающиеся боевые машины. Это были какие-то секунды. Все, кто был в вагоне, застыли за нашими спинами, успев только встать с нар. Истребители пронеслись мимо нас так низко, что нам были отчетливо видны лица пилотов, которые смотрели на нас. Я увидел зеленые глаза немецкого пилота, который вел первую машину. Крыша его кабины была открыта, а очки подняты на лоб. И он смотрел на меня. Это было мгновение, доля секунды. Но я запомнил его взгляд на всю жизнь. Затем, выглянув из вагонных дверей им вслед, мы увидели, что вторая, ведомая, машина начала делать правый разворот, чтобы (а это нам объясняли на уроках военного дела) зайти поезду в хвост и дать очередь по крышам от хвоста до локомотива.

Кто догадался, что сейчас будет, почувствовал непреодолимый страх. Что же? Конец? А чего еще можно было ожидать от двух боевых

германских асов, имеющих очевидное задание — парализовать железнодорожное сообщение на Рыбинской линии? Почему бы им было не воспользоваться возможностью безнаказанно разделаться с еще одним эшелонотом?

Но тут случилось невероятное. И до сих пор для меня труднообъяснимое. Командир звена, пилот первой машины, два раза резко качнул крыльями. Дорога на этом участке была прямой, и самолеты были нам видны на большом расстоянии. Второй пилот прервал разворот и пристроился к командиру в хвост. И они улетели.

Мы долго не могли о чем-то говорить. Живы! Остались живы! Ведь если бы истребитель выполнил задуманное... Если бы он прошелся над поездом с хвоста до локомотива, расстреливая нас через крыши вагонов из четырех пулеметов и одной скорострельной пушки, нас бы некому было хоронить! Как страшный фильм, помню до сих пор эти секунды. Хотя все это прошло в одно мгновение. Перебирая в памяти пережитое и приходя в себя, мы наконец обратили внимание на то, что эшелон продолжает свое движение в сторону Ленинграда.

И минут через тридцать поезд прибыл на станцию Теребутинец. Вот тут-то ситуация военной зоны и однопутного движения «на нас отдохнула». Придя в себя после налета истребителей, мы простояли на этой станции более двух суток. Отец пришел с совещания вагонных старост и сообщил, что впереди по ходу немецкие самолеты бомбят станцию Будогощь. Поэтому разрешено пропускать туда только восстановительные поезда и эшелоны с оборудованием, которые следуют в сторону Урала, обратно.

Мы болтались по станции, лежали на вагонных нарах. У нас окончилась последняя выдача сухарей с кипятком. Мы выпили воду даже из станционного колодца. Ведро приходило снизу с грязью. Ходили за водой в лесок, к ручьям. Потом кипятили ее в вагоне-кухне. Про еду старались не говорить.

Мимо нас, без остановки, шло большое число поездов со шпалами, рельсами, щебенкой и путейцами, которые сидели сверху, прямо на платформах. Еще большее число поездов шло им навстречу, из Ленинграда. Длинные составы везли на платформах станки, мостовые краны, электродвигатели, котлы, турбины. Перевозилось оборудование больших и малых заводов на восток, для организации там производства вдали от линии фронта.

В эшелонах переезжала не только техника. Ехали работники этих заводов с семьями. Помню — гармошка даже играла. Эти поезда-заводы шли непрерывным потоком. В каждом таком составе была платформа

с зенитной установкой, которая предназначалась для защиты от авиации. Именно за этими поездами в первую очередь и охотились воздушные рейдеры вермахта.

За два дня, проведенных на разъезде Теребутинец, мы измаялись и изголодались. Голод глушили черникой и брусничкой. Ходили ее собирать в лес весь светлый день. Как шутил потом мой отец: «„натеребутинились“ досыта». Но наутро третьего дня внезапно прозвучал длинный свисток паровоза и эшелон двинулся дальше. И относительно быстро добрался до разъезда, который находился перед той самой станцией Будогощь, которую непрерывно бомбили.

И нас опять остановили! И не только остановили. Была дана команда «покинуть вагоны и убежать в лес, не менее чем на 200 метров от путей». К станции приближались бомбардировщики. У эшелона остались только старшие по вагонам, в том числе и наш отец. Естественно, что мы очень переживали за него. Наблюдали за ним издалека, с опушки леса. Бомбардировщики шли сравнительно невысоко. Три Юнкерса клином. К счастью, для нас это обошлось только испугом. Бомбардировщики прошли, но не стали тратить боеприпасы на отдельно стоящий эшелон. Зато полной мерой ударили вновь по станции Будогощь, которая представляла собой важный железнодорожный объект. Мы отчетливо слышали эти разрывы и выстрелы зениток.

Через пару часов, когда начало темнеть, мы вернулись в вагоны, уже более ни на что хорошее не рассчитывая. Правда, вода на этом разъезде была. И были несобранные в перелеске брусника и черника. Несмотря на сумерки, мы пошли ее собирать. Хотелось хоть что-нибудь пожевать перед сном.

И неожиданно ранним утром проснулись от длинного, обнадеживающего гудка нашего паровоза. Он означал, что нам разрешено въехать на станцию Будогощь! Для нас это было что-то невероятное! Шел восьмой день нашего возвращения в Ленинград.

Станция Будогощь, которую мы наконец проезжали с черепашьей скоростью, представляла собой зрелище, о котором можно сказать: «нарочно не придумаешь». При въезде, за входным светофором вверх колесами лежал паровоз. Справа и слева валялись разбитые, слегка скрученные вагоны. Огромные провалы в насыпи, по которой шел наш состав, были заложены шпальными клетками и по ним были проложены новые рельсы. А старые рельсы валялись вокруг, свернутые, как гигантские пружины.

На станции не было живого места. Земля была изрыта воронками. У станционных зданий отсутствовали окна и крыши. Но кругом

работали люди. Шло восстановление путей транспортного узла. Мы ехали по станции очень медленно. Но вот станция окончилась, и эшелон, ускоряя движение, двинулся к Питеру уже без остановок.

К середине дня 3 августа мы прибыли в Ленинград. Нас высадили из вагонов на станции Навалочная, недалеко от Волковского кладбища. Встречало нас какое-то городское начальство. Мы тепло попрощались с нашим директором — Ольгой Ивановной Зубриковой, благодарили ее за стойкость и неутомимость.

Не помню, на чем мы ехали домой, на Петроградскую. Но так или иначе, наше более чем месячное пребывание в Боровичском районе и восьмидневное путешествие «по зоне боевых действий» окончились. Этот «смертельный круиз» не раз ставил нас на грань выживания (и это без сомнений можно утверждать). Восемь дней мы находились реально в «зоне боевых действий». И нам крупно повезло, коль скоро мы проехали через эту зону целыми и невредимыми. Спасибо и низкий поклон всем тем, кто этому способствовал.

Наш родной город, как мы заметили по дороге домой, еще более оцетинился зенитными орудиями, повысил свою готовность к налетам немецкой авиации. Заметили мы в небе и необычные для нас предметы, похожие на воздушные шары в форме рыбы с хвостовым оперением. Это были, как нам объяснили, аэростаты воздушного заграждения. Они появились над городом уже после нашего отъезда.

На следующий день к нам пришли друзья и знакомые родителей. Пришли соседи. Нам нелегко было общаться с ними. Они, естественно, хотели подробнее узнать о ситуации за пределами города. Потому что они даже не представляли себе того, что мы видели своими глазами. А мы по законам военного времени не имели права сообщать что-то выходящее за рамки официальных сводок. Об этом папу, маму, да и всех преподавателей и даже школьников, пассажиров эшелона строго предупредило встречавшее нас городское начальство. Но и не рассказывать о том, что мы видели, было бы нечестным по отношению к нашим знакомым и друзьям. Люди должны были знать, что угрожает городу и им самим. Что было делать? Рассказывали! Понемножку.

И мы вновь оценили значение приезда 24 июля в деревню Каменный Остров нашего отца. Информация, привезенная им, позволила спасти не только нас, но целый эшелон ленинградских школьников. Ведь все питерские школы, которые были эвакуированы в Боровичский район, находились в полном неведении о военной ситуации. И реально не имели никаких шансов на спасение. Через двенадцать дней после нашего возвращения нам (под большим секретом) стало известно,

что Рыбинская железная дорога и Боровичский район, откуда мы только что приехали, уже заняты германскими войсками.

Эвакуация в Северный Казахстан

Доехав в день возвращения на Съезжинскую, наша семья столкнулась с двумя неожиданными проблемами. Во-первых, мы не смогли купить в магазинах продукты, так как в городе была введена карточная система. А у нас, естественно, карточек не было. И нам пришлось в этот вечер обращаться за помощью к знакомым. Конечно, нас выручили. Кое-что дали.

Вторая проблема была сложнее. Она заключалась в том, что родители, будучи во время эвакуации в Боровичский район преподавателями школы № 77, оказались в день прибытия в город безработными. Вот такое небольшое «административное свинство». Сообщил им об этом прямо на перроне станции Навалочная представитель городского отдела народного образования, который встречал эшелон с детьми. Такое же уведомление об увольнении получили все преподаватели нашей школы, которые сопровождали детей на пути в Боровичский район и обратно. С формальной точки зрения это было логично. Еще 21 июня школа № 77 была официально закрыта. Там открывался госпиталь. Миссия по эвакуации детей в деревню Каменный Остров была завершена с прибытием эшелона в Питер. Какие вопросы?! И, к сожалению, никто не подумал о том, что прибывшим из эвакуации преподавателям следовало бы, наверное, дать какое-то время, чтобы трудоустроиться, чтобы получить продовольственные карточки. Почему-то это не считалось чем-то значимым с точки зрения городского руководства.

И на следующее утро отец отправился по поводу работы и карточек в администрацию Петроградского района. Там к нему отнеслись, не в пример чиновникам гороно, очень внимательно. Проблема карточек была решена сразу же. Затем ему и маме предложили места для трудоустройства, которые им могли бы подойти, учитывая их инвалидность. Но эти места были на предприятиях, требующих производственных навыков. А все гуманитарные учреждения либо были уже эвакуированы, либо их судьба находилась в стадии решения. Отец просмотрел эти списки и расстроился — подходящей работы не было.

Неожиданно, как бы между прочим, сотрудница райсовета предложила ему еще один вариант решения проблемы. Оказалось, что была возможность выезда в эвакуацию в Северный Казахстан, по путевке Ленинградского городского совета. По ее словам, жители района

к эвакуации из города интереса не проявляют, и путевки лежат уже давно. И отцу-то она предложила их в основном «для порядка». К ее удивлению, отец отнесся к предложенным путевкам более чем серьезно. И попросил дать ему время, чтобы посоветоваться с супругой.

Дома родители решение приняли незамедлительно, в тот же день. И на следующее утро отцу вручили удостоверение, подтверждающее эвакуацию семьи из Ленинграда решением городских органов власти. Вручили путевку на эшелон, отправляющийся 16 августа вечером с Московского вокзала, и разрешение на получение некоторых продуктов и хлебного пайка на 10 дней вперед. Начались сборы в путь.

Когда наши знакомые узнали о том, что мы эвакуируемся в далекий Казахстан, они, совершенно неожиданно для нас, дружно и энергично стали отговаривать родителей от такого шага. Нас тогда это очень удивило. Доводы у знакомых были очень разные, и выглядели они достаточно серьезно. Говорили, например, что если мы уедем, то можем потерять все имущество и свою квартиру. (К сожалению, так действительно и случилось.) Говорили о тяжелых условиях жизни в Казахстане, как трудно будет там устроиться, да еще во время войны. (Да, сначала так и было.) Пугали тяжелой, длинной дорогой на восток, да еще в военное время. (Здесь, правда, они ошибались. Поездка оказалась на удивление безопасной и обеспеченной всем необходимым.) Наконец, мы услышали и такой довод. Некоторые наши советчики утверждали, что войну в Ленинграде легче будет пережить, чем где-либо в другом, менее обустроенном, месте. Подумать только! И приводился этот довод не единожды!

Добрые, хорошие наши знакомые и соседи! Давая свои советы и желая нам добра, они, в отличие от нас, совершенно не представляли того, что их ждет с наступлением блокады, как вблизи выглядит война, которая тогда неумолимо приближалась к городу. У нас же, в противовес этим «разумным доводам», перед глазами стояли те восемь дней, которые мы только что провели «в зоне боевых действий», с бомбежкой и налетами. Сидели там без еды и воды. И готовы были отдать за спасение своих жизней не только квартиру. Там мы начали понимать, как выглядит настоящая война и что нас ждет в блокаду. И пытались объяснить это своим знакомым. Но они нас не слышали. Увы, на том и разошлись. Между тем наши родители хорошо понимали, что в складывавшейся на их глазах как вокруг города, так и внутри него военной обстановке они, будучи к тому же инвалидами, остаться в живых не сумеют. И детей не спасут.

Так единственно правильное решение было принято. Надо было собираться в дорогу. Правда, никто из нас толком не знал, что нужно

брать с собой в далекий Казахстан. На какой срок следует рассчитывать. В каких условиях мы там окажемся. Можно ли будет что-то из вещей купить на месте.

Наконец сборы были завершены. 16 августа, за два часа до отправления эшелона, мы с вещами добрались на грузовике до Московского вокзала. Эшелон растянулся своими вагонами от путей, с которых в мирное время отправлялись пассажирские поезда, далеко вдале. По длине он в два раза, если не больше, превышал длину обычного пассажирского поезда. Состоял он из больших четырехосных грузовых вагонов.

Мы приехали рано и разместились в вагоне ближе к хвостовой части, у самого здания вокзала. В каждом вагоне было оборудовано восемь нар, в два яруса. Наша мама, имея уже опыт поездок в эшелонах, постелила одеяла и положила подушки на нижние нары у торцевой стенки вагона. Удобство такого размещения заключалось в удаленности этих мест от огромной двери.

Пришло время отправления, но эшелон был не заполнен. Ленинградцы явно не спешили эвакуироваться. Даже в нашей, хвостовой, части состава, которая находилась в пределах вокзала, не все места были заняты. Прошел час, потом два, но эшелон по-прежнему стоял на вокзале.

И вдруг как-то сразу в вагон начало входить большое число людей с вещами. Мы сразу обратили внимание на то, что это были не ленинградцы. Постепенно выяснилось, что идет посадка беженцев, добравшихся до Ленинграда из городов, в которые уже вошли немецкие войска. В основном из Прибалтики и Псковской области. Нары быстро заполнялись. Но поток беженцев не иссякал. Через некоторое время им пришлось уже занимать места на полу, между нарами и возле широкой вагонной двери. Но они были рады и этому. Наконец все пространство вагона было занято «под завязку». Стало тесно и душно. Но мы не огорчались. Начали знакомиться.

Отошел эшелон от вокзала лишь около полуночи. Двигался он не быстро, в полной темноте. Опасались налета. К августу от белых ночей не осталось и следа. Но вокруг не было видно ни огонька. Действовало затемнение. Длительное время наш путь проходил по пригородам в полной тишине. Лишь колеса постукивали на стыках.

Вдруг кто-то сказал: «Мга». Мы ехали через станцию Мга! Она была в те дни последним действующим железнодорожным выездом из Ленинграда, не перекрытым вермахтом.

Скорость снизилась. В это время сквозь облака начала появляться луна, и все, кто стоял у полуоткрытой двери, увидели, что вокруг

простирается большая железнодорожная станция, разгромленная так, что на всем ее пространстве не осталось ничего целого. Исправным был лишь один восстановленный железнодорожный путь, по которому шел наш эшелон.

В те дни этот путь оставался единственным средством сообщения города с остальной железнодорожной сетью страны. И нам посчастливилось им воспользоваться. Рыбинская ветка, по которой мы недавно, в начале августа, вернулись в город из школьной эвакуации, уже была в руках вермахта. Луна вновь ушла за облака. И, постепенно набирая скорость, наш эшелон начал свое движение в сторону неведомого нам далекого Северного Казахстана.

Послесловие

Через девять дней мы прибыли на место и оказались в далеком сибирском селе, расположенном на берегу большой сибирской реки Иртыш. Страхи и волнения, связанные с нашей первой эвакуацией в Новгородскую область и возвращением оттуда «через зону боевых действий», постепенно уходили в прошлое. Теперь мы оказались в глубоком тылу. Родителей приняли на работу преподавателями в среднюю школу села. Меня мобилизовали в трудовую армию и отправили на уборочные работы.

Именно тогда появилось и долгие годы не покидало меня желание разобраться, как могла произойти воистину трагическая эвакуация школьников Ленинграда в Новгородскую и Псковскую области, о некоторых эпизодах которой и рассказано в этом очерке. Кто ее придумал и осуществил? Правда, ставя перед собой такую задачу, я тогда даже не подозревал, сколько времени у меня на это уйдет.

Если вам довелось прочитать мой очерк, то вы, наверное, обратили внимание на то, что первым сигналом неблагополучия всей этой затеи с вывозом школьников в сельскую местность на юг от города стало появление над деревней, где мы жили, немецкого бомбардировщика «Юнкерс». Он каждое утро навещал нас и летел дальше на север, бомбить Рыбинскую железную дорогу.

С каждым днем подобных сигналов и сомнений в нашей безопасности появлялось все больше. И, конечно, самое тревожное сообщение принес нам мой отец. Он пришел к нам в деревню от станции Окуловка пешком, по путям бездействующей от Окуловки магистрали Ленинград — Москва. Он сообщил, что все деревни Новгородской области, находящиеся южнее этой магистрали, уже заняты немецкими войсками.

И эвакуированные туда школьники находятся под контролем войск вермахта.

Сообщение отца было передано в Ленинград. И нас, школьников Петроградской стороны, благодаря полученной информации спасли. Тогда выяснилось, что в Комитете по образованию о движении немецких войск никто вообще ничего не знал. О подходе немецких войск эти школы никто не предупредил. Разумеется, все ссылались на хаос в начале войны.

Но оставались без ответа главные вопросы. А кто вообще запрограммировал такую эвакуацию? Кто додумался направить детей из города на территории, по которой проходило одно из главных вероятных направлений наступления немецкой армии? И главное, что же стало со школьниками и детсадовцами, оставшимися на оккупированной территории, которые оказались в ловушке, вольно или невольно подготовленной чиновниками Ленинградского городского комитета образования?

Но ответов найти я очень долго не мог. Много-много лет спустя мне довелось узнать кое-что об аналогичной ситуации, которая складывалась в те дни в Псковской области. Эта область находится ближе, чем Новгородская, к старой границе страны.

Своими воспоминаниями о школьной эвакуации в Псковскую область поделился со мной мой добрый друг и коллега по научной работе профессор В. А. Ядов. В год начала войны он так же, как и я, оказался в эвакуации со своей школой. Их группа жила в деревне неподалеку от города Гдов.

В один из первых дней июля, ранним утром, когда все еще спали, к школе подъехало два автобуса. Руководитель района, прибывший с ними, забежал в здание школы и прокричал: «Всем быстро садиться в автобусы!». Мест не хватало, но влезли все. Автобусы выехали на шоссе, ведущее в Ленинград, и помчались. И тут все сидящие в автобусах, рассказывал Владимир Александрович, с ужасом увидели, что справа от шоссе, по которому они ехали, по заросшему полю в том же направлении движется длинная колонна немецких танков. На танках сидели немецкие солдаты, которые видели автобусы с детьми, но особого внимания на них не обращали.

Владимир Александрович вспоминал, что сидящие в автобусах ребята во время этого параллельного следования орали хором: «Фашисты сволочи! Победа будет за нами!» и т. п. Естественно и, может быть, к счастью, сквозь грохот танковых двигателей их крики немцы не слышали. Внезапно их колонна резко повернула в сторону от дороги. А два автобуса с детьми продолжили свое движение в сторону Ленинграда.

Что стало с остальными школьниками, которые были эвакуированы в Псковскую область, Владимир Александрович, естественно, не знал.

Рассказ коллеги обострил мой интерес к поиску ответа на мучавший меня вопрос, каким образом руководство Ленинграда, Военный совет Ленинградского фронта умудрились отправить школьников города на верную гибель, навстречу наступающей германской армии. Ведь в момент их отъезда из города шел уже девятый день войны, и складывающаяся на западных территориях страны ситуация военному командованию была понятной.

После окончания войны в стране регулярно отмечались годовщины, юбилейные даты, связанные с обороной города, со снятием его блокады. Но по поводу трагедии, которая случилась в результате странной эвакуации школьников в Псковскую и Новгородскую области, и пресса, и телевидение хранили молчание.

Прошло еще какое-то время. И только в конце 1970-х годов, приехав в Питер и работая в читальном зале библиотеки АН СССР, я наткнулся на старый ленинградский журнал, размещенный на выставке к очередной годовщине прорыва блокады. И неожиданно в этом журнале обнаружил большую статью о первых блокадных днях города. В этой статье довольно пространно говорилось о том, как появился тот самый план эвакуации детей из Ленинграда. Это была грандиозная находка. Статья отвечала почти на все вопросы, которые я себе задавал. И раскрыла причину произошедшего в тот первый месяц войны.

В статье говорилось, что план эвакуации школьников из города с целью спасения их от бомбежек в военный период, который и был использован в июне 1941 года, создали ленинградские специалисты народного образования вместе со штабом ПВО города. Там действительно было все предусмотрено до мелочей. Но создан он был не в 1940 и не в 1941, а в 1937 году, задолго до начала Великой Отечественной войны и по другому поводу.

Он создавался по заданию правительства для спасения школьников от бомбежек финской авиации, которые ожидалась во время войны с Финляндией. Война была задумана и осуществлена руководством страны, возглавляемым И. Сталиным, в зиму 1939–1940 годов. И план был успешно к этому сроку создан.

По плану детей предполагалось вывезти в Псковскую и Новгородскую области, поскольку они находятся на значительном удалении от Карельского перешейка. Но когда Финская война началась, стало ясно, что авиация Финляндии город Ленинград бомбить не будет. И план был положен «на полку».

В новой ситуации, в 1941 году, угроза бомбежки города уже под сомнение не ставилась. Поэтому эвакуация детей из города обрела актуальность. И тут, очевидно с радостью, чиновники народного образования обнаружили, что у них под руками находится готовый, утвержденный во всех инстанциях (никому показывать не надо) документ по организации эвакуации детей. А что еще нужно было аппарату городского управления для обоснования своих действий? Не исключено, что кое-кто из них даже не представлял себе, где эти области находятся и насколько они далеки от линии фронта. Вот уж воистину ярчайший пример тупоголовой чиновничьей глупости, превратившей дикую ошибку в преступление.

Но в статье не говорилось, какова же была судьба этих ребят. И очень долго я не мог ничего об этом узнать. И вот неожиданно, в мае 2021 года, по петербургскому ТВ мне удалось посмотреть передачу, посвященную жертвам немецкого концлагеря, который в годы войны был создан под Ленинградом в городе Гатчина. Сейчас на том месте, говорилось в передаче, открыт мемориал.

Наиболее важным для меня было то, что в составе узников этого лагеря находились ленинградские школьники, «оказавшиеся во время войны на территории Псковской и Новгородской областей». Сообщалось также о том, что все они в этом Гатчинском лагере и погибли. Они не только там работали, но у них еще систематически брали кровь для раненых солдат вермахта. Так мне наконец стала известна судьба тех ребят, которые не смогли из этой эвакуации вернуться домой, в свой город. Число их в передаче названо не было.

Вот таким оказался трагический итог эвакуации детей из города, задуманной во имя их спасения в июне 1941 года. Вернулись в город в полном составе только школьники Петроградского района (благодаря информации, полученной от нашего отца). Какую-то часть ребят успели вывезти родители, кое-кто убежал сам. Остальные погибли. Теперь об этом мне наконец удалось узнать. Вечная им память!

*Всеволожск,
2021 г.*

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА / ЧЕЛОВЕК И СРЕДА ОБИТАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-20.kwpk-5442

EDN: ZHDIVS

УДК 502.504.526

Г. В. ЕРЕМИЧЕВА, Г. А. МЕНЬШИКОВА, ПУЯН ЯО

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И РОССИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ К ФОРМИРОВАНИЮ АНТИРИСКОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Экологические проблемы во всем мире нередко оказываются техногенными и социальными вызовами. Среди стран, где эти проблемы стоят крайне остро, находятся Россия и Китай. Об этом свидетельствуют позиции обеих стран в международных рейтингах. В статье сопоставляются направления, реализуемые Россией и Китаем в сфере экологической политики, главной задачей которой является поддержание баланса интересов всех ее акторов и выработка антирискового национального поведения. В качестве методологической основы анализа достижений китайской и российской экополитики используется теория экологической модернизации, которая позволяет системно оценить инновации, определяющие социальную составляющую в каждой стране, обозначая главное — изменение сознания каждого человека. Проведенный анализ показал, что обе страны находятся в стадии перехода к качественно новому этапу: трансформации потребительского поведения в «ответственное», отвечающее требованиям мировой экополитики. Но достигнуть показателей международных рейтингов развитых стран им пока не удастся. Хотя в целом по «природным» показателям место России несколько выше, чем позиции Китая, но их значения ниже среднего уровня. В статье делается вывод, что экологические проблемы стали частью национальных политик в обеих странах, о чем свидетельствуют заметные положительные сдвиги по экологическим показателям. Однако наблюдаемая пассивность общественного контроля предопределяет недостаточность успехов обеих стран, не давая возможность их правительствам в полной мере реализовывать имеющийся потенциал. Острота проблемы настоятельно требует включения в нее государственных органов, предприятий, благотворительных организаций и всех жителей.

Ключевые слова: экологические проблемы, новые производственные задачи, управленческие практики, экологические рейтинги.

GALINA V. EREMICHEVA, GALINA A. MENSHIKOVA, PUYANG YAO

ENVIRONMENTAL POLICY OF CHINA AND RUSSIA: FIRST STEPS TOWARDS THE FORMATION OF ANTI-RISK NATIONAL BEHAVIOR

Environmental problems around the world often turn out to be technogenic and social challenges. Russia and China are among the countries where these problems are extremely acute, as evidenced by the positions of both ones in international ratings. The authors compares the directions implemented by these countries in the field of environmental policy. The main task is to maintain a balance of interests of all its subjects and develop anti-risk national behavior in most countries of the world. As a methodological basis for analyzing the achievements of Chinese and Russian environmental policy, the theory of environmental modernization is used, which allows to evaluate systematically innovations that determine the social component in each country, designating the main as change in the consciousness of each person. The analysis showed that both countries are on the transition to a qualitatively new stage: the transformation of consumer behavior into a “responsible” one that meets the requirements of world environmental policy. But they have not yet been able to achieve the indicators of international ratings of developed countries. Although, on the whole, in terms of “natural” indicators, Russia’s place is slightly higher than China’s, but all indicators are below the average level. Environmental concerns have become part of national policies in both countries, as evidenced by noticeable positive developments in environmental performance. However, the observed passivity from the side of public control predetermines the lack of success in both countries, preventing their governments from fully realizing their potential. The severity of the problem urgently requires the inclusion of government agencies, enterprises, charitable organizations and each person.

Keywords: environmental problems, new production tasks, management practices, environmental ratings.

Введение

Мировые экологические проблемы в настоящее время невозможно рассматривать локально, как одну из сфер социальной жизни различных стран или отдельных территорий планеты. Решение этих вопросов приобретает планетарный размах и требует глобального теоретико-методологического подхода, который учитывает объективные природные изменения и риски (участие) каждой страны в данном процессе.

Начиная с последней трети XX века мир столкнулся с такими экологическими проблемами, как интенсивное таяние льдов Северного Ледовитого океана, существенные изменения параметров течения

Гольфстрима, рядом крупных техногенных и природных катастроф (Субботин 2014). По словам Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, борьба с изменением климата, последствия которого становятся все более очевидными и разрушительными, должна стать приоритетом для человечества в XXI веке. Он указал: «Столь безответственное отношение к окружающей среде равносильно самоубийству. Природа всегда наносит ответный удар — и делает это с превосходящей силой и яростью». «В этих обстоятельствах, — говорит он далее, — пришло время радикально изменить характер отношений человечества с природой (...) и мы должны работать над этим вместе, поскольку солидарность в этом вопросе равносильна выживанию. Пусть понимание этого станет для нас главным уроком 2020 года»¹. Ученые и практики всего мира сходятся на признании необходимости формирования экологической этики — модуса правил поведения, обязательного для правительственных решений, деятельности предприятия и для поведения каждого жителя. На этом с середины XX века настаивали члены Римского клуба, к этому призывал известный ученый-естествоиспытатель Н. А. Вернадский.

Методология и методы исследования

Современная экологическая политика — сложный феномен, и может быть представлена в разных исследовательских парадигмах. Это позволяет рассмотреть ее через «взаимодействие различных экономических, политических и социальных субъектов, обладающих собственными интересами (ценностями), направленное на формирование и реализацию стратегии в сфере охраны природы и окружающей среды» (Аксенова 2006). Этими субъектами являются представители власти и бизнеса разного уровня, экологические неправительственные организации, наделенные населением правами и полномочиями по воспроизводству и развитию территорий с учетом сохранения и соблюдения их потребностей. Немалое значение в данном контексте приобретает степень чувствительности населения к работе органов власти и управления, их способности эффективно осуществлять возложенные на них обязанности. Сформировавшийся характер отношения населения к органам власти и управления, доминирование определенных оценок в общественном сознании оказывает непосредственное влияние на состояние

¹ Антониу Гутерриш. Борьба с изменением климата: настало время действовать // Независимая газета. — 2021. — 21 апр.

социального климата, на особенности проявления социально-политической и социально-экономической конфигураций на отдельных территориях, в регионах и стране в целом (Аксенова 2006: 80–83).

Сутью эकोполитики становится поддержание баланса интересов этих сообществ, а экологического управления — достижение согласованности в ходе политического взаимодействия и выработки антирискового национального поведения в большинстве стран мира. Каждый из этих субъектов имеет свое конкретное место и функцию, обеспечивающую ее работу, а эффективность организации государственного управления в этой сфере определяется степенью свободы принятия решений субъектами всех уровней регулирования, то есть уровнем централизации (децентрализации), осуществляемых в этой области институциональных, организационных, социально-политических трансформаций (Аксенова 2006: 5–9).

Накопленный десятилетиями опыт исследований последствий экологических аварий и катастроф, загрязнений окружающей среды и изменения климата, а также формирование огромной базы статистического, теоретико-методологического, медийного материала свидетельствует о том, что одной из основных причин техногенных катастроф являются риски в промышленном секторе. В соответствии с курсом ООН на цели устойчивого развития (ЦУР) принято считать важным направлением процесса сдерживание интересов основных экономических и политических субъектов через определенное ограничение роста промышленности и ее инфраструктуры. Это достигается не только разработкой и внедрением современных технологий и инноваций, позволяющих сберечь ресурсы и являющихся менее разрушительными для природы, здоровья человека и окружающей его среды, но и серьезной экологической трансформацией общества, в том числе как проявление его институциональных изменений (Яницкий 2016: 23).

Значимость системных социальных изменений, а не только совершенствование технологических процессов закреплено в концепции экологической модернизации, которая появилась в 60-е годы, но вошла в научные разработки несколько позже, в 1980-е годы, в работы Й. Хубера (Huber 2020), Ф. Буттеля (Buttel 2000), А. Мола (Mol 2000) и др. Позднее авторы сфокусировали внимание на трудностях ее адаптации к постоянно трансформирующимся реалиям, что позволило их последователям отметить, что концепция экологической модернизации отражает «изменившиеся роли субъектов эकोполитики, интерпретируя их как институциональные трансформации, присущие определенному моменту развития общества, а не столько как причины и глубин институционального сдвига» (Аксенова 2006: 3–8; Кулясов 2015).

Концепция экополитики лучше других позволяет проследить динамику трансформации позиций двух государств, России и Китая, — субъектов экополитики, проанализировать изменения в их современном индустриальном развитии. Такие мощные страны, как Китай и Россия, безусловно, оказывают подавляющее влияние на экологическую политику в евроазиатском масштабе. При этом в процессе осуществления экополитических преобразований между этими странами можно обнаружить много схожего, вместе с тем в каждой отдельной стране наблюдаются свои особенности.

Особенности модернизационного процесса и формирование экополитики в Китае

Теоретико-методологические основания процесса модернизации и индустриализации начали разрабатываться в Китайской Академии наук в конце XX века. Ученые предложили два этапа (стадии) реализации этого процесса — первичный, отражающий индустриальную эру цивилизационного процесса, и вторичный, связанный с информационной эрой (или эрой знаний). Каждая из стадий включает фазы — начало, развитие, расцвет и переход к следующей стадии (He, Zhang 1999; He 1999). Предполагалось также, что результаты обоих этапов смогут интегрироваться в третью стадию модернизации. В ней завершится создание фундаментальных, системных, инфраструктурных (в самом широком смысле) предпосылок, а на базе сконструированных показателей могут быть сформулированы конкретные долгосрочные цели до 2100 года (Кудинова, Розенберг 2012).

Как национальная задача, модернизация Китая осуществлялась в рамках государственной концепции «социальной гармонии», которая, по замыслу руководства КНР, целостно связывает экономический рост, традиционные китайские ценности, современные цели развития и внешнюю политику страны, параллельно решая социальные проблемы, обусловленные быстрым индустриальным и экономическим ростом (Обзорный доклад... 2011). Эти задачи актуальны и в настоящее время. В резолюции XX всекитайского съезда КПК, прошедшего в 2022 году, за пятилетку 2020–2025 годов планируется в основном осуществить социалистическую модернизацию по основным направлениям инновационного развития, в том числе строительству «здорового Китая».

Сложность экологических проблем усиливается стремлением Китая сохранить мировое лидерство в сфере производства и экономики. В 2011 году США после 110-летнего лидерства по объему производства

в мире уступили место Китаю. В настоящее время страна производит чуть меньше трети мировой промышленной продукции, причем здесь собраны основные «грязные» виды производств: тяжелая и химическая промышленность. По мнению ученых, Китай взял на себя непосильную экологическую нагрузку (Обзорный доклад... 2011), за что расплачивается и сам, и мировое сообщество. Обвинения в экологической недобросовестности КНР звучат часто, правда, редко кто указывает, что сами страны Европы, особенно Норвегия, перенесли на китайские территории свои экологически опасные предприятия. Отметим, что КНР лишь в 2016 году ратифицировал Парижское соглашение о климате.

По европейским стандартам из 560 млн городских жителей только 1% может позволить себе дышать безопасным для здоровья воздухом. Загрязненность китайских рек сточными водами после сброса в них 75 млрд т отходов превышает норму более чем на 40%; свыше 20% рек загрязнены до такой степени, что они стали опасными для людей и животных; около 300 млн сельских жителей не имеют доступа к питьевой воде; средний объем водных ресурсов на душу населения в год составляет лишь 2100 куб. м, то есть около 28% средней мировой нормы; около двух третей китайских городов относятся к «нуждающимся в воде» (Jiang 2012).

В завершение описания общей ситуации в Китае приведем некоторые примеры из «Белой книги» — статистического справочника по экологическим проблемам. Начиная с 2016 года страна тратит около 300 млрд долл. в год на экологические проекты, 14 отраслей экономики предоставляют «зеленый» отчет. Экологическая комиссия регулярно проверяет предприятия на соответствие экологическим стандартам; введен спутниковый мониторинг вредных выбросов. В самой крупной промышленной провинции Гуандун ежегодно закрывается около 1000 предприятий, нарушающих установленные стандарты. С 2018 года повышены ставки налогов: за создание шума взимается ежемесячно от 350 (55,7 долл.) до 11 200 юаней (1,7 тыс. долл.); налог на производителей твердых отходов составляет от 5 до 1 тыс. юаней (0,7–160 долл.), за тонну диоксида серы — 0,22–0,25 долл. Ежегодно экологический налог приносит в бюджет около 50 млрд юаней, или 7,9 млрд долл. Нарушители наказываются. Так, в 2019 году суды Китая рассмотрели 36 733 уголовных дела в сфере экологии, что на 43,3% больше, чем в 2018 г.¹

¹ White Paper “Environmental Protection in China. 2006–2015”. Press Office of the State Council of the People’s Republic of China — Beijing, 2015. — 674 p.

Подводя итог, укажем, что за время своего пятидесятилетнего становления экологическая политика Китая претерпела существенные изменения: она стала более продуманной и системной. Пройдя путь от становления, когда были приняты основные законы, до этапа развития (в ходе которого внимание фокусировалось на поиске наиболее эффективных мер), Китай перешел к третьему этапу — созданию «экологической цивилизации». Однако, как это объясняется деятелями партии и правительства этой страны, в современных условиях им не удается в полной мере сконцентрироваться на решении экологических проблем, хотя этому процессу уделяется достаточно внимания (Тинтин 2017: 38; Миняева 2016).

Стержнем современного этапа видится глубина преобразований, которые должны охватить каждое предприятие, регион, стать основой поведения каждого человека. Действительно, предприятия Китая отличаются высокой энергоемкостью, ресурсоемкостью и высокими выбросами углерода на единицу ВВП. Энергопотребление перерабатывающей промышленности Китая составляет около 70% от общего потребления энергии в стране. Самая высокая доля приходится на отрасли с высоким энергопотреблением, такие как сталелитейная, цементная, цветная металлургия и автомобилестроение. В 2020 году 57% мирового производства стали и 58% мирового производства цемента, 57% электролитического алюминия и 32,5% автомобилей предопределили большой общий объем потребления энергии и высокую энергоемкость на единицу ВВП. Обработывающая промышленность Китая в целом находится в среднем и нижнем звене глобальной цепочки создания стоимости — здесь снизить интенсивность выбросов углерода (за счет корректировки структуры промышленности) гораздо сложнее, чем в развитых странах¹.

Премьер-министр Китая Ли Кэцян в правительственном докладе в 2020 году выделил четыре задачи по борьбе с загрязнением: усиление контроля за загрязнением воздуха в ключевых областях, ускорение перемещения опасных химических предприятий из городов в малонаселенные сельские территории; ускорение строительства очистных сооружений и расширение отрасли энергосбережения; защита окружающей среды. По его словам, Пекин продолжит сокращать потребление энергии и выбросы парниковых газов. Премьер-министр также заявил, что страна улучшит общие показатели в области очистки окружающей

¹ Report on the State of Ecology and Environment in China, 2017. — URL: <https://english.mee.gov.cn/> (дата обращения: 12.02.2023).

среды и сосредоточит внимание на правовом, научном и целевом контроле за загрязнением².

Нельзя забывать, что в условиях пандемии процесс экологии ушел на второй план. Восстановление бизнеса и производств, пострадавших от COVID-19, стало основной задачей на 2021–2022 годы. Впервые за 30 лет объем ВВП сократился на 6,8% с января по апрель (в годовом исчислении). Пандемия отрицательно повлияла на остроту экологических проблем. В Китае резко возрос объем мусора от упаковок. Это стало следствием двух причин: блокировки поставок грузов на границе, а также из-за ограничений на передвижение, вследствие чего людям пришлось более активно прибегать к заказу еды и предметов повседневного пользования.

Китай признает, что основные меры будут предприняты им позднее, что пока ситуация далека от норм, предлагаемых ООН и мировым сообществом. По-прежнему в структуре энергобаланса около 60% приходится на уголь. Именно выбросы угольных ТЭЦ, а не вредные производства, приводят к смогу над китайскими городами. Позитивный тренд есть, но он осуществляется медленно: с 2005 по 2019 год доля сжигания угля снизилась с 70 до 60%, хотя к 2030 году власти ожидают, что на уголь придется лишь 47% общего энергобаланса. На решение этой задачи направлены усилия в области альтернативной энергетики, а также российской газовой политики: «Сила Сибири», «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ». Это проекты, которые повысят обеспеченность Китая более экологичным природным газом.

Уже сейчас можно говорить о достигнутых успехах. Китай лидирует в использовании солнечной энергии, производя более трети ее мирового объема и обладая 2/3 всех мировых солнечных модулей. В 2018–2019 годах страна потребляла, соответственно, 45 и 50% солнечной энергии мира. К концу этих двух лет в стране было выработано, соответственно, более 175 и 195 ГВт энергии. Доля солнечной энергии в общем энергобалансе КНР к концу названных двух годов составляла, соответственно, 3 и 4,5%. Примечательно, что в декабре 2018 года солнечная батарея мощностью 500 МВт в Цинхае стала первой в Китае, на которой производство электричества оказалось дешевле, чем на угольных ТЭЦ. На момент весны 2020 года в разработке находились еще 30 проектов по введению в эксплуатацию производств, работающих

² Ли Кэцян. Доклад о работе правительства в 2020 году, представлен 22 мая 2020 года на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва. — URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0605/c95181-9697762.html> (дата обращения: 10.03.2023).

только на солнечных батареях. Однако у этого источника энергии есть проблема, как ни парадоксально, связанная с загрязненным климатом. Из-за вечного смога в крупных городах лучи солнца менее эффективно проникают на батареи, поэтому практически они не способны работать на полную мощность. В среднем потери от недостачи энергии оцениваются в 17–35%, при этом, чем восточнее располагается производство, тем этот показатель выше. Например, провинция Хэбэй является самым загрязненным регионом, и здесь солнечные батареи недополучают энергии на 30–35%.

Другая сфера успехов Китая — использование силы ветра. На страну приходится две трети общемирового потребления ветрогенерации. По состоянию на конец 2018 года Китай выработал около 217 ГВт ветряной энергии. Он лидирует по количеству ветряных установок. Так, за 2018–2019 годы количество энергии, добытой с помощью ветра, увеличилось на 20 и 27 ГВт соответственно. Доля ветроэнергетики КНР в общем энергетическом секторе составила в названные два года, соответственно, 5 и 6,8%. По плану, с 2016–2020 годов Китай должен был нарастить производство чистой ветряной энергии до 340 ГВт. Это составит почти четверть от общего количества требований по выполнению Парижских соглашений (всего объем генерации из возобновляемых источников энергии должен достичь 1119 ГВт).

Таким образом, по плану Правительства, доля возобновляемых источников энергии должна составить 15%, а угольных — сократиться до 58%. Лидерство Китая в создании источников возобновляемой энергии отражено в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение регионов по производству возобновляемых источников энергии: производство по источникам в 2019 году в тераватт-часах¹

Территория / тип ВИЭ	Ветер	Солнце	Другие виды	Всего по ВИЭ
США	303,1	108,4	78,3	489,8
Китай	405,7	223,8	102,8	723,3
ЕС	430,7	138,4	199,1	768,2

¹ Матвеев В. А. Борьба с изменением климата — новая арена противоборства Китая и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2021. — № 26. — С. 37–351.

В целом реформы, проводимые в качестве новой экологической политики в Китае, проходят в позитивном ключе. При этом китайское Правительство с уверенностью заявляет, что данная работа ведется не ради достижения определенных показателей, а для повышения качества жизни граждан и будущих поколений.

Экологическая политика и современные проблемы России

Россия располагает уникальным преимуществом: имеет самую большую в мире территорию — свыше 17 млн кв. км, но на ее значительной части — 11 млн кв. км, то есть около 65%, располагается крупнейший массив некультивируемых земель (Субботин 2014: 36).

Анализ основных официальных документов, регламентирующих направления экологической политики России, позволяет выделить как минимум три этапа этого процесса. Первый — его можно ограничить 1996 годом — выражался в признании значимости экологических проблем, но не предлагал путей и механизмов их разрешения. Второй — частично он инициировался ЦУР и необходимостью правительственного признания мер ООН — несколько конкретизировал направления политики РФ, обозначил отдельные пути ее решения: введение ответственности предприятий, создание системы платы за отходы, поощрение передовых технологий производства, минимизирующих выбросы, и т. д. Третий — начиная с 2017 года — основан на переходе от слов к делу: был разработан и внедряется план действий; расширяется публичность информационного поля, создаются открытые мониторинги; общественность стала допускаться к экспертизе проектов; экология становится обязательным предметом обучения в вузах. Страна начинает переходить от потребительского поведения к ответственному. При этом, несмотря на множественность разрабатываемых в последние два-три года на разных уровнях управления актов признания важности данной проблематики и необходимости закрепления обязанностей государства, в том числе по финансированию экологических мероприятий, Экологический кодекс, который уже разработан, до сих пор не принят. Дискуссия по проблемам и уточнениям положений кодекса в полной мере отражена в статье П. Д. Пименовой (Пименова 2021).

По мнению А. К. Субботина и других исследователей, в экологической политике России до недавнего (2022 год) времени сложились и параллельно действовали две тенденции. Первая — признание международных договоров и проявление активности в области

международной экологической политики. Россия была среди стран, подписавших следующие знаковые документы: Решения Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992); Программу действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век (принята Генеральной Ассамблеей ООН, 1997); Решения и Декларацию Конференции министров «Окружающая среда для Европы» (Люцерн, 1993); Министерскую декларацию и материалы Конференции министров «Окружающая среда для Европы» (София, 1995), Программу действий по охране окружающей среды для Центральной и Восточной Европы, а также Межправительственное соглашение стран — членов СНГ от 08.08.1992 года «О взаимодействии в области экологии и охраны окружающей среды». Ею выполняются решения Международной конференции по проблемам глобального потепления (Киото, 1997). Правительством РФ принято более 45 различных постановлений в области международного природоохранного сотрудничества.

Вторая тенденция — минимизация усилий внутри страны. Это объясняется тезисом: «Экология — удел богатых, а у нас есть другие более насущные проблемы»¹. Это ошибочное мнение давно опровергнуто, хотя, по сути, сохраняется. Так, по оценкам Всемирного фонда дикой природы, Россия ежегодно теряет около 1 млрд долл. из-за нелегального экспорта древесины. Ежегодно 16 млн га леса уничтожаются в результате вырубок, пожаров и загрязнения окружающей среды. Неэффективные рубки приводят к тому, что 40% срубленных деревьев не используется в дальнейшем. Расточительное потребление и использование электроэнергии вместе с использованием топливных полезных ископаемых при ее производстве ведут к многочисленным экологическим проблемам. 68% российской электроэнергии производится путем сжигания ее топливных полезных ископаемых, хотя обновление топливно-энергетического комплекса могло бы содействовать уменьшению выбросов углекислого газа на 24% с экономией около 1 млрд долл. ежегодно².

Эти данные подтверждаются и исследованиями ВЦИОМ — ведущего исследовательского центра страны, который проводит массовые опросы населения по различным аспектам экологической политики. Исследователями установлено, что «только 27% наших сограждан считают,

¹ Кто будет заботиться об экологии России? Свертывание федеральных экологических программ // ООПТ России. — 2013. — 15 янв. — С. 1–14.

² Environmental issues in Russia. 2015. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Environmental_issues_in_Russia (дата обращения: 13.03.2022).

что большинство людей в России делает достаточно для решения экологических проблем»; 68% полагают, что оно «скорее ничего для этого не делает». Более половины россиян (58%) декларируют, что «за последний год они или члены их семей делали что-то для решения экологических проблем», а 38% признаются, что «ничего не делали в этой сфере». Среди тех, кто что-то делал, 38% убрали за собой мусор на природе, 31% сортировали его при утилизации, 19% высаживали деревья и цветы, 16% не мусорили, 10% организовывали или принимали участие в субботниках. На вопрос анкеты: «Каким правильным экологичным практикам Вы следуете?» (назвать топ-5), самыми распространенными оказались следующие: 84% ответивших в 2020 году стараются всегда использовать энергосберегающие лампочки (79% в 2019 году); 76% экономят воду в быту (74% в 2019 году); 45% сортируют бытовой мусор (27% в 2019 году); 41% стараются не использовать личный автотранспорт; 39% сдают в специальные места опасный мусор (батарейки, электронику, ртутные лампы) (23% в 2019 году)³.

Для более четкого представления положения Китая и России в мировом рейтинге по характеристикам экологического мониторинга сравним их позиции и сопоставим с показателями Дании (мирового лидера) (см. табл. 2).

Представленные данные позволяют сделать вывод, что в целом ситуация в России выглядит более благоприятной, что частично объясняется, во-первых, традициями СССР, обращавшего внимание на экологические проблемы, и во-вторых, сокращением производства, имевшим место с начала XXI века. Как было отмечено выше, экономические, а точнее, производственные успехи Китая обернулись для него негативом — серьезными экологическими проблемами. В любом случае, обе страны далеки от лидерства, о чем свидетельствуют показатели Дании. Особенно сложной в Китае является ситуация с поддержкой биоразнообразия, защитой животных, в том числе от вымирания отдельных видов, сохранением привычной природной среды для животного мира, где страна находится в нижней части мирового рейтинга. В России к этим зонам кризиса можно добавить сохранение рыболовства. Хотя в целом по «природным» показателям место России несколько выше, чем позиции Китая, но во всех случаях они ниже среднего уровня.

³ ВЦИОМ «Экологические практики в жизни россиян». Аналитический обзор. (28.09.2021). [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologichnye-praktiki-v-zhizni-rossijan> (дата обращения: 13.03.2022).

Таблица 2

**Характеристики экологической ситуации в Китае, России
и Дании: место в рейтинге, индекс восприятия остроты проблемы,
динамика изменений за 10 лет¹**

Характеристики	Китай			РФ			Дания		
	Место	Индекс	10 лет	Место	Индекс	10 лет	Место	Индекс	10 лет
Индекс восприятия (Epi Score)	120	37,3	8,4	58	50,5	3,9	1	82,5	7,3
Здоровье	96	41,8	5,5	57	53,0	8,0	8	91,7	5,7
Качество воздуха	137	27,1	6,7	47	54,1	14,1	13	85,5	8,8
Качество воды	54	59,4	4,6	65	55,4	1,0	13	97,4	2,5
Управление отходами: – Ecosystem vitality (живучесть)	156	34,4	10,5	72	48,8	1,1	1	76,4	8,4
– Биоразнообразие	172	19,0	–0,8	111	54,1	–0,6	31	81,7	0,6
– Размер защищенных прибрежных вод	85	1,6	0,2	51	18,0	–	1	100	–
– Индекс среды обитания видов	127	72,2	23,9	112	22,55	1,6	33	93,4	–2,0
– Индекс защиты видов	150	10,4	0,2	61	89,5	–7,8	1	100	–
Управление экосистемой	90	34,3	–0,2	113	28,6	–5,0	108	30,2	4,4
Рыболовство	31	18,0	1,1	133	4,3	0,4	62	13,2	0,6
Изменение климата	103	46,3	24,5	57	59,9	4,6	1	95,0	19,6
Выбросы загрязнения	91	58,6	12,3	50	81,0	–11,6	1	100	–
Степень очистки воды	67	9,4	–	58	18,5	–	1	100	–

¹ Источник: Eco rating. China, Russia, Denmark. — URL: [https://epi.yale.edu/epiresults/2020/country/chn\\$](https://epi.yale.edu/epiresults/2020/country/chn$); <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/country/rus>; <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/country/dnk> (дата обращения: 17.02.2022).

При этом нельзя не отметить положительных сдвигов. Экологические проблемы стали частью национальных политик в обеих странах, в которых не только принимаются решения, но уже и видны первые успехи: стали чище реки, сокращаются выбросы вредных газов в атмосферу². Однако пассивность общественного контроля предопределяет недостаточность успехов обеих стран, давая возможность правительствам не в полной мере реализовывать свой потенциал. Острота проблемы настоятельно требует включения в нее всех: государственных органов, предприятий, благотворительных организаций и каждого из нас. Пока же согласимся с оценкой П. М. Мозиаса, что экологическую политику наших стран характеризует выражение «вверх по лестнице, ведущей вниз» (Мозиас 2016).

Заключение

В статье сопоставлены направления, реализуемые Россией и Китаем в сфере экологической политики, главной задачей которой является поддержание баланса интересов всех ее субъектов и выработка антирискового национального поведения. В качестве методологической основы анализа достижений китайской и российской экополитики была использована теория экологической модернизации, которая позволила системно оценить инновации, определяющие социальную составляющую в каждой стране, делая акцент на изменении сознания и поведения каждого человека.

Проведенный анализ показал, что обе страны находятся на пути перехода к качественно новому этапу: трансформации потребительского поведения в «ответственное», отвечающего требованиям мировой экополитики. Однако достичь показателей международных рейтингов развитых стран Китаю и России пока не удастся. В целом по «природным» показателям место России несколько выше, чем позиции Китая, но во всех случаях показатели ниже среднего уровня. Проведенное сопоставление данных подтвердило, что экологические проблемы стали частью национальных политик в обеих странах, о чем свидетельствуют заметные положительные сдвиги экологических показателей. Пожалуй, главным препятствием является наблюдаемая пассивность общественного контроля, что предопределяет недостаточность успехов обеих стран, не дает возможности их правительствам в полной мере реализовывать

² Экология в России. 02.2022. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экология_в_России (дата обращения: 13.03.2022).

имеющийся потенциал. Острота проблемы настоятельно требует включения в нее совместных усилий государственных органов, предприятий, благотворительных организаций и всех жителей.

Источники

Аксенова О. В. Развитие экологической политики в России // Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения / Отв. ред. И. А. Халий. — М., 2006.

Антониу Гутерриш. Борьба с изменением климата: настало время действовать // Независимая газета. — 2021. — 21 апр.

Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Сравнительный анализ экологической модернизации в Китае и России // Известия Самарского научного центра РАН. — 2012. — Т. 14, № 1 (9). — С. 2423–2430.

Кулясов И. П. Этапы развития теории экологической модернизации // Национальная ассоциация ученых. Ежемесячный научный журнал. — 2015. — № 14. — С. 12–17.

Матвеев В. А. Борьба с изменением климата — новая арена противоборства Китая и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2021. — № 26. — С. 37–351.

Мерзляков А. А. Оценка состояния отечественной системы управления: итоги социологического мониторинга // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. — М., 2022. — Вып. 20. — С. 80–103. — DOI: 10.19181/ezheg.2022.3.

Миняева Д. Д. Экологизация экономики в Китае // Конфликтология. Notabene. — 2016. — № 1. — С. 24–38.

Мозиас П. М. Экологическая политика в Китае или вверх по лестнице, ведущей вниз? — 2016. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-v-kitae-vverh-po-lestnitse-veduschey-vniz/viewer> (дата обращения: 30.04.2023).

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньцзи; пер. с англ. под ред. Н. И. Лапина. — М.: Весь Мир, 2011.

Пименова П. Д. Экологический кодекс РФ: миф или будущее // Новый юридический вестник. — 2021. — № 9 (33). — С. 41–52.

Субботин А. К. Глобальный кризис и экология: Механизмы сдерживания катастрофы в Европе, России и США // Актуальные проблемы Европы. — 2014. — № 1. — С. 12–48.

Яницкий О. Н. Экосоциальные исследования: междисциплинарная методология, теория, практика. — М.: Ин-т социологии РАН, 2016.

Цинь Тинтин. Экологическая политика Китайской Народной Республики на современном этапе // Теории и проблемы политических исследований. — 2017. — Т. 6, № 2А. — С. 283–298.

Buttel F. Ecological modernization as social theory // *Geoforum* 31. — Pergamon: Elsevier Science Ltd., 2000.

He C., Zhang F. *National Innovation System: Engine of Second Modernization* (Chinese edition). — Beijing: High Education Press, 1999. — P. 127.

He C. *Second Modernization: Inspiration From Human Civilization Process* (Chinese edition). — Beijing: High Education Press, 1999. — P. 256.

Huber J. Towards industrial ecology: sustainable development as a concept of ecological modernization // *J. Environ. Policy & Planning*. — 2020. — No. 2. — P. 269–285.

Mol A. The environmental movement in an era of ecological modernization // *Geoforum* 31. — Elsevier Science Ltd. — 2000, Febr. — Vol. 31. — P. 45–56.

Jiang W. China's environmental issues in a global context // *Seeing Red China*. — 2012, March. — No. 7. — P. 1–3.

References

Aksenova O. V. Development of environmental policy in Russia. *Institutionalization of environmental policy in Russia: social practices, state strategy, management decisions*. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, 2006. (In Russ.)

António Guterres. Climate action for people and planet: the time is now. *Independent Newspaper*, 2021, April 21. (In Russ.)

Buttel F. Ecological modernization as social theory. *Geoforum* 31. Pergamon, Elsevier Science Ltd., 2000.

China Modernization Report Outlook (2001–2010). Ed. He Chuanqi, transl. from English. Ed. by N. I. Lapin. Moscow, The whole World, 2011. (In Russ.)

He C., Zhang F. *National Innovation System: Engine of Second Modernization (Chinese edition)*. Beijing, High Education Press, 1999, p. 127.

He C. *Second Modernization: Inspiration From Human Civilization Process (Chinese edition)*. Beijing, High Education Press, 1999, p. 256.

Huber J. Towards industrial ecology: sustainable development as a concept of ecological modernization. *J. Environ. Policy & Planning*, 2020, no 2, pp. 269–285.

Jiang W. China's environmental issues in a global context. *Seeing Red China*, 2012, no 7, March, pp. 1–3.

Kudinova G. E., Rosenberg G. S. Comparative analysis of ecological modernization in China and Russia. *Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2012, vol. 14, no 1 (9), pp. 2423–2430. (In Russ.)

Kulyasov I. P. Stages of development of the theory of ecological modernization. *National Association of Scientists. Monthly scientific journal*, 2015, no 14, pp. 12–17. (In Russ.)

Matveev V. A. The fight against climate change — a new arena of confrontation between China and the USA. *China in world and regional politics. History and modernity*, 2021, no 26, pp. 37–351. (In Russ.)

Merzlyakov A. A. Assessment of the state of the domestic management system: the results of sociological monitoring. *Russia reforming: yearbook*: iss. 20. Ed. by M. K. Gorshkov; FNISTC RAS. Moscow, 2022, p. 80. (In Russ.)

Minyaeva D. D. Ecologization of the economy in China. *Conflictology. Nota bene*, 2016, no 1, pp. 24–38. (In Russ.)

Mozias P. M. *Environmental policy in China or up the ladder leading down?* 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-v-kitae-vverh-po-lestnitseveduschey-vniz/viewer>.

Mol A. The environmental movement in an era of ecological modernization. *Geoforum* 31. Elsevier Science Ltd., 2000, vol. 31, Febr., pp. 45–56.

Pimenova P. D. Ecological Code of the Russian Federation: myth or the future. *New Legal Bulletin*, 2021, no 9 (33), pp. 41–52. (In Russ.)

Subbotin A. K. Global crisis and ecology: Mechanisms of disaster containment in Europe, Russia and the USA. *Actual problems of Europe*, 2014, no 1, pp. 12–48. (In Russ.)

Yanitsky O. N. *Ecosocial Research: Interdisciplinary Methodology, Theory, Practice*. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2016. (In Russ.)

Qin Tingting. Environmental policy of the People's Republic of China at the present stage. *Theories and problems of political research*, 2017, vol. 6, no 2A, pp. 283–298.

Еремичева Галина Васильевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
eremag@mail.ru

Меньшикова Галина Александровна, кандидат экономических наук, доцент факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
menshikova.g.a@mail.ru

Яо Пуян, бакалавр факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
blacklotus1551@gmail.com

Eremicheva, Galina V., PhD, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS-branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.
eremag@mail.ru

Menshikova, Galina A., PhD, Assistant Professor at the Department of Sociology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
menshikova.g.a@mail.ru

Yao Puyang, student, department of sociology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
blacklotus1551@gmail.com

DOI: 10.25990/socinstras.pss-20.js7k-3b33

EDN: LFFEIH

УДК 502.504.526

ARINA A. PEREKATOVA

DIGITAL INEQUALITY IN URBAN SPACE OF ST. PETERSBURG

The problem of digital inequality is observed in this research. Inequality is represented in online services usage by St. Petersburg residents. The existence theoretical base in the field of digital inequality is described, based on theoretical information there were proposed hypothesis. In order to test hypothesis, the regression analysis of the survey data was conducted. The results have shown that in St. Petersburg, instead of leading position in digitalization, there are problems which are the obstacles of intensive digital development. So, the most vulnerable group, that has problems with Internet access, awareness, trust, skills and benefits is older generation. According to the results, the recommendations for St. Petersburg regional authorities were developed. The importance of decision problems is ensuring equal access to digital amenities for residents through the digital adaptation policy.

Keywords: digital inequality, digitalization, regression analysis.

А. А. ПЕРЕКАТОВА

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Раскрывается проблема цифрового неравенства жителей Санкт-Петербурга. Проанализированы основные подходы к изучению цифрового неравенства. С целью проверки основных исследовательских гипотез был проведен опрос. Регрессионный анализ данных показал, что в Санкт-Петербурге, несмотря на лидирующие позиции в цифровизации среди российских регионов, существуют проблемы, которые препятствуют развитию новых технологий. Установлено, что наиболее уязвимой к технологиям социальной группой, испытывающей проблемы с доступом, осведомленностью, доверием, навыками и осознанием выгод, является старшее поколение. По результатам исследования разработаны практические рекомендации для региональных органов власти г. Санкт-Петербурга, суть которых заключается в том, чтобы обеспечить равный доступ к цифровым благам для жителей региона посредством проведения политики адаптации в сфере цифровизации.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровизация, регрессионный анализ.

Introduction

Digital inequality is multi-dimensional discipline which is characterized by physical access to Internet and devices, level of digital skills and level of trust to technology. But it is observed that level of access, digital skills and trust are different in various age groups, among citizens with high and low income, households in urban and rural areas. Digital inequality influences all social processes in the country (Vartanova 2022: 7) and in literature it was proved that digitalization generates and increases socio-economic inequality.

As for socio-economic inequality in St. Petersburg, it is represented in gender and age composition, allocation of income, housing development between districts of St. Petersburg.

Thus, because of digitalization increases inequality, and at the same time the inequality is observed in St. Petersburg between administrative unites (18 districts). The problem of implementation the digitalization policy in the context of St. Petersburg districts under the influence of inequality factors becomes actual.

In this study it is proposed to consider such research problem as formation digital inequality in intra-urban space of megapolis St. Petersburg. The research presents the result of analysis which identifies the most vulnerable residents groups to technologies in the context of social-economic inequality.

Literature review

With the development of digitalization new way of communication has arisen which is carried out through social networks. The formation virtual networks make up for the lack of communication than previously was limited to interpersonal relationships (Kolesnik, Kornienko, Khouseva 2022: 93). The same process is observed in relationships among residents and government. Virtual communication residents with government is realized via online services. A term “digital divide” has arisen with mass distribution of computers. But the more computer penetration, the higher digital divide. As NTIA, 1998 noted “digital divide between certain groups has increased between 1994 and 1997 so that there is now an even greater disparity in penetration levels among some groups” (NTIA 1998). And this divide was observed between groups with high- and low-income levels, different racial groups, young and adult, etc.

Digital divide is defined as the gap that exists between individuals advantaged by the Internet and those individuals relatively disadvantaged

by the Internet (Rogers 2001: 105). Another definition, digital divide is division between people who have access and use of digital media and those who do not. The digital divide has arisen as a result of such reason as lack of access to Internet which can be explained by socio-economic factors, demographic characteristics of population.

Nowadays, the dimensions of digital divide are broader and focus not only on access to Internet. It is defined 3 levels:

- the 1st level — Internet access (internet, mobile internet);
- the 2nd level — digital skills, technology usage, e-participation;
- the 3rd — outcomes in the form of benefits and harms (Lutz 2019: 142).

Also, Jun Van Dijk defines 4 phases of digital divide: 1) motivational access is based on “no need or significant usage opportunities”, “no time or liking” and “rejection of the medium”; 2) material access is divided into two types a) physical access (hardware, operational software, and services of computers, networks) and b) conditional access (entry to particular applications, programs, or contents of computers and networks); 3) skill access are presented by set of digital skills which allow to operate computer and network (operational skills), search information online (information skills); achieve certain goal in network or goal-oriented behaviour (strategic skills); 4) usage access describes the actual usage of technology, because to have access to computer and use it are different behavioural characteristics. Based on actual usage there is possibility to determine usage time. Then this time can be spent for different purposes: search information, communication, work, education, shopping, and this one is called usage diversity. Nevertheless, the time and diversity can be increased with adoption of broadband (broadband usage). And the last dimension of access usage is creativity usage, when users create some certain content by themselves (van Dijk 2005).

But with the appearance of ICT another term also has arisen — digital inequality. There is no certain definition of digital inequality. But DiMaggio offered to expand the focus of research from the “digital divide” between “haves” and “have-nots” (or between users and non-users) to the full range of digital inequality in equipment, autonomy, skills, support, and scope of use among people who are already online (DiMaggio et al. 2001: 360).

It exists across a variety of demographic, ethnic, and geographic dimensions. In other words, digital inequality tends to mirror existing social inequalities in terms of socio-economic status, education, gender, age, geographic location, employment status, and race (Lutz 2019: 146).

Methods and research design

Digital inequality is defined as the disparities in knowledge and ability of using digital and information technology among individuals with different demographics, socioeconomic backgrounds, and digital and information technology experience and competencies (Cai 2016).

In the context of digital divide **Internet access** is the crucial factor to be the part of digital economy. It defines those who have access to Internet have possibility to use ICT technologies. In order to use Internet effectively it is necessary to get **digital skills**. In study (Ferro, Helbig, Gil-Garcia 2011: 7) it was mentioned that IT literacy is positively associated with Internet access and Internet use. Moreover, it is important to provide for users who have access and digital skills an information secure. Thus, the more **level of trust** to technologies the less digital divide. Also, providing information secure positively affects the experience of users, because the previous successful experience influences on subsequent use of ICT.

Since this study addresses the issue of digital inequality, it is necessary to consider the socio-economic characteristics of the population. One of the main factors is **age**, because elderly people show greater reluctance to adopt new technologies than young people (Varallyai, Herdon, Botos 2015). Also, **income** is significant in case of possibility to buy devices and to get an Internet access or up-to-date Internet services (Ferro, Helbig, Gil-Garcia 2011; Varallyai, Herdon, Botos 2015). In case of internet usage, no less important is the level of **education**, that allows the individuals to understand the possibilities of the Internet and to use it meaningfully (Ferro, Helbig, Gil-Garcia 2011: 7).

But what are the consequences of digital divide and / or inequality? Pollitzer (2019) supposes, that digital divide will not allow to achieve 17 Sustainable Development Goals, due to the low level of digital skills, literacy, and ICT demand, it may lead to lack of innovative resources, as a result the lack of innovations will not provide the overcoming of poverty, quality education, climate changes and so on.

The digital inequality will worsen the current situation in terms of socio-economic inequality. Another consequence of digital divide / inequality can be illustrated in the labour market. In 2010 80% of companies accepted application for job only online (Horrigan 2011: 22). Thus, those who do not have Internet access at home or do not have digital skills they may not get a job, as a result it will be observed increasing of unemployment rate.

Digital divide is not profitable for government, because it is cheaper to serve citizens via online services than financially support physical locations,

and for citizens it is better to use e-service, thus people save time and costs receiving online services, than in-person.

Additionally, in Russia digitalization of urban life and development of unified digital structure for federal and municipal authorities becomes actual. Large financial and technical resources are allocated for the development and implementation in urban space (Eremicheva 2020: 911).

Research results

Based on this theory the hypotheses were set:

- H1: the older population, the lower level in involvement in online services.
- H2: the older population, the lower level of digital skills.
- H3: the lower level of digital skills, the lower level of trust.

To test hypotheses online and offline survey was conducted. The survey is devoted to identifying digital inequality of St. Petersburg citizens. It includes set of questions which are presented 4 factors of digital inequality: access of Internet and devices; awareness about online services; level of digital skills; trust the online services and communication with authorities via online services; deliberate benefits on online services usage.

In order to test the hypotheses, a regression analysis of the survey results was carried out. In regression analysis it was used the following variables (table 1, 2).

Table 1

Data description

Variable	
Access	Access to Internet.
IntUsage	Frequency of Internet usage
SatisfGU	Satisfaction by portal “Gosuslugi”
TechSkills	Level of digital skills
TechTrust	Trust in technologies
Involve	Preference for online services over traditional methods
Gender	Gender
Age	Age
Educ	Level of education
IncomeLvl	Level of income

309 people participated in the survey ($N = 309$), the minimum age of the respondent is 14 years, the maximum is 84. 18% of men took part in the survey (in the table, the binary variable is zero if the respondent is a woman, and one if the respondent is a man).

Table 2

Descriptive statistics

Variable	Obs	Mean	Std. Dev.	Min	Max
Access	309	4.369	.974	1	5
IntUsage	309	4.553	.861	1	5
SatisfGU	309	3.443	.977	1	5
TechSkills	309	3.984	1.213	1	5
TechTrust	309	3.751	1.187	1	5
Involve	309	3.602	1.195	1	5
Gender	309	.175	.380	0	1
Age	309	45.932	15.875	14	84
Educ	309	3.634	.644	1	5
IncomeLvl	309	3.068	.882	1	5

The Polychoric Correlation analysis was used to calculate the correlation between ordinal categorical variables. And has shown the following results (table 3).

Table 3

Correlation matrix

	Access	IntUsage	SatisGU	TechSkills	TechTrust	Involve	Educ
Access	1						
IntUsage	.600	1					
SatisGU	.272	.312	1				
TechSkills	.488	.707	.399	1			
TechTrust	.435	.402	.256	.520	1		
Involve	.392	.498	.386	.601	.449	1	
Educ	.192	.191	.196	.238	.100	.230	1
IncomeLv	.455	.380	.181	.351	.279	.207	.290

High level of correlation was observed between such variables as: Internet access and frequency of Internet usage (Access & IntUsage), that is obvious. If person has constant Internet access the more possibilities to use it more often.

The digital skills and frequency of Internet usage (IntUsage&TechSkills). Involvement and Skills.

Further, linear regression models were constructed. These models checked the hypothesis, which were proposed in research.

Regression model 1. Identification of factors affecting digital skills.

$$y(\text{TechSkills}) = \alpha + \beta \text{Access} + \beta \text{Involve} + \beta \text{SatisfGU} + \beta \text{Gender} + \beta \text{Age} + \beta \text{Educ} + \beta \text{IncomeLvl} + \varepsilon.$$

Table 4

Linear regression model 1

TechSkills	Coef.	St.Err.	t-value	p-value	[95% Conf	Interval]	Sig
Access	.105	.057	1.83	.068	-.008	.219	*
Involve	.276	.049	5.67	0	.180	.371	***
SatisfGU	.143	.055	2.62	.009	.036	.251	***
Gender	.398	.134	2.97	.003	.134	.661	***
Age	-.032	.004	-8.98	0	-.039	-.025	***
Educ	.173	.081	2.13	.034	.013	.333	**
IncomeLvl	.037	.065	0.57	.572	-.092	.165	
Constant	2.701	.439	6.14	0	1.836	3.565	***
Mean dependent var		3.984	SD dependent var		1.213		
R-squared		0.498	Number of obs		309		
F-test		42.734	Prob > F		0.000		
Akaike crit. (AIC)		797.832	Bayesian crit. (BIC)		827.699		

*** $p < .01$, ** $p < .05$, * $p < .1$

The regression model is statistically significant and has average level of explanation. The following variables are statistically significant: Involve, SatisfGU, Gender, Age, Educ. Thus, there are such results.

Involvement positively effect on level of digital skills. So, online public services and usage of its help citizens increase their skills.

Satisfaction by portal “Gosuslugi” increases digital skills. It can be explained by the fact that positive experience of usage of portal helps development of digital skills on order to use these online services.

Men have more digital skills compare with women.

The older respondents have the lower level of digital skills.

Respondents with the higher education have higher level of digital skills.

Regression model 2. Identification of factors affecting trust in usage of technologies and online services.

$$y(TechTrust) = \alpha + \beta Access + \beta Involve + \beta SatisfGU + \beta Gender + \beta Age + \beta Educ + \beta IncomeLvl + \varepsilon.$$

Table 5

Linear regression model 2

TechTrust	Coef.	St.Err.	t-value	p-value	[95% Conf	Interval]	Sig
Access	.205	.068	3.01	.003	.071	.340	***
Involve	.293	.058	5.06	0	.179	.406	***
SatisfGU	.111	.065	1.71	.088	-.017	.239	*
Gender	.120	.159	0.76	.450	-.193	.434	
Age	-.008	.004	-1.91	.057	-.017	0	*
Educ	-.071	.097	-0.73	.464	-.261	.119	
IncomeLvl	.113	.078	1.46	.145	-.039	.266	
Constant	1.679	.522	3.21	.001	.651	2.707	***
Mean dependent var		3.751	SD dependent var			1.187	
R-squared		0.260	Number of obs			309	
F-test		15.138	Prob > F			0.000	
Akaike crit. (AIC)		904.537	Bayesian crit. (BIC)			934.403	

*** $p < .01$, ** $p < .05$, * $p < .1$

The regression model is statistically significant and has low level of explanation. The following variables are statistically significant — Access, Involve. Thus, there are such results:

Internet access positively effects on trust in technologies.

Involvement positively effects on trust.

Thus, it is possible to make conclusion, that portal “Gosuslugi” has a good quality, and that people who do not trust, they are not aware or didn’t use online services.

Regression model 3. Identification of factors affecting involvement in public online services.

$$y(\text{Involve}) = \alpha + \beta \text{Access} + \beta \text{IntUsage} + \beta \text{SatisfGU} + \beta \text{TechSkills} + \beta \text{TechTrust} + \beta \text{Gender} + \beta \text{Age} + \beta \text{Educ} + \beta \text{IncomeLvl} + \varepsilon.$$

Table 6

Linear regression model 3

Involve	Coef.	St.Err.	t-value	p-value	[95% Conf	Interval]	Sig
Access	.114	.066	1.73	.084	-.015	.243	***
IntUsage	.091	.081	1.13	.260	-.068	.251	
SatisfGU	.181	.060	3.00	.003	.062	.299	*
TechSkills	.257	.067	3.84	0	.125	.389	*
TechTrust	.200	.054	3.74	0	.095	.306	*
Gender	-.139	.150	-0.93	.354	-.433	.155	
Age	-.009	.004	-2.01	.045	-.018	0	**
Educ	.186	.090	2.06	.040	.009	.362	**
IncomeLvl	-.100	.072	-1.39	.164	-.242	.041	
Constant	.363	.574	0.63	.527	-.766	1.492	
Mean dependent var		3.602	SD dependent var			1.195	
R-squared		0.377	Number of obs			309	
F-test		20.088	Prob > F			0.000	
Akaike crit. (AIC)		860.013	Bayesian crit. (BIC)			897.346	

*** $p < .01$, ** $p < .05$, * $p < .1$

The regression model is statistically significant and has average level of explanation. The following variables are statistically significant — SatisfGU, TechSkills, TechTrust, Age, Educ.

Conclusion

Now we generalized the research results:

- positive experience of usage of online public services positively effects on involvement;
- respondents with more developed digital skills are more involved in usage of online services;
- respondents who trust online services are more involved;
- the older respondent the lower level of involvement;
- respondents with higher education are more involved. into the digitalisation.

Thus, the most vulnerable group to technologies is older 55 years old. In order to overcome digital inequality in St. Petersburg it is necessary to increase involvement, increase satisfaction (quality) of online services, increase access to services, and help adult people and less educated population to adapt these technologies.

Moreover, in conditions when the Russian information technology market depends on foreign production, and supplies are limited, which led to failures on the websites of state authorities and the inability to make online transactions by the population, and as a result, the growth of distrust, it is necessary to leave alternative (traditional forms) interactions. In addition, there are people among the older generation who do not want to use the Internet and technologies, moreover, experienced users may be exposed to fraud regarding electronic devices and personal data, as a result, they will temporarily be unable to use electronic devices. As a result, a person is cut off from city life. However, digitalization should create comfort for a person both in everyday life and in unforeseen situations, and not create additional barriers.

References

Cai Y. Consumers' Adoption of Online Shopping in China // Encyclopedia of E-Commerce Development, Implementation, and Management / Ed. by In Lee. — IGI Global. — 2016. — Vol. II — P. 1572–1582.

DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use // Social Inequality / Ed. by K. Neckerman. — N. Y.: Russell Sage Foundation, 2016. — P. 355–400.

Eremicheva G. V. Information-digital control and monitoring system in the modern "smart city" // Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razviti regionov. [Elektronnyy resurs]: Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.) / Otv. red. V. A. Mansurov; red. Ye. Yu. Ivanova. — M.: ROS; FNISTS RAN, 2020. — P. 907–914. — DOI: 10.19181/kongress.2020.114. (In Russ.)

Ferro E., Helbig N. C., Gil-Garcia J. R. The role of IT literacy in defining digital divide policy needs // Government information quarterly. — 2016. — Vol. 28. — P. 3–10.

Horrigan J. B. What are the Consequences of Being Disconnected in a Broadband-Connected World? // Daedalus. — 2011. — Vol. 140, No. 4. — P. 17–31.

Kolesnik N. V. Political socialization, social networks and communications: the main directions of research / N. V. Kolesnik, A. V. Kornienko, S. D. Khouseva // Peterburgskaya sotsiologiya segodnya. — 2022. — No. 18. — P. 86–100. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.1j02-j832. — EDN YUBQYQ. (In Russ.)

Likhtin A. A., Muftakhova A. N. Government Classification of Residential Real Estate. Managerial Approach // Administrative consulting. — 2022. — No. 3 (159). — P. 80–86. — DOI: 10.22394/1726-1139-2022-3-80-86. (In Russ.)

Likhtin A. A., Muftakhova A. N. Current approaches to state housing policy // Administrative consulting. — 2022. — No. 4 (160). — P. 44–49. — DOI: 10.22394/1726-1139-2022-4-44-49. (In Russ.)

Lutz C. Digital inequalities in the age of artificial intelligence and big data // Human Behavior and Emerging Technologies. — 2019. — Vol. 2. — P. 141–148.

National Telecommunications and Information Administration. Falling through the net II: new data on the digital divide. — Washington, D. C.: U.S. Department of Commerce, 1998. — URL: <https://www.ntia.doc.gov/report/1998/falling-through-net-ii-new-data-digital-divide> (access date: 15.01.2022).

Pollitzer E. Creating a better future: four scenarios for how digital technologies could change the world // Journal of International Affairs. — 2019. — Vol. 72. — P. 75–90.

Rogers E. M. The Digital Divide // Convergence. — 2019. — Vol. 7, No. 4. — P. 96–111.

van Dijk Jan A. G. M. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society // Thousand Oaks. SAGE Publications, Inc., 2005. — P. 240.

Varallyai L., Herdon M., Botos S. Statistical analysis of digital divide factors // Procedia Economics and Finance. — 2009. — No. 19. — P. 364–372.

Vartanova E., Gladkova A. From digital divides to epistemic divides: The rise of new inequalities in the conflict media space // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2022. — Vol. 4. — P. 5–22. — DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2022.1. (In Russ.)

Перекатова Арина Александровна, магистр, Высшая школа менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Arina.perekatova@mail.ru

Perekatova, Arina A. Master, Graduate School of Management of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
Arina.perekatova@mail.ru

ДЕТИ, СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-20.yeqg-jx62
EDN: MOORPZ
УДК 316.356.2

С. А. Кукушкина

РЕЦЕПЦИЯ ОПЫТА РЕГИОНОВ СЗФО В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ДЕТЕЙ-СИРОТ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Социальная политика в любой стране является неотъемлемой частью государственного управления. Важнейшие задачи социальной политики Российской Федерации — социальная защита граждан, обеспечение помощи нуждающимся. Одними из тех, кто относится к категории «нуждающиеся», являются лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В данной работе описывается опыт регионов СЗФО в области обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить основные проблемы в реализации социальных мер по обеспечению жильем детей-сирот (на примере Санкт-Петербурга). Также была проанализирована система введения жилищных сертификатов в Калининградской области, в которой такая практика обеспечения жильем уже функционирует в качестве пилотного проекта. Анализ данных подтвердил необходимость в изменении существующей современной системы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в российских регионах.

Ключевые слова: дети-сироты, право на жилье, жилищные сертификаты, социальное жилье, сфера обеспечения жильем.

SOPHIA A. KUKUSHKINA

RECEPTION OF THE EXPERIENCE OF THE NWFD REGIONS IN PROVIDING HOUSING FOR PERSONS FROM THE CATEGORY OF ORPHANS (ST. PETERSBURG' CASE)

Social policy in any country is an integral part of public administration. The most important tasks of the social policy of the Russian Federation are the social protection of citizens, the provision of assistance to those in need. Some of those who belong to the category of “needy” are persons among orphans and children left without parental

care. This paper describes the experience in regions of the North-Western Federal District on providing housing for orphans and children left without parental care. The conducted empirical research made it possible to identify the main problems in the implementation of social measures to provide housing for orphans (on the example of St. Petersburg). The system of introducing housing certificates in the Kaliningrad region was also analyzed, in which such a practice of providing housing is already functioning as a pilot project. Data analysis has showed the modern system of providing housing for orphans and children left without parental care in the Russian regions should be modified.

Keywords: orphans, the right to housing, housing certificates, social housing, housing provision.

Введение

В Федеральном законе «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 года № 159-ФЗ определены общие принципы, содержание и меры социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя¹. В специальной статье Федерального закона освещены дополнительные гарантии на имущество и жилое помещение. Лица, относящиеся к данным категориям, по праву могут рассчитывать на собственное жилье.

Исследователи отмечают, что государственная политика в сфере предоставления жилья лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, постоянно совершенствуется. При этом остается нерешенным ряд проблем, что свидетельствует об актуальности исследования данной темы (Алекберов 2019: 186–189). Эти проблемы проявляются прежде всего в длительности ожидания жилья детьми-сиротами, мошеннических схемах, финансовой и правовой неграмотности детей-сирот, во взаимоотношениях органов управления с застройщиками и др. Для получения жилья лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо встать в очередь начиная с возраста 14 лет до достижения 23 лет. Представители органов социальной защиты имеют право отказать, если, например, у сироты уже есть квартира в собственности и по некоторым другим причинам². На существующие

¹ Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ (последняя редакция).

² Там же.

сложности в реализации законов, регулирующих вопросы обеспечения жильем детей-сирот, указывает и то, что в материалах судебной практики в больших количествах присутствуют дела, связанные с нарушением жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Безгодкова 2021).

Определяя степень изученности данной темы, важно отметить, что сфера обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является достаточно новым исследовательским направлением. При этом для обозначения рекомендаций по улучшению этой системы проведено значительное количество исследований различными организациями и экспертами в области социальной защиты населения. Например, Фонд социально-культурных инициатив «Содействие» проводил исследование «Жилье для детей-сирот: реальность и перспективы», в рамках которого были проанализированы проблемы, связанные с обеспечением жильем детей-сирот. Также Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) выполнял проект «Жилищные проблемы детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и выявил основные проблемы, связанные с получением жилья этими категориями граждан. Кроме того, по теме обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проводятся исследования такими организациями, как Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Российский фонд капитального ремонта и др.

Важный вклад в обсуждение проблемы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, внесли такие исследователи, как Л. С. Безгодкова, О. А. Лаврищева, А. Ю. Костюхина, М. Русакова, В. А. Одинокова и др. В работах отмечается важность участия детей-сирот в принятии решений, соответственно, и в решении собственных жилищных вопросов. При этом эмпирическое исследование, проведенное М. М. Русаковой и В. А. Одиноковой, показало, что дети, находящиеся в организации для детей-сирот, не имеют равных возможностей участия в принятии решений, что может значительно снизить эффективность оказываемой детям помощи (Русакова, Одинокова 2019). Основой действующей системы по обеспечению жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является правовое регулирование жилищного права, которое изучали с позиции юриспруденции С. И. Куцина, Е. Н. Неганова, К. Е. Якушевский, С. И. Куцин и др. В целом исследователи отмечают, что правовое

регулирование жилищных прав относится к важной проблеме и имеет организационное и нормативное измерение.

Проведенный анализ работ, в которых рассматриваются вопросы функционирования современной системы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, показал следующее. Несмотря на имеющиеся исследования, основные проблемы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, практически не являются специальным объектом исследования, что подтверждает ранее сделанный вывод о малоизученности проблемы, как и потребностях ее глубокого изучения.

Дизайн исследования

В этой части работы определим задачи и гипотезы исследования, обозначим основные методы сбора эмпирического материала. Основное внимание в исследовании уделяется анализу проблемы обеспечения жильем лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (на примере Санкт-Петербурга). Исследование нацелено на выявление основных вопросов в системе обеспечения жильем лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Санкт-Петербурге. Научными методами сбора эмпирической информации выступили: онлайн-опрос (пилотажный), интервью, включенное наблюдение, вторичный анализ данных.

Для достижения цели исследования были сформулированы следующие задачи: 1) обозначить особенности государственного управления в сфере системы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (на примере Санкт-Петербурга); 2) выявить отношение жителей Санкт-Петербурга к покупке недвижимости, в которой будут проживать дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей; 3) проанализировать средние сроки ожидания реализации права на жилье детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, по регионам России; 4) обозначить основные достоинства и недостатки программы по введению жилищных сертификатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; 5) описать места пребывания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период ожидания реализации права на жилье.

В качестве основных гипотез эмпирического исследования были сформулированы две взаимоисключающие гипотезы: 1) социальная политика в Санкт-Петербурге в сфере обеспечения жильем лиц из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,

является эффективной; 2) социальная политика в Санкт-Петербурге в сфере обеспечения жильем лиц из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является малоэффективной.

Для определения эффективности социальной политики в сфере обеспечения жильем уязвимых социальных групп в Санкт-Петербурге было решено использовать следующие показатели: отношение жителей Санкт-Петербурга к потенциальным соседям из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; время ожидания получения жилья или жилищного сертификата лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; правовая грамотность детей-сирот при реализации права на жилье; места проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период ожидания реализации права на получение жилья.

Результаты исследования

Ежегодно государство выделяет денежные средства на реализацию жилищных обязательств перед детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. К примеру, в Санкт-Петербурге из городского бюджета в 2022 году на предоставление жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, было выделено 1 млрд 369 млн 606 тыс. руб. Однако бюджетных средств недостаточно для того, чтобы полностью обеспечить жильем лиц из данной категории и устранить накопившиеся задолженности по всей стране. По оценке Счетной палаты, по состоянию на 2019 год требовалось около 264,5 млрд рублей, чтобы предоставить жилье всем детям, у которых возникло такое право, но оно не было реализовано¹. С каждым годом очередь на получение жилья растет (см. рис. 1) и ситуация ухудшается.

Анализируя данную диаграмму (рис. 1), можно сделать вывод, что государственная политика в сфере жилищного обеспечения социально уязвимой группы населения с 2015–2019 годов являлась малоэффективной, поскольку динамика нереализованного права на получения жилья за период с 2015 по 2019 год показывает рост год от года. Кроме того, негативное воздействие оказывают и другие факторы, определяющие жилищную политику в отношении детей-сирот.

¹ К началу 2020 года более 190 тысяч детей-сирот не получили жилье, на которое имеют право // Счетная палата Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://ach.gov.ru/checks/k-nachalu-2020-goda-bolee-190-tys-detey-sirot-ne-poluchili-zhile-na-kotoroe-imeyut-pravo?ysclid=lf9vmtn6vr109307869> (дата обращения: 15.03.2023).

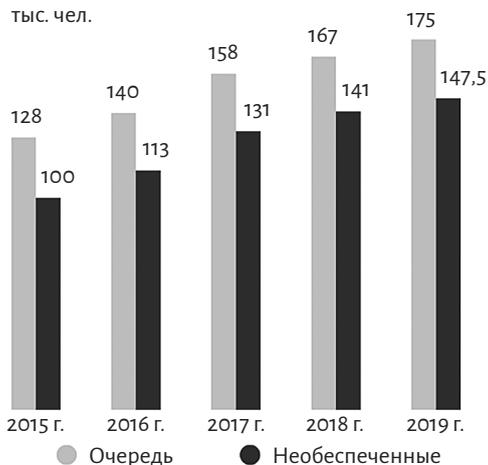

Рис. 1. Динамика численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, у которых возникло право на получение жилья, но не реализовано (2015–2019 годы), тыс. человек²

Ситуация с обеспечением жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в регионах России складывается по-разному. Анализ статистики Минпросвещения за 2014–2019 годы относительно доли сирот, обеспеченных жильем в течение года, приводит к подтверждению вывода о низкой эффективности региональной политики в сфере обеспечения жильем лиц из данной категории в Санкт-Петербурге за период с 2014 года и по 2019 год (рис. 2).

При этом обращает на себя внимание, что относительно других регионов России Санкт-Петербург отличается положительной динамикой реализации права на получение жилья лицами из данной категории. В 2022 году в Санкт-Петербурге квартиры должны были получить 1239 человек, из которых реализовали свое право практически половина — 677 человек³. По данным администрации Санкт-Петербурга,

² К началу 2020 года более 190 тысяч детей-сирот не получили жилье, на которое имеют право // Счетная палата Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://ach.gov.ru/checks/k-nachalu-2020-goda-bolee-190-tys-detey-sirot-ne-poluchili-zhile-na-kotoroe-imeyut-pravo?ysclid=lf9vmtn6vr109307869> (дата обращения: 13.03.2023).

³ Более 400 петербургских сирот получили квартиры с начала года // 78.ru: [сайт]. — URL: https://78.ru/news/2022-10-21/bolee_400_peterburgskih_sirot_poluchili_kvartiri_s_nachala_goda?utm_source=peterburg2.ru (дата обращения: 17.03.2023).

в 2023 году получают жилье около 700 лиц из данной категории¹. Однако нельзя не учитывать, что очередь на получение жилья каждый год растет.

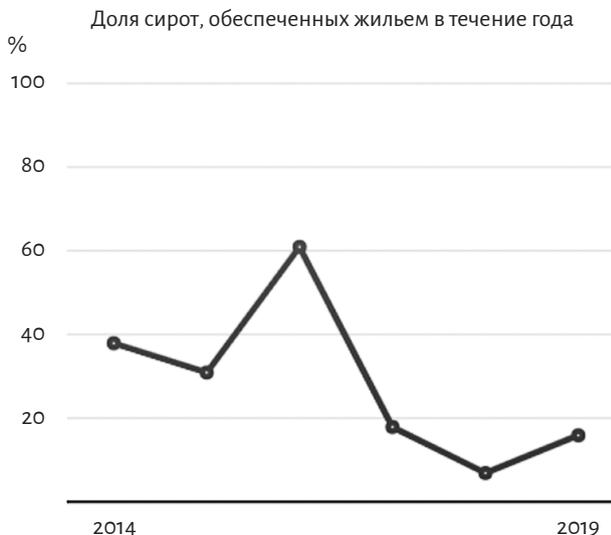

Рис. 2. Динамика доли сирот, обеспеченных жильем в течение года (2014–2019 годы), в процентах

Несмотря на существующее обеспечение в Санкт-Петербурге жилой площадью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, существует ряд негативных вопросов, связанных с государственным управлением в данной сфере. Одним из таких является качество введенного застройщиками жилья. До 2018 года для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, строили целые дома, которые нередко вводились в строй в аварийном состоянии. Это негативно сказывалось на социализации воспитанников социальных учреждений ввиду того, что основными жителями этих «социальных гетто» оставались дети-сироты, но проблема частично разрешилась с введением новых поправок в законе в 2018 году.

С 25 декабря 2018 года количество квартир, которые предоставляются лицам из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

¹ В 2023 году город обеспечит квартирами 700 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга: [сайт]. — URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/253399/> (дата обращения: 15.03.2023).

родителей, в многоквартирном доме не может превышать 25% от общего количества квартир в доме². Данная поправка значительно повлияла на улучшение социализации выпускников детских домов, но при этом участились случаи мошенничества и многие дети-сироты остались на улице без жилья. В результате это нововведение оказало негативное воздействие и очередь на получения жилья из числа детей-сирот резко увеличилась.

Кроме того, проблема предоставления вторичного жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в аварийном состоянии, непригодного для проживания, не была разрешена. За первое полугодие 2022 года от квартир отказались 1,7 тыс. лиц из данной категории в 62 регионах, из них Санкт-Петербург оказался в лидерах (79 человек). Санкт-Петербург также входит в число российских регионов, где социальное жилье не соответствует предъявленным к нему требованиям³.

Помимо перечисленных выше проблем, за последние годы осложнилась ситуация по договоренности с застройщиками. Как было отмечено выше, Санкт-Петербург входит в число регионов, где остро стоит проблема с жильем для сирот. В городе отмечается нехватка необходимого количества однокомнатных квартир, которые могут быть выделены на социальное жилье⁴. В первую очередь на договоренность с застройщиками повлияла материальная сторона вопроса. Застройщики утверждают, что квартиры в доме, в котором примерно четвертая часть собственности будет принадлежать детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, не будут ликвидны. Многие собственники будущего жилья не желают проживать на одной территории с лицами из данной категории, считая их будущее жилье асоциальным⁵.

² Как изменился порядок обеспечения жильем детей-сирот — разъяснения прокуратуры // Правительство Московской области: [сайт]. — URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/kak-izmenilsya-poryadok-obespecheniya-zhilem-detei-sirot-razyasneniya-prokuratury?ysclid=lfawni0xwt290986123> (дата обращения: 16.05.2023).

³ Без крыши над головой: почему петербургские сироты отказываются от квартир // Санкт-Петербург: ежедневник: [сайт]. — URL: <https://spb.mk.ru/social/2022/10/13/bez-kryshi-nad-golovoy-pochemu-peterburgskie-siroty-otkazyvayutsya-ot-kvartir.html?ysclid=lfv4chq14p593558203> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ Петербург и Ленобласть вошли в число регионов, где остро стоит проблема с жильем для сирот // 78.ru: [сайт]. — URL: https://78.ru/news/2022-10-06/peterburg_i_lenoblast_voshli_v_chislo_regionov_gde_ostro_stoit_problema_s_zhilim_dlya_sirot (дата обращения: 15.03.2023).

⁵ Квадратура друга: почему никто не хочет строить жилье для сирот // Известия: [сайт]. — URL: <https://iz.ru/907353/viktorii-strelnikova/kvadratura-druga-pochemu-nikto-ne-khochet-stroit-zhile-dlia-sirot> (дата обращения: 09.03.2023).

В ходе исследования была проверена гипотеза относительно отношения горожан к соседству с детьми-сиротами. Проведенный онлайн-опрос (на платформах ВКонтакте и Telegram) позволил выявить отношение жителей Санкт-Петербурга к лицам из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в жилищном вопросе (рис. 3).

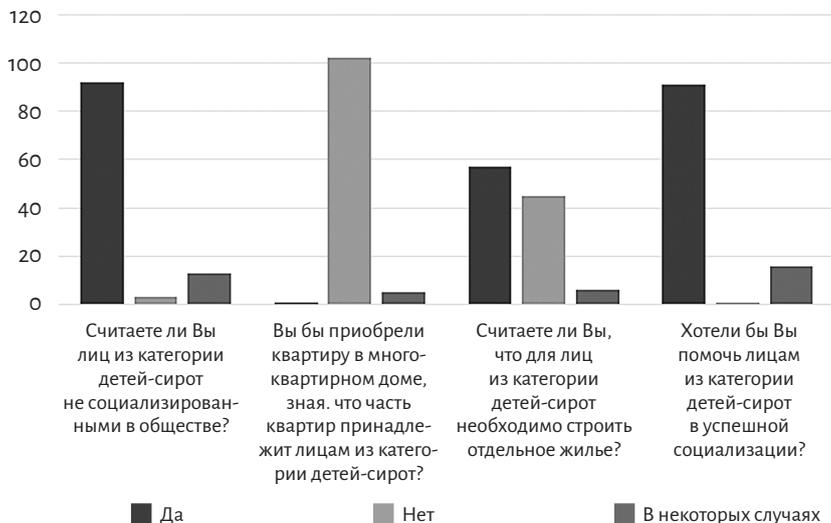

Рис. 3. Результаты интернет-опроса на тему: «Отношение петербуржцев к лицам из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в жилищном вопросе», чел. (N = 108)¹

В пилотажном опросе участвовало 108 человек, достигших 18-летнего возраста, которые проживают на территории Санкт-Петербурга. Каждому участнику опроса было предоставлено пояснение относительно того, кто такие «дети-сироты», «дети, оставшиеся без попечения родителей», «социализация». В ходе проведенного опроса были выявлены некоторые проблемы в сфере обеспечения жильем детей-сирот. Большинство тех, кто участвовал в опросе, считают лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не социализированными в обществе. Респонденты склонны к мнению о том, что не приобрели бы квартиру в многоквартирном доме, зная,

¹ Составлено автором на основании результатов интернет-опроса, проведенного автором.

что часть квартир принадлежит лицам из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. 57 респондентов (то есть примерно половина опрошенных) считают, что для лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо строить отдельное жилье, при этом большая часть участников интернет-опроса (91 респондент) хотели бы помочь в успешной социализации лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Исходя из полученных данных проведенного интернет-опроса, можно сделать вывод, что большинство респондентов впервые задумались о том, кто такие дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, и с какими социальными проблемами они сталкиваются. В данном случае можно предположить, что имеет место проявление стигматизации отдельной социальной группы в лице детей-сирот. Однако для проверки гипотезы требуется более углубленное изучение данного вопроса. Следует также прояснить и состав группы «детей-сирот», которая представляет собой неоднородное социальное образование, когда некоторая часть лиц из данной категории проживает, воспитывается вне детского дома и социализируется по аналогичным каналам, что и их сверстники, проживающие в семьях.

В ходе опроса было выявлено, что респонденты желают помочь в успешной социализации лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но при этом не хотят жить с ними по соседству (91 респондент). Данный опрос подтвердил гипотезу о том, что большинство людей не хотели бы проживать под одной крышей с лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, считая их не социализированными в обществе. В этой связи на частичное решение вышеперечисленных проблем в Санкт-Петербурге могла бы повлиять реализация законопроекта о сертификатах на приобретение жилья.

Разработанный российским правительством законопроект, который действует не во всех регионах страны, предусматривает предоставление жилищных сертификатов благополучным лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые достигли 23-летнего возраста. Жилищные сертификаты, как региональная мера поддержки, действуют с 2021 года и представляют собой единовременную социальную выплату на приобретение жилого помещения².

² Жилищные сертификаты для сирот в вопросах и ответах // Департамент по вопросам семьи и детей Томской области: [сайт]. — URL: Жилищные сертификаты для сирот в вопросах и ответах | Департамент по вопросам семьи и детей Томской области (tomsk.gov.ru) (дата обращения: 11.03.2023).

Этот проект является пилотным и на сегодняшний день реализуется лишь в некоторых регионах Российской Федерации: Ярославской области, Самарской области, Хабаровском крае, Вологодской области, Калининградской области, Ставропольском крае, Новосибирской области и др.

Данный проект был разработан в связи с тем, что большая часть регионов страны не имеет возможности обеспечить всех лиц, обладающих правом на получение жилья по достижении ими 18-летнего возраста. Большинство детей-сирот реализуют свое право на жилую площадь к 23 годам, а некоторые и намного позже. Средний срок ожидания квартир в регионах составляет семь лет, но есть регионы, в которых срок ожидания превышает 20 лет, некоторые из них представлены в табл. 1 (Веремьева 2019: 22–25). В Чеченской Республике и Республике Ингушетия срок ожидания квартир детьми-сиротами составляет более 45 лет (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые регионы РФ, в которых средний срок ожидания квартир лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, превышает 20 лет¹

Регион РФ	Средний срок ожидания квартир
Республика Крым	> 20 лет
Республика Мордовия	34 года
Республика Ингушетия	47 лет
Чеченская Республика	49 лет

Предложение введения жилищных сертификатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Санкт-Петербурге было внесено еще в конце 2022 года, но до его исполнения дело не дошло. В марте 2023 года Государственная Дума РФ приняла в первом чтении законопроект о возможности детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, старше 23 лет получать сертификаты на покупку жилья в любом регионе. Реализация этого законопроекта в Санкт-Петербурге была приостановлена до его утверждения. Ввиду того,

¹ Составлено автором на основании данных РБК (Счетная палата померила сиротские метры) // Газета РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/03/26/5e7b26399a7947cfc348172?ysclid=lfci81ka9o161939459> (дата обращения: 11.03.2023).

что зачастую к 23-летнему возрасту многие из группы «дети-сироты» успевают уже обзавестись семьей, то по этой причине 33 квадратных метров, которые положены по нормативу, оказывается недостаточно. Именно поэтому основным плюсом введения сертификатов является гибкость системы обеспечения жильем: самостоятельный выбор жилья в регионе; возможность приобретения более дорогостоящей жилплощади с помощью дополнения бюджетной суммы собственными средствами; возможность погашения ипотечного кредита с помощью сертификата.

Остановимся на ключевых проблемах введения жилищных сертификатов на примере Калининградской области, в которой данный проект действует в качестве пилотного с 2021 года. В Калининградской области количество выданных и количество реализованных сертификатов существенно различаются (табл. 2). Всего за 2021–2022 годы вручили 223 сертификата, следовательно, примерно 50% (111 сертификатов) лиц, получивших сертификаты, смогли реализовать свое право на получение жилья за два года. При этом в Калининградской области право на получение жилья (лица из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достигшие 18-летнего возраста) в конце 2022 года имели 1824 человека, часть из которых уже имеют право на получение сертификата. Это говорит о том, что ожидание получения жилья, в том числе сертификата, является очень длительным (время ожидания может продлиться более 10 лет).

Таблица 2

Количество выданных и реализуемых сертификатов на жилье детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в Калининградской области за 2021–2022 годы²

Год	Выдано	Реализовано
2021	130 сертификатов	52 сертификата
2022	93 сертификата	59 сертификатов
Итого	223 сертификата	111 сертификатов

² Составлено автором на основании данных Министерства социальной политики Калининградской области (Обеспечение жильем детей сирот, 2022 год) // Правительство Калининградской области: [сайт]. — URL: <https://social.gov39.ru/informatsiya/po-kategoriyam-grazhdan/detyam-sirotam-detyam-ostavshimsya-bez-popecheniya-roditeley-litsam-iz-chisla-detey-sirot-i-detey-os/detyam-sirotam-detyam-ostavshimsya-bez-popecheniya-roditeley-litsam-iz-chisla-detey-sirot-i-detey-os.php?ysclid=lfck99ytq905334036> (дата обращения: 08.03.2023).

Анализ статистических данных показывает, что не все выданные сертификаты оказываются реализованы в части получения жилья. Основными причинами в расхождении количества выданных и реализуемых сертификатов могли послужить такие факторы, как: небольшой срок действия жилищного сертификата, который составляет три года, и отсутствие помощи в получении жилья по этой программе.

Большинство лиц из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, плохо осведомлены в приобретении недвижимости, финансово безграмотны, боятся столкнуться с мошенниками при реализации сертификатов, что является частым явлением (Костюхина 2020: 258).

С целью оценки финансовой грамотности выпускников детского дома были проведены интервью, которые позволили выявить следующее. Финансовая безграмотность является основным барьером в реализации их жилищного права. Ведению финансов в социальных учреждениях не учат, что создает большую проблему адаптации в современном мире. Дети, выросшие без попечения родственников, даже по мере взросления часто не понимают ценности денег и того, как их можно расходовать. В сложных ситуациях, при реализации жилищного права чаще всего выпускники детских домов (в 18–19 лет) обращаются за помощью к сотрудникам детских домов. Сотрудники детских домов выступают в роли основных агентов детей-сирот. Что же касается практики использования жилищных сертификатов, то незначительное число выпускников обращается к сотрудникам детского дома за консультациями по причине того, что к 23 годам многие разрешают жилищные вопросы при помощи сослуживцев, друзей. Особое внимание в интервью было уделено фактам, связанным с мошенничеством в случае с воспитанниками детских домов. По мнению информантов, воспитанники часто являются «легкой добычей» для мошенников, доверчивы и принимают любую помощь, не умея отличить помощь от обмана. Сотрудники детского дома отметили, что необходимо больше уделять вопросам финансовой и правовой грамотности детей-сирот.

Результаты интервью подтвердили мнение о том, что при реализации права на жилье дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, испытывают трудности и зачастую не могут разобраться самостоятельно. Более того, стоимость сертификата оказывается слишком заниженной и на эти деньги весьма трудно приобрести недвижимость. Этот вывод подтверждается и данными по Калининградской области (табл. 3), которые отражают расхождение фактической

стоимости одного квадратного метра и разработанных нормативов стоимости квадратного метра для жилья, реализуемого по программе поддержки детей-сирот.

По данным Минстроя России, средняя стоимость 1 м² социального жилья на 2023 год по нормативу равна 88 737 рублей по регионам страны. При этом средняя фактическая стоимость квадратного метра в Санкт-Петербурге в 2023 году составила 187 800 рублей (вторичное жилье) и 220 317 рублей (новостройки)¹. Безусловно, стоимость по нормативу и средняя фактическая стоимость квадратного метра различаются в зависимости от условий региона. Однако случай Калининградской области показывает, что нормативная стоимость в регионе расходится со стандартами на рынке недвижимости (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение стоимости по нормативу и фактической стоимости жилья в Калининградской области в 2019 и 2023 годах²

Год	Стоимость сертификата (тыс. руб.)	Норматив жилой площади (1-комнатная квартира)	Стоимость по нормативу за 1 м ² (руб.)	Рыночная стоимость за 1 м ² (руб.)	Фактическая стоимость жилья (руб.)	Расхождения стоимости по нормативу и фактической стоимости (руб.)
Март 2019	1487,3	33 м ²	45 068	Новостройки — 51 018	1 683 594	196 201
				Вторичное жилье — 59 326	1 957 758	470 425
Март 2023	2517,933	33 м ²	76 301	Новостройки — 116 871	3 856 743	1 338 810
				Вторичное жилье — 113 622	3 749 526	1 231 596

¹ Названа минимальная стоимость «квадрата» в новостройках Петербурга // Новострой-СПб: [сайт]. — URL: https://www.novostroy-spb.ru/novosti/nazvana_minimalnaya_stoimost_kvadrata?ysclid=Ifvf3g9kup920499862 (дата обращения: 13.03.2023).

² Составлено автором на основании самостоятельно вычисленных данных.

Таким образом, проведенный анализ показал, что жилищного сертификата для приобретения жилья недостаточно и жилье становится недоступно при условии отсутствия дополнительных денежных средств. Каждый год расхождение между стоимостью сертификата по нормативу и фактической стоимостью возрастает (табл. 4), поэтому необходимо на законодательном уровне определить сумму сертификата с учетом рыночной стоимости недвижимости в регионе и установить порядок его индексации. В противном случае инициатива по введению жилищных сертификатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, потеряет свою актуальность.

Таблица 4

Сравнение процентного расхождения стоимости по нормативу и фактической стоимости жилья в Калининградской области в 2019 и 2023 годах¹

Год	Тип жилья	Расхождение между нормативом и фактической стоимостью, %
2019	Новостройка	12
	Вторичное жилье	24
2023	Новостройка	35
	Вторичное жилье	33

Так что при реализации программы жилищных сертификатов детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, возникает ряд барьеров — от финансовой безграмотности выпускников детских домов до нереально низкой стоимости квадратного метра жилья согласно разработанным нормативам.

Анализ данных проведенного интервью позволил выявить места пребывания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период ожидания получения квартиры / жилищного сертификата. Согласно полученным данным, часть лиц из данной категории, которые выросли вне воспитательных учреждений и имеют социальные связи с родственниками, опекунами, чаще всего после достижения 18-летнего возраста продолжают проживать с ними. Для выпускников воспитательных учреждений главный вопрос, который возникает при достижении совершеннолетия, — место дальнейшего проживания. В этой ситуации,

¹ Составлено автором на основании самостоятельных расчетов.

по словам информантов, зачастую детям-сиротам негде жить до реализации права на собственное жилое помещение либо предоставленное помещение часто является непригодным для жилья. Так, директор одной из социальных гостиниц² отмечает, что основным вариантом проживания после выпуска из детского дома является социальная гостиница. По ее мнению, в социальной гостинице проживают как молодежь, так и взрослые, которые оказались в сложной жизненной ситуации. Согласно полученным данным, помимо проживания в гостиницах такого типа, существует возможность проживания и в общежитии. Но важным условием для заселения в общежитие является успешное поступление в учебное заведение, что бывает крайне редко. Другой путь для получения места в общежитии — поиск работы с организацией проживания в общежитии.

Что касается оценки жилищных условий в социальных гостиницах, то, согласно информантам, дети-сироты после выпуска из воспитательных учреждений, по сути, переезжают из одного детского дома в другой. Случалось также, что дети-сироты возвращаются в социальные гостиницы в ситуациях, когда они не оплачивают коммунальные услуги и влезают в большие долги.

По данным Генпрокуратуры РФ, 40% выпускников интерната или детского дома совершают какие-либо преступления, начинают употреблять алкогольные и наркотические средства, 10% совершают самоубийство и примерно столько же «встают на ноги» (рис. 4). Данные показывают, что крайне мало тех, кто трудоустраивается, обретает семейный статус.

Данные интервью показали, что помимо социальной гостиницы, общежития по месту работы у выпускников детских домов имеются и иные варианты для проживания. Так, в интервью было отмечено, что существует возможность официальной аренды жилья, но в том случае, если у выпускника имеется постоянный источник дохода. При этом действующим законодательством предусмотрена компенсация за аренду жилья сиротой (Лаврищева 2019: 82–86).

Важным фактором в случае аренды жилья выпускником оказывается стоимость аренды. Данные интервью показывают, что чаще всего арендная плата по разработанному нормативу далеко отстает от реальных цен

² Социальная гостиница для лиц без определенного места жительства и занятий — это государственное учреждение социального обслуживания населения, предназначенное для предоставления временного места пребывания бездомным гражданам, в первую очередь гражданам пожилого возраста и инвалидам (определение, предлагаемое автором на основании данных, полученных в ходе интервью).

на рынке жилья. К примеру, в Санкт-Петербурге стоимость ежемесячной компенсации расходов за аренду жилья в 2023 году детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, имеющим право на обеспечение жилым помещением, по нормативу составляет 15 000 рублей в месяц в городском поселении и 10 000 рублей в месяц в сельском поселении¹. При этом фактическая средняя стоимость аренды жилья в Петербурге (квартиры-студии / однокомнатной квартиры) составляет около 20 000 рублей в месяц, что не соответствует нормативной стоимости компенсации. Кроме того, не каждый собственник квартиры готов согласиться официально сдавать свое жилье детям-сиротам, которые имеют проблемы с социальной адаптацией².

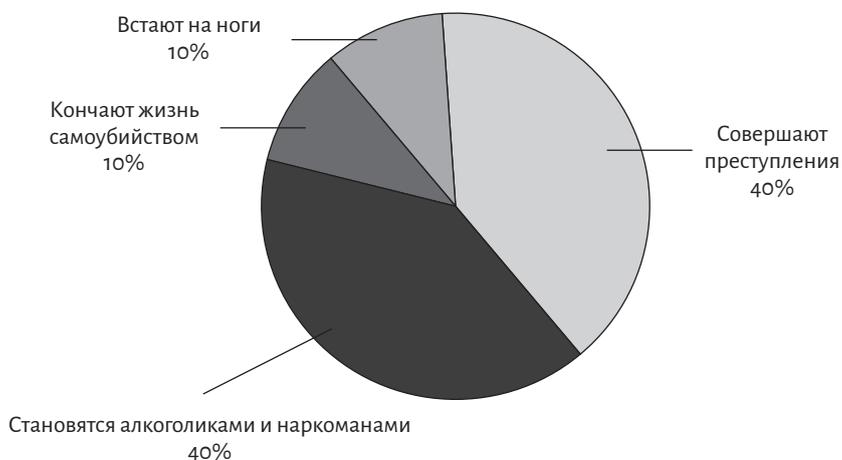

Рис. 4. Судьбы выпускников сиротских учреждений в РФ (по данным Прокуратуры РФ), в процентах³

¹ Постановление Правительства Ленинградской области от 18.04.2022 г. № 239 «Об утверждении Порядка предоставления ежемесячной компенсации расходов на аренду жилых помещений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подлежащих обеспечению жилыми помещениями специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4700202204200004?ysclid=lia0pueaa3506113913> (дата обращения: 10.03.2023).

² Жизнь после детского дома: как получить жилье сироте? // heaclub: [сайт]. — URL: <https://heaclub.ru/zhizn-posle-detskogo-doma-kak-poluchit-zhile-sirote?ysclid=lfds0r6ojx316512175> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Составлено автором на основании результатов интервью, проведенного автором.

Данные интервью подтвердили гипотезу о том, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, после выпуска из воспитательных учреждений, как правило, имеют жилищные проблемы, им часто негде прожить, когда они находятся на этапе «ожидания» при получении жилья на законных основаниях. Имеющиеся варианты для проживания, такие как социальные гостиницы, общежития по месту работы, не являются решением жилищного вопроса, и часто именно на этом этапе возникают новые социальные девиации в жизни выпускника.

Заключение

Проведенное пилотажное исследование показало, что региональная политика по обеспечению жильем лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является в целом неэффективной в Санкт-Петербурге. Это объясняется прежде всего тем, что очередь необеспеченных жильем детей из данной категории с каждым годом возрастает, несмотря на введение различных инициатив на государственном уровне. На это влияют малоэффективные практики взаимодействия с застройщиками жилья, которые формируются в том числе и в связи с тем, что большинство покупателей не хотели бы проживать по соседству с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Однако большинство из опрошенных респондентов хотели бы помочь этой категории граждан в их успешной социализации. Частичным решением данной проблемы могло бы стать введение жилищных сертификатов, но анализ данных показал, что данная программа имеет ряд недостатков в части ее реализации. Основным недостатком является низкая стоимость жилищного сертификата по сравнению с реальной стоимостью жилья на рынке недвижимости. По нормативной стоимости выпускнику трудно осуществить покупку жилья, не вкладывая собственные денежные средства, которые часто у детей из данной категории отсутствуют.

Помимо выявленных проблем в обеспечении жильем лиц из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, возникают вопросы и социальной адаптации и социализации тех, кто завершил свое пребывание в воспитательных учреждениях по достижении 18-летнего возраста. Период ожидания законных метров жилья от государства часто порождает новые жизненные проблемы.

На основе проведенного эмпирического исследования были сформулированы следующие практические рекомендации органам управления, которые могут содействовать формированию и реализации социальной политики в части обеспечения жильем детей-сирот:

- необходимо увеличить объем региональных средств на социальные нужды за счет сокращения бюджетирования других менее значимых сфер;
- разработать для застройщиков выгодные условия для реализации программы жилья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, без ущерба интересов собственников жилья;
- рассмотреть порядок введения жилищных сертификатов по достижении 18-летнего возраста и права выбора места жительства. Данная мера позволит преодолеть негативные социальные последствия периода ожидания выдачи жилищного сертификата по достижении 23 лет;
- учитывать состояние рынка недвижимости при определении нормативной стоимости жилищных сертификатов (нормативную стоимость жилищных сертификатов необходимо приравнять к реальной стоимости жилья на рынке недвижимости);
- разработать систему мероприятий по финансовой и правовой грамотности воспитанников детских домов с момента их пребывания в учреждении¹.

Что касается ситуации в Санкт-Петербурге, то, по мнению губернатора А. Д. Беглова, меры по обучению выпускников детских домов уже частично реализуются. Так, в центрах содействия семейному воспитанию детей, оставшихся без родителей, готовят к дальнейшей самостоятельной жизни. В том числе учат ведению домашнего хозяйства и рациональному планированию бюджета.

При проведении интернет-опроса было выявлено, что большая часть респондентов (91%) планирует помогать нуждающимся детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в их социальной адаптации. Если государство будет стимулировать и поощрять людей за их

¹ Что касается ситуации в г. Санкт-Петербурге, то, по мнению губернатора А. Д. Беглова, меры по обучению выпускников детских домов уже частично реализуются. Так, в центрах содействия семейному воспитанию детей, оставшихся без родителей, готовят к дальнейшей самостоятельной жизни. В том числе учат ведению домашнего хозяйства и рациональному планированию бюджета. В 2023 году город обеспечит квартирами 700 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга: [сайт]. — URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/253399/> (дата обращения: 10.03.2023).

помощь незащищенным гражданам России — детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, — то, возможно, с этих категорий будет снят ярлык «социально опасен».

Источники

Алекберов Р. А. Проблемы обеспечения благоустроенными жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Молодой ученый. — 2019. — № 19 (257). — С. 186–189.

Безгодкова Л. С. Правовое регулирование и защита жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». — 2021. — № 4. — С. 1123–1130.

Веремьева О. А. Некоторые правовые проблемы предоставления жилья детям-сиротам // Вопросы науки и образования. — 2019. — № 20 (67). — С. 22–25.

Лаврищева О. А. Современные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Государственная служба и кадры. — 2019. — № 3. — С. 82–86.

Костюхина А. Ю. К вопросу о проблемах реализации конституционного права на жилище детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей // Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (г. Барнаул, 14 апреля 2020 г.) / Ин-т философии и права УрО РАН. — 2020. — С. 257–259.

Муфтахова А. Н. О распределении социального блага на жилье // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции «XV Ковалевские чтения», Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 г. — СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. — С. 227.

Русакова М. М., Одинокова В. А. Участие детей, находящихся в организациях для детей-сирот, в принятии решений // Петербургская социология сегодня. — 2019. — № 11. — С. 128–143.

References

Alekberov R. A. Problems of providing comfortable living quarters for orphans and children left without parental care. *Young Scientist*, 2019, pp. 186–189. (In Russ.)

Bezgodkova L. S. Legal regulation and protection of housing rights of orphans and children left without parental care. *Scientific and educational journal for students and teachers "StudNet"*, 2021, no 4, pp. 1123–1130. (In Russ.)

Kostyukhina A. Yu. On the issue of the problems of realization of the constitutional right to housing by orphans and children left without parental care. *Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference of students and young scientists dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. Barnaul, April 14. Institute of Sociology and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2020, pp. 257–259. (In Russ.)

Lavrishcheva O. A. Modern problems of realization of housing rights of orphans and children left without parental care. *Civil service and personnel*, 2019, pp. 82–86. (In Russ.)

Muftakhova A. N. On the distribution of social benefits for housing. Sociologist: education and professional trajectories. *Materials of the All-Russian Scientific Conference XV Kovalevsky Readings, St. Petersburg, November 25–27, 2021*. St. Petersburg, Scythia-print LLC, 2021, p. 227. (In Russ.)

Veremyeva O. A. Some legal problems of providing housing to orphans. *Issues of science and education*, 2019, no 20 (67), pp. 22–25. (In Russ.)

Rusakova M. M., Odinokova V. A. Participation in Decision Making among Children, Living in Institutional Care. *St. Petersburg Sociology Today*, 2019, no 11, pp. 128–143. DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.dx3p-5z44. (In Russ.)

Кукушкина София Алексеевна, студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия.
Sokush.kld18@yandex.ru

Kukushkina, Sophia A., North-West Institute of Management of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia.
Sokush.kld18@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-20.xpmq-a732

EDN: FUOPUG

УДК 316.7

Н. А. Мизиряк

ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ МЕМ? СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И СТРУКТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу визуальных интернет-мемов с точки зрения их возможностей кодирования информации. Автор выделяет два уровня кодирования информации в меме: макроуровень, где мем представляет собой элемент интернет-культуры и является носителем социокультурного кода, кодирует смыслы; и микроуровень, где мем предстает как закодированный информационный объект с внутренней структурой элементов и связей, то есть мем сам является кодовой системой. На уровне социокода автор выделяет спектр культурных кодов, инкорпорированных в мем. На уровне структуры мем состоит из ядра и элементов периферии. Изменение отношений выделенных элементов реализуют принципы «преемственности» и «изменчивости», характерные для мемов. Перенос ядра мема в другой контекст, столкновение двух и более ядер создает основу для создания нового мема.

Ключевые слова: мемы, интернет-мемы, социокультурные коды, структура мема.

NADEZHDA A. MIZIRYAK

WHAT IS A MEME MADE OF? SOCIOCULTURAL CODES AND STRUCTURAL PRINCIPLES OF ORGANIZATION

Article is devoted to the analysis of visual Internet memes in terms of their ability to encode information. Author identifies two levels of encoding information in a meme: the macro level, where the meme is an element of Internet culture, meme is the bearer of the socio-cultural code, meme encodes meanings; and the micro level, where the meme appears as a coded information object with an internal structure of elements and links, the meme itself is a code system. At the level of the sociocode, the author highlights the range of cultural codes incorporated into the meme.

At the structural level, a meme consists of a core and periphery elements. At the level of the sociocode, the author highlights the range of cultural codes incorporated into the meme. At the structural level, a meme consists of a core and periphery elements. Changes in the relationship between the core and the periphery implement the principles of “continuity” and “variability” characteristic of memes. The transfer of the core of the meme to another context, the collision of two or more cores creates the basis for a new meme.

Keywords: memes, internet memes, sociocultural codes, meme structure.

Многообразие исследований интернет-мемов (особый медиаобъект остроумного или иронического характера, широко распространенный в Интернете) и возможностей их использования для изучения социальных, политических, экономических аспектов жизни общества наглядно демонстрирует актуальность применения мем-анализа. Мемы исследуются как срез новостной реальности, они показывают направление фокуса общественного интереса, демонстрируют, чем живет и чем дышит общество (или отдельная его группа). На основе анализа актуальных мемов выявляются господствующие стереотипы восприятия, практики взаимодействия в той или иной сфере, а также различные способы интерпретации волнующих событий. Методически исследователи в основном концентрируются на сборе актуальных мемов по заданной тематике и их смысловом анализе. При этом общая методология исследования интернет-мемов находится в стадии формирования. Данная статья вносит вклад в методологию изучения интернет-мемов с точки зрения их структуры и возможностей отражения в мемах социокультурных кодов. Целью статьи является выявление структурных и смысловых принципов кодирования информации в интернет-мемах. Предложенный инструмент позволит исследователям выявлять различные уровни организации информации в мемах, анализировать процесс наполнения мема смыслом, выделять в мемах многообразие социокультурных кодов и метакодов, рассматривать мемы с точки зрения их структурной организации и внутренних изменений.

Метафора кода

В широком смысле интернет-мемами называют визуальные, креолитизованные или мультимедийные объекты, обладающие свойствами преемственности, изменчивости, подлежащие отбору пользователями и мультиплицированию, вирусно распространяющиеся среди пользователей из одного или многих сообществ. В узком смысле

интернет-мем представляет собой образ конкретного узнаваемого персонажа, помещенного в контекст нового для него изображения или мультимедийного фрагмента, или популярную идиому, становящуюся смысловым ядром креолизованного интернет-мема. Обращаясь к носителю визуального интернет-мема, мы можем описать его как изображение, визуальный образ. Под визуальным образом мы, вслед за Р. Порозовым, понимаем результат деятельности нормативного и ценностного аппарата человека или коллектива, «„видение“, пропущенное сквозь культуру» (Порозов 2011: 219–221). Ту же особенность видения подчеркивает и Е. Черневич, говоря о том, что видеть изображение — значит прочесть его как текст, настроившись на раскрытие символов, отношений, контекста (Черневич 1975: 19). Визуальный текст можно определить как зримую структурно-функциональную модель, в которой ценности и нормы определенной культуры носят кодовый характер и представлены в виде знаков, символов и образов, взаимосвязанных между собой различными контекстуальными связями; модель визуально воспринимаемой реальности «строится» по субъект-субъектному / субъект-объектному принципу с помощью экстралингвистических средств (Симбирцева 2013: 184). Визуальный образ обладает динамичностью, перемещается во времени и пространстве, накапливает и трансформирует смыслы. Следовательно, для понимания визуального образа реципиенту мало иметь физическую способность видеть и различать элементы изображения, ему необходимо быть включенным в культуру, быть носителем определенных социокультурных кодов. Визуальные интернет-мемы можно рассматривать как средства визуализации опыта, социально значимой информации, претендующей на истинность, средства демонстрации фокуса интереса сообщества, средства конструирования новых связей, значений и стереотипов. Мемы — это средства кодирования, переноса и передачи социально значимой информации.

Метафора кода сближает науки о культуре, о языке и об информации с биологией. Общее заключается в характеристиках процесса переноса некой информации из одной точки в другую. Интерес к кодам и кодированию (вне)биологической информации оправдан, поскольку и сам термин «мем» — «ген культуры», «единица передачи культурного наследия», «единица имитации» (Докинз 2013: 126) — тоже изначально был биологической метафорой. Любая информация — генетическая, культурная, языковая, математическая — для передачи нуждается в том, чтобы носитель ее закодировал в соответствии с характеристиками канала передачи, а получатель раскодировал

на выходе из канала. Богатая традиция изучения культурных и социокультурных кодов является междисциплинарной и включает изыскания семиотики, лингвистики, культурологии, антропологии и социологии. Сходные принципы кодирования и передачи информации в природе и в культуре, эволюционные сходства ДНК и языка отмечались К. Леви-Строссом (Леви-Стросс 1978), Д. Серлсом (Searls 2002), П. Годфри-Смитом (Godfrey-Smith 2007), А. И. Коротяевым (Коротяев, Бабичев 2009) и многими другими. М. К. Петров тоже проводил такие параллели, говоря о механизмах социального наследования в обществе, действующих сходным образом с биологическими механизмами наследования, о «внебиологическом кодировании» в культуре. Он пишет о «социокоде», основной знаковой реалии культуры, удерживающей в целостности и различении фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие институты общения. Единицей социокода М. Петров называет «социальный ген» — знак. Знак является «носителем смысла и основанием его преемственного изменения» (Петров 2004: 38), поскольку фиксирует и неопределенно долго хранит значение, а также транслирует его от поколения к поколению. В данном понимании, на наш взгляд, знак соответствует общему пониманию (не-интернет) мема. Важно понимать, что понятие «знак» имеет свою историю изучения и использования и может быть интерпретировано предельно широко как предмет (явление, событие), выступающий в качестве объективного заместителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний). Мем тоже описывает идею, практику, эмоциональное состояние и является знаком, отсылающим к некой идее. Ролан Барт писал о знаках, что те представляют действительность языковой группы, а значит, могут быть не только словами, но и образами, и вещами, которые сообщают нечто значимое (Барт 1994: 40). Отдельные образы представляют собой знаки с переменной субстанцией плана выражения, то есть один и тот же образ может воплощаться в разных материальных носителях (Папшева 2010: 493). Заметим, что мемы аналогичным образом могут выражаться в визуальных образах, расхожих фразах и даже материальных артефактах. Знаки транслируют культурную информацию от человека к человеку, и мемы функционируют так же. Все вышесказанное справедливо и для мемов в понимании «ген культуры», и для интернет-мемов в частности. Далее мы сконцентрируемся на анализе непосредственно интернет-мемов и их культурных кодов.

Социокультурный код

Культура может быть представлена как информационно-коммуникативная система, осуществляющая трансляцию информации в социальном времени и пространстве и предоставляющая участникам коммуникационного процесса возможность взаимопонимания. Для эффективной передачи и усвоения социального опыта он (опыт) должен быть представлен в определенных удобных и понятных формах — образах и текстах. Код используется в культуре на этапе перевода информации в мобильные формы, готовые для передачи между людьми, между поколениями, между разными культурами, и обеспечивает адекватное понимание информации для всех, кто владеет кодом.

Для того чтобы реальность отразилась в культуре, она должна быть выражена при помощи культурного кода в культурном тексте. Под текстом, в свою очередь, в широком смысле можно понимать все, что искусственно создано (Кутырева 2012: 52). В семиотике текст — это осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в том числе обряд, танец, ритуал и т. п. (Валгина 2003), это среда, организующая означающие. Код в этом случае — это некий план, некий угол зрения, который сначала привносится в текст исследователем, чтобы затем быть обнаруженным. Изучением кодовых структур культуры занимались ученые структуралистского направления в философии и культурологии (Ф. де Соссюр, Р. Барт, У. Эко). Ф. де Соссюр писал, что код участвует в производстве лингвистического знака, то есть в определении соответствия означающего означаемому. Код устанавливается и крепнет в процессе общения людей, когда каждый начинает соотносить одни и те же знаки с одними и теми же понятиями по определенным правилам (Соссюр 2009: 57). Знак, в свою очередь, понимается в соотношении с другими знаками, входящими в систему языка, «изолированного знака не существует» (Соссюр 2009: 40). В контексте данного понимания мы можем представить мемы как знаки, отсылающие к определенным идеям, практикам и эмоциям. Создававшаяся связь между знаком мема и его означаемым неразрывна благодаря определенному коду, который вводится, распространяется и эволюционирует в сообществе в процессе циркуляции мема. Этот код включает правила понимания и использования мема, а также соотношение с другими объектами реальности и другими мемами. Роланд Барт утверждал, что знаки и значения, отраженные в языке, структурируют действительность языковой группы. Знаки организуют культурный опыт, кодируют культурную информацию

и транслируют ее от человека к человеку. Социальными знаками являются не только слова, но также и образы, и вещи, которые сообщают нам нечто значимое. Совокупность знаков образует текст, организованный культурными кодами, существование которых не осознается даже автором текста. Культурный код определяется Р. Бартом как «переплетение множества цитаций», «мираж», сотканный из множества структур, уже описанных ранее (Барт 1994: 45). Авторский текст является, с одной стороны, каталогом культурных ссылок, а с другой — сам вплетается в ткань культуры, дополняя ее, становится частью культурной памяти. Кроме того, любой текст (особенно текст законченного произведения) есть машина по внушению стереотипов, закодированных в языке, нацеленная на регулирование поведения людей. В рамках этих положений мы можем сказать, что, создавая интернет-мем, автор, осознанно или нет, включает в него множество подтекстов, отражающих его мировоззрение. Мем, становясь частью культуры, уже сам начинает актуализировать те или иные значения и участвует в структурировании мировоззрения сообщества, внедрении стереотипов. Умберто Эко подразумевает под кодом систему ограничений, позволяющую определить соответствие каждого символа определенному означаемому, а также устанавливающую репертуар значимых противопоставленных символов и правила их сочетания (Эко 1998: 57). Код выполняет роль системы ожиданий значений: он позволяет ограничивать количество возможных комбинаций смысла элементов сообщения и число самих элементов сообщения. Этому способствует внутренний контекст понимаемой синтагмы, коммуникативная ситуация и прямое указание в самом сообщении. Интерпретируя феномен мемов в этом контексте, мы можем сказать, что наличие кода позволяет соотносить мем в целом с определенной частью реальности (конкретной эмоцией, практикой, идеей), соотносить отдельные элементы мема и контекста, соотносить разные мемы между собой. Для расшифровки мема нужно либо уже знать, что он означает, либо косвенно понять смысл по тем контекстам, где этот мем появляется. По мнению Ю. М. Лотмана, код устанавливает соответствие между текстами и моделями мира. Он считает, что тексты в культуре можно рассматривать на двух уровнях: как определенные сообщения и как реализацию кодов, при помощи которых это сообщение дешифруется в тексте (Лотман 2002: 33). Понятие культурного кода не только связывает сообщение с культурными корнями и смыслами, но и отражает, как именно построено то или иное информационное сообщение, из каких элементов состоит и по каким правилам организовано.

В таком случае код выражается в совокупности знаков и системе правил, при помощи которых информация представляется для передачи, обработки и хранения. Исходя из этого понимания, мемы тоже можно рассматривать на двух уровнях — как реализацию смысловых кодов и как структурированное, организованное по внутренним правилам сообщение. К рассмотрению мема как сообщения с внутренней структурой мы еще вернемся.

Современный исследователь М. Э. Рябова возводит влияние интернет-мемов на общество на новый, цивилизационный уровень и утверждает, что «взаимодействие людей в сложном коммуникативном дискурсе виртуальности формирует исторически новое общественное сознание, в котором утверждаются разные вариации мемов, служащие базисом ценностных установок и ментальных предпочтений, из которых складывается картина мира социума» (Рябова 2023: 127). Она видит в мемах уникальный способ кодирования идей, позволяющий транслировать идеологию, мировоззрение от одних пользователей к другим. М. Э. Рябова выделяет полевую структуру мема, включающую «константное ядро (визуализацию и подразумеваемый смысл) и вариативную составляющую (ситуацию)» (Рябова 2023: 127).

Социальный аспект культурного кода включается, когда мы говорим о коде, выработанном и используемом внутри определенной общности. Обобщая различные работы, посвященные специфике социокультурного кода, мы можем сформулировать, что социокультурный код представляет некую систему символов, ценностей и установок, позволяющую описывать реальность того или иного сообщества (от малой группы до всего человечества). Е. Попов пишет, что «социокультурный код характеризует бытие человека и раскрывает мир вокруг него — виртуальные, информационные, масскультурные, экономоцентричные и другие пространства» (Попов 2013: 270). Социокультурный код позволяет воспринимать и конструировать (через описание и интерпретацию) социальную реальность, включать в нее новые явления и адаптировать (благодаря интерпретации и кодированию в терминах системы) к ним общность, а также развивать социальное воображение. Неся в себе социокультурный код, интернет-мемы, таким образом, включаются в систему знаков интернет-культуры, участвуют в описании и интерпретации реальности для членов одного или многих интернет-сообществ; помогают воспринимать и конструировать через описание происходящие события, регулярные практики и события прошлого, адаптировать общество к изменениям новостной повестки и развивать социальное воображение.

Таким образом, выявляются два уровня понимания кода сообщения — макроуровень и микроуровень. На макроуровне социокультурный код структурирует и упорядочивает основные представления общества о себе и окружающем мире — о своей истории, настоящем и будущем. Он устанавливается и крепнет в процессе социального взаимодействия и находит выражение в системе знаков, правил, ценностей установок, обязательной для всех членов сообщества. Знание социокультурного кода приобщает индивида ко всему социокультурному знаковому комплексу общества, обеспечивает понимание между ним и другими носителями кода, а также навязывает стереотипы восприятия. На микроуровне код отражает внутреннюю организацию информационного сообщения, его структуру, элементы и правила их сочетания. Код делает информацию возможной для понимания и передачи. Возможные сбои в кодировке сообщения не позволяют адекватно отразить и передать идею, информацию, которую в него заложили. Таким образом, макросоциокультурный код, чтобы быть транслированным, должен быть закодирован на микроуровне в сообщение, характеризующееся внутренней структурой организации элементов и правилами их кодировки.

Для анализа феномена мемов произведенное нами описание культурного кода дает следующее: мем как информационный продукт может быть рассмотрен как текст, как знак, имеющий структурный код (правила построения) и смысловой, социокультурный код (связывающий мем с идеей, практикой, эмоцией, которые он отражает). Создание и введение в оборот новых мемов сопряжено с включением автора в существующую знаковую систему и переводом новых образов на ее язык, то есть использованием культурного кода. Идея, воплощающаяся в меме, несет в себе социокультурный код, не зная который пользователь не сможет понять, к каким именно культурным контекстам отсылает данный мем. В процессе использования мема в коммуникации его форма и содержание могут изменяться и коды — структурный и смысловой, — соответственно, тоже изменятся. Мемы участвуют в конструировании реальности, интерпретируют социальную реальность и доводят новые значения до широкого круга лиц, позволяют взглянуть на мир по-другому благодаря альтернативным трактовкам и возможности проявить собственное творчество в рамках существующего социокультурного кода. Мемы отражают мировоззрение их создателей и раскрывают для пользователей новые пространства для интеллектуальной активности.

Исходя из представленного понимания кода можем рассматривать интернет-мем на двух уровнях:

- на макроуровне мем представляет собой элемент макросистемы культуры и является носителем социокультурного кода. Мем кодирует смыслы;
- на микроуровне мем предстает как закодированный информационный объект с внутренней структурой элементов и связей. Мем сам кодирует, мем является системой.

Социокультурный код интернет-мема позволяет ему вписываться в макроструктуру культуры, кодировать часть реальности, означивая соответствие между идеей, социокультурными смыслами и конкретной формой воплощения (изображение, видео, аудио, артефакт). Кодирование социокультурной реальности с помощью интернет-мема предполагает нахождение соответствия между:

- собственным кодом идеи (события, новости, традиции, конкретной практики), которая должна быть отражена в меме;
- смысловым кодом используемого мема (образа или фразы и спектра значений, им присущих) — чтобы уместно, едко и вирусно-цепляюще использовать конкретный мем;
- кодом, соответствующим мировоззрению автора мема, — чтобы показать авторский ракурс интерпретации мемом конкретного события, практики, переживания. Что автор «сказал» и что автор «хотел сказать»;
- идеологическим метакодом, соответствующим внутреннему, возможно не осознаваемому самим автором, идеологическому посланию в меме. Сюда входят и норма-ценностные характеристики, и политические идеологические послания, и философские основания;
- социокультурным кодом общества или отдельной группы, сформированным на основе общей истории и практик взаимодействия, что позволяет реципиентам понять смысл мема и вписать его в прошлую, настоящую и будущую коммуникацию. Благодаря этому мем может быть разработкой уже существующей в сообществе идеи и быть понятен одной группе и непонятен другой.

Если эти коды совпадают у автора и у потребителя мема, то процесс раскодирования и, следовательно, коммуникация успешно состоится. Этому могут помешать различные технические и семиотические «шумы». Реципиент, в зависимости от собственных фильтров восприятия, может не раскодировать мем или раскодировать какую-то часть его значения или найти те значения, которые не вкладывали авторы. Эти фильтры играют важную роль в определении того, какие коды будут поняты и присвоены индивидом.

Структурный код

Мем представляет собой принципиально изменяющийся знак. Более того, именно изменение объекта, выражающего мем, делает мем мемом. Чрезвычайно важным нам представляется идея о выделении в структуре знаковой системы мема ядра и периферии. Создание любого интернет-мема (будь то мемы-изображения, текстовые мемы или видеомемы) предполагает акцент на определенном центральном образе-ядре, для которого остальное будет фоном. Мы предлагаем следующие определения.

Ядро — элемент, несущий социокультурный код, основную смысловую нагрузку. Это фокус внимания интернет-мема, «текст» в контексте. Ядро имеет собственные смысловые коннотации, отсылающие к ряду других интернет-мемов с тем же ядром. Ядро легко определить благодаря тому, что при его исчезновении принципиально изменяется смысл изображения.

Периферия (фон) — изображение, в котором происходит развертывание смысла ядра интернет-мема, его контекст. Фон может быть целостным, без выделяющихся элементов (например, ночное небо), или состоять из элементов, находящихся в подчиненных связях с ядром.

Элементы — другие выделяющиеся части интернет-мема-изображения, несущие смысловую нагрузку, но не являющиеся ядром.

Системообразующими отношениями являются отношения «ядро — периферия», поскольку в зависимости от того, что является ядром, а что периферией, создается смысл интернет-мема.

Изучая тексты, Ю. М. Лотман писал о том, что в ходе функционирования текста всегда есть возможность превращения центральных, «ядерных» элементов в периферийные и наоборот (Лотман 2002: 53), а также полной деконструкции текстов и создания из получившегося материала новых текстов (Лотман 2002: 68). Создание любого мема (будь то мемы-изображения, текстовые мемы или видеомемы) предполагает акцент на определенном центральном образе-ядре, для которого остальное будет фоном. Пока мем не сложился, «периферия» значит больше, чем «ядро», поскольку в качестве контекста указывает на смысл «ядра». Когда значение мема сформировано, он может быть изъят из одного контекста и помещен в любой другой. Сохраняя преемственность, ядро, появляясь в другом обрамлении, формирует контекст под себя, придавая ему новое значение.

Так, взяв за основу картину И. Репина «Иван Грозный убивает сына», пользователи создают мемы-коллажи. Подменяется фигура «сына», на

место которого ставится интернет-мем Ждун (рис. 1). Ядро — Иван Грозный — вырезается из картины и вставляется в другие: он «убивает» Статую Свободы, «Черный квадрат» К. Малевича, «Неизвестную» И. Крамского (рис. 1) и т. д. Существует и обратный вариант — на место Ивана Грозного ставится другой популярный мем, то есть одно ядро меняется на другое, а периферия поддерживает контекст (рис. 2).

Рис. 1. Иван Грозный убивает...

Рис. 2. Когда слишком сильно сделал кусь

Креолизованные интернет-мемы имеют сложную структуру. Во-первых, они состоят из элементов текста и изображения, каждый из которых может изменяться. Во-вторых, визуальная часть интернет-мема может состоять из элементов, изменяющихся по своим законам. Традиция изучения креолизованных текстов строится на описании структуры, а именно выделении знаковых элементов — текста и изображения, — расшифровке их значений по отдельности и анализе взаимодействия (Ворошилова 2007: 75). Значение вербального и невербального компонентов образуют, по словам Е. Анисимовой, не просто сумму семиотических знаков, а сложнопостроенный общий смысл. Отношения между компонентами могут строиться на основе взаимодополнения или взаимозависимости (Анисимова 2003: 12)¹. В первом случае оба элемента самостоятельны и могут быть поняты в отрыве друг от друга. Во втором случае изображение не может быть правильно декодировано без текстового комментария, и текстовый элемент становится доминирующим. Часто ядром является персонаж, который становится интернет-мемом, но бывает и так, что изображение становится вторичным, а ядром остается текст креолизованного мема. Например, нашумевший мем «Вы рыбов продаете? — Нет, просто показываю. — Красивое» (рис. 3) стал вирусен в 2021 году именно благодаря тексту, а само изображение бытовало в интернете с 2014 года и вирусным не стало. Ядро может быть подвержено мутации, однако сохраняет преемственность в важнейших элементах. Так, примером мутации ядра мема «про рыбов» будет: «Вы зарплатов выдаете? — Нет, просто показываем. — Жадное...»

Столкновение в одном меме двух и более ядер порождает ситуацию, которую можно считать аналогом лотмановского «текста в тексте» — построения, при котором разные части текста по-разному кодируются в соответствии с авторской идеей и восприятием реципиента (Лотман 2002: 72). Такое переключение с одной системы осознания текста на другую составляет основу генерирования смысла. Текст становится «условным», приобретает черты игрового, иронического, пародийного. Границы между элементами разных кодов проявляются наиболее выпукло. В зависимости от того, что убирается и вставляется, получаются различные виды мемов. Появление мема в новых контекстах генерирует новые смыслы в восприятии всего текста, а также подчеркивает его игровой, шуточный характер. Этот заложенный юмор становится основой привлекательности в первую очередь в интернет-пространстве.

¹ Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М.: Academia, 2003. — 128 с. — С. 12.

В креолизованном (изображение + текст) интернет-меме ядрами могут быть и визуальная, и текстовая часть, что усиливает юмористический эффект. Так, визуальный мем «Наташа, вставай», где ядром является изображение котов, принимает в себя более поздний текстовый мем про «рыбов» (рис. 4).

Рис. 3. Мем «Вы рыбов продаете?..»

Рис. 4. Креолизованный мем с двумя ядрами

Попытки выявить специфические структурные черты визуальных и креолизованных интернет-мемов для нужд исследователей предпринимает и современные иностранные коллеги, используя при этом достижения нейросетей. Например, для облегчения поиска новых мемов и отделения изображений-мемов от не-мемов К. Кутлис с командой создали самообучающуюся нейросеть, которая на основании анализа большого количества изображений из интернета определяет массив новых мемов. Исследователи утверждают, что обнаружение мемов — это визуальная задача, поскольку критическая информация о существующем тексте — это размер, цвет изображения, семейство и положение шрифтов, а не фактическое содержание (Koutlis et al. 2023). Другая группа исследователей разработала самообучающуюся нейросеть, которая позволяет проследивать путь всех итераций того или иного мема с поясняющими фоновыми контекстами. Ш. Шарма с коллегами поясняет: «Чтобы понять тонкое сообщение, передаваемое в меме, нужно понять фон, который облегчает его целостное усвоение, добыть контекст, который кратко объясняет предысторию мема», поэтому они разработали мультимодальную нейронную структуру, которая использует многоуровневый подход для фиксации кросс-модальных семантических зависимостей между мемом и контекстом» (Sharma et al. 2023). Данное исследование подчеркивает важность элементов периферии для прояснения смысла ядра мема.

Таким образом, структурный код мема строится на многообразии связей между «ядром» и «периферией». Эта знаковая система принципиально изменчива, отношения между «ядром» и «периферией» подвижны, сохраняется возможность включения в код элементов других кодов. В каждом новом меме происходит деконструкция знаковой системы и реконструкция новой — изымается или изменяется один элемент и на его место ставится другой. Отношения между главным объектом (смысловым ядром) и «фоном», а также между двумя и более ядрами, помещенными в один контекст, позволяют анализировать процесс наполнения мема смыслом.

Выводы

Анализ литературы позволяет выделить два основных подхода к пониманию «кода». На макроуровне культуры существует система социокультурных кодов, в чьи задачи входит структурировать и упорядочивать основные представления общества о себе и окружающем мире, и ассоциируется с системой символов, ценностей и установок.

В то же время каждый элемент культурного текста имеет свой внутренний структурный код, который определяется как порядок организации знаков в сообщении. Таким образом, каждый элемент культуры включает социокультурные коды, вписывающие его в общий контекст культуры, с одной стороны, и структурный код, определяющий своеобразие материального воплощения этого элемента. Такая двухуровневая модель может быть перенесена в том числе на интернет-мемы.

На макроуровне интернет-мемы являются символическими продуктами, носителями и трансляторами различных кодов. Мем кодирует часть реальности (эмоции, чувства, идеи, практики), то есть устанавливает соответствие между образом, текстом, аудио, видео и определенными социально-культурными смыслами. На микроуровне особенность внутреннего кодирования мема заключается в принципиальной изменчивости знаковой системы, подвижных отношениях между «ядром» и «периферией», а также возможностью включения в свой код элементов других кодов.

Создание нового интернет-мема предполагает изменение одних элементов (согласно свойству «изменчивости») и сохранение других элементов (согласно свойству «преемственности»). К сохраняемым элементам относится социокультурный код, кодирующий значение интернет-мема. Разработчики теории мемов часто продолжают биологические метафоры, выделяя в меме «ДНК» — «цифровой код, передающийся без изменений», который соответствует информационному содержанию мема. Социокультурный код в представленном понимании — это и есть выражение идеи мема, его сути, его «ядра». Именно этот социокультурный код кодирует идею, к которой идут отсылки в процессе изменения мема. Социокультурный код мема включает в себя несколько слоев, среди которых можно выделить собственные смыслы изображения, смыслы интерпретируемой ситуации, смыслы, показывающие угол зрения интерпретатора, скрытые идеологические послания и исторически сложившиеся коды восприятия группы. В целом социокультурный код мема обуславливает то свойство, которое называется «наследственностью» или преемственностью в меме. То, что воплощает в себе свойство изменчивости, становится в данном понимании «периферией». Это некий «адаптивный комплекс», позволяющий адаптировать смысловое ядро мема к описанию новой реальности. Это контекст, в котором ядро мема выступает текстом. Ядро наполняет периферию своим смыслом, а периферия позволяет использовать ядро в новых условиях. Порядок организации ядра и периферии в совокупности образует структурный код мема.

Создание нового мема, таким образом, предполагает изменение структурного кода с сохранением или частичной мутацией ядра и изменением периферии. При этом ядро сохраняет и транслирует социокультурный код. Анализ отношений между двумя и более ядрами открывает новые перспективы смыслового анализа интернет-мемов.

Источники

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М.: Academia, 2003. — 128 с.

Барт Р. S/Z. — М.: Ad Marginem, 1994. — 232 с.

Валгина Н. Теория текста. Текст и его восприятие. [Электронный ресурс]. — URL: <http://evartist.narod.ru/text14/04.htm> (дата обращения: 30.06.2023).

Ворошилова М. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. — 2007. — № 23. — С. 75–79.

Докинз Р. Эгоистичный ген. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. — 512 с.

Коротяев А. И., Бабичев С. А. Роль генетической и умственной систем информации в возникновении и развитии жизни на Земле. — Нальчик: Эльбрус, 2009. — 236 с.

Кутырева И. Коммуникативные практики в процессе социализации // Известия Саратовского ун-та. — 2012. — Т. 12, вып. 2. — С. 51–54. — (Серия: Философия. Психология. Педагогика).

Леви-Стросс К. Миф, ритуал и генетика // Природа. — 1978. — № 1. — С. 90–106.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. — СПб.: Академический проект, 2002. — 543 с.

Пашева А. Применение категории «Код» в лингвокультурологии // Известия Самарского научного центра РАН. — 2010. — Т. 12, № 3 (2). — С. 492–494.

Петров М. К. Язык, знак, культура. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 328 с.

Попов Е. Социокультурная ситуация в современном российском регионе и муниципальном образовании: социально-экономическая, национально-культурная, духовно-консолидирующая и этносоциальная специфика // Социодинамика. — 2013. — № 2. — С. 269–321. — DOI: 10.7256/2306-0158.2013.2.362.

Порозов Р. Ю. Визуальное как доминанта современной культуры // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2011. — Вып. 2, № 36. — С. 219–221.

Рябова М. Э. Мем-культура и ее воздействие на развитие современного общества // Вестник Московского гос. областного ун-та. — 2023. — № 1. — С. 123–132. — (Серия: Философские науки). — DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-123-132.

Рябухина В. В. Передача информации в культуре. Теория мемов. — СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2009. — 87 с.

Симбирцева Н. Визуальный текст как явление современной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 7 (33): В 2 ч. — Ч. I. — С. 183–185.

Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. — М.: URSS: ЛИБРИКОМ, 2009. — 256 с.

Черневич Е. В. Язык графического дизайна: материалы к методике художественного конструирования. — М.: ВНИИТЭ, 1975. — 437 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Symposium, 2004. — 544 с.

Godfrey-Smith P. Information in biology // The Cambridge companion to the philosophy of biology. [Электронный ресурс]. — URL: <https://petergodfreysmith.com/InfoBio-PGS-CUP07.pdf> (дата обращения: 30.06.2023).

Koutlis Ch., Schinas M., Papadopoulos S. MemeTector: enforcing deep focus for meme detection // International Journal of Multimedia Information Retrieval. — 2023. — Vol. 12. [Электронный ресурс]. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13735-023-00277-6> (дата обращения: 30.06.2023).

Searls D. B. The language of genes // Nature. — 2002. — Vol. 420. — P. 211–217.

Sharma Sh., Ramaneswaran S., Arora U., Akhtar Sh., Chakraborty T. MEMEX: Detecting Explanatory Evidence for Memes via Knowledge-Enriched Contextualization. [Электронный ресурс]. — URL: <https://arxiv.org/abs/2305.15913> (дата обращения: 30.06.2023).

References

Anisimova E. E. *Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)*: textbook: allowance for students of foreign lang. faculties. Moscow, Academia, 2003, 128 p. (In Russ.)

Barthes R. *S/Z*. Moscow, Ad Marginem, 1994, 232 p. (In Russ.)

Chernevich E. V. *The language of graphic design: materials for the method of artistic design*. Moscow, YNIITE, 1975, 437 p. (In Russ.)

Dawkins R. *Selfish gene*. Moscow, AST: CORPUS, 2013, 512 p. (In Russ.)

Eco U. *Missing structure. Introduction to semiology*. St. Petersburg, Symposium, 2004, 544 p. (In Russ.)

Godfrey-Smith P. Information in biology. *The Cambridge companion to the philosophy of biology*. [Electronic resource]. URL: <https://petergodfreysmith.com/InfoBio-PGS-CUP07.pdf>

Korotyayev A. I., Babichev S. A. *The role of genetic and mental information systems in the emergence and development of life on Earth*. Nalchik, Elbrus, 2009, 236 p. (In Russ.)

Koutlis Ch., Schinas M., Papadopoulos S. MemeTector: enforcing deep focus for meme detection. *International Journal of Multimedia Information Retrieval*, 2023, vol. 12. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13735-023-00277-6>

Kutyreva I. Communicative practices in the process of socialization. *Bulletin of the Saratov University*, 2012, vol. 12, no 2, pp. 51–54. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. (In Russ.)

Levi-Strauss K. Myth, ritual and genetics. *Nature*, 1978, no 1, pp. 90–106. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, Academic project, 2002, 543 p. (In Russ.)

Papsheva A. The use of the category code in linguoculturology. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2010, vol. 12, no 3 (2), pp. 492–494. (In Russ.)

Petrov M. K. *Language, sign, culture*. Moscow, Editorial URSS, 2004, 328 p. (In Russ.)

Popov E. Socio-cultural situation in the modern Russian region and municipality: socio-economic, national-cultural, spiritual-consolidating and ethno-social specificity. *Sociodynamics*, 2013, no 2, pp. 269–321. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.2.362. (In Russ.)

Porozov R. Yu. Visual as a dominant of modern culture. *Political Linguistics*, Yekaterinburg, 2011, iss. 2 (36), pp. 219–221. (In Russ.)

Ryabova M. Meme culture and its impact on the development of modern society. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2023, no 1, pp. 123–132. Series Philosophical Sciences. DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-123-132. (In Russ.)

Ryabukhina V. V. *Transfer of information in culture. The theory of memes*. St. Petersburg, Petersburg State University of Communications, 2009, 87 p. (In Russ.)

Saussure F. de. *Course of General Linguistics*. Moscow, URSS, LIBRIKOM, 2009, 256 p. (In Russ.)

Simbirtseva N. Visual text as a phenomenon of modern culture. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. Tambov, Gramota, 2013, no 7 (33): in 2 parts, part I, pp. 183–185. (In Russ.)

Searls D. B. The language of genes. *Nature*, 2002, vol. 420, pp. 211–217.

Sharma Sh., Ramaneswaran S., Arora U., Akhtar Sh., Chakraborty T. *MEMEX: Detecting Explanatory Evidence for Memes via Knowledge-Enriched Contextualization*. URL: <https://arxiv.org/abs/2305.15913>

Valgina N. *Text theory. Text and its perception*. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/04.htm>. (In Russ.)

Voroshilova M. Creolized text: aspects of the study. *Political linguistics*, 2007, no 23, pp. 75–79. (In Russ.)

Мизиряк Надежда Андреевна, кандидат социологических наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
nmiziryak@bk.ru

Miziryak, Nadezhda A., PhD in Sociology, assistant, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
nmiziryak@bk.ru

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-20.vs57-r231

EDN: BXOPGV

УДК 316:61

Ч. Э. СЫМОНОВИЧ

ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСТОРИКИ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ СВОЕЙ ОТРАСЛИ НА ЭТАПЕ 1960–1980-х ГОДОВ

Здравоохранение в СССР активно развивалось примерно с конца 1920-х годов и до начала 1970-х, когда, с одной стороны, сильно возросли требования, стандарты, потребности в «услугах» системы здравоохранения, а с другой — была допущена инерционная модель развития не интенсивного, как в развитых странах, а экстенсивного — наращивания чисто количественных показателей отрасли, с опасным ослаблением внимания к профилактическим задачам, диспансеризации, санпросвету и т. д. В статье описываются особенности организации здравоохранения в СССР в 1960–1980-х годах на основе статистических данных и специальной литературы 1957–2018 годов по истории медицины и организации здравоохранения.

Ключевые слова: советское здравоохранение в условиях «развитого» социализма, экстенсивное и интенсивное развитие здравоохранения, социология и история медицины.

CHESLAV E. SYMONOVICH

ORGANIZERS AND HISTORIANS OF SOVIET HEALTH CARE ON THE PROBLEMS OF THEIR FIELD IN 1960s–1980s

Health care in the USSR has been actively developing since about the end of the 1920s and until the beginning of the 1970s, when, on the one hand, the requirements, standards, and needs for the “services” of the health care system greatly increased, and, on the other hand, an inertial model of development was allowed not intensive, as in developed countries, but extensive — building up purely quantitative indicators of the industry, with a dangerous weakening of attention to preventive tasks,

medical examinations, health education, etc. The article describes the features of the organization of health care in the USSR in the 1960s–1980s. based on statistical data and special literature 1957–2018 on the history of medicine and health care organization.

Keywords: Soviet health care under the conditions of “developed” socialism, extensive and intensive development of healthcare, sociology and history of medicine.

Речь идет об историческом этапе, который примерно со второй половины 1960-х годов официально именовался развитым, или зрелым, социализмом. Рациональное зерно в этом определении было, ибо за три десятилетия создания перед Войной каркаса нового строя последний во многом стал системной реальностью, пусть и не такой, которая предполагалась в теории. Очевидны были достижения во всех основных сферах общества и государства, в том числе в области здравоохранения.

Обращение историка к проблемам этой сферы деятельности представляется своевременным. Во-первых, потому что здравоохранение — одна из главных сторон, одно из главных условий существования человека. Вторая объективно насущная причина — сохранение до сих пор в некотором отношении черт, проблем здравоохранения 1970–1980-х годов, когда выяснилась необходимость перевода его с экстенсивной многозатратной и малоэффективной модели на путь интенсификации, по следам развитых стран. В-третьих, надо признать, что персонажи и массы людей существуют на страницах нашей истории почти бесполо, безвозрастно и без характеристик их физического и психического состояния. Исключения составляют упоминания обо всем этом при освещении историками бед народных — эпидемий, больших войн, стихийных бедствий... Наконец, нельзя не сказать и о почти полном отсутствии упоминаний в вузовских учебниках истории о состоянии и итогах деятельности здравоохранения (Семенникова 2008: 740; Деревянко, Шабельникова 2006: 412; Мунчаев, Устинов 2006: 417; История России с древнейших... 2005: 582; История России XX — нач. XXI вв. 2006: 726)... В этих обстоятельствах явно не лишним видится составление исторического очерка этой сферы на основании имеющихся материалов.

Опубликованная здравоохранительная статистика, общего назначения и специальная, при всем обилии и многообразии не могла стать единственным источником материалов при составлении данного очерка. Ибо одни только числа, и даже включенные в Государственные ежегодные доклады, в такой сфере, как здоровье и его противоположность, не всегда достаточны даже медикам для формирования объективной картины — непрерывно изменяющейся характеристики физического

и психического состояния населения. Тем более что речь идет об огромной стране, расположенной в нескольких природно-климатических зонах, с весьма «неоднородным» населением, с большими различиями в его быте и сознании. Поэтому применительно к СССР, к России на первый план выходят труды специалистов в области организации и развития системы здравоохранения. Но не нам бы и не здесь рассматривать их высоконаучные труды. Мы используем здесь лишь несколько современных доступных для понимания научно-публицистических книг и учебников. Их авторы так или иначе исходили из гуманных принципов и отечественных традиций организации здравоохранения, сохранявших свое значение независимо от особенностей общественного строя. Это видно из руководящих формулировок даже первых послереволюционных лет.

Базовыми для советского здравоохранения принципами тут были с 1918 года сформулированные наркомом Н. А. Семашко: *государственный характер; профилактическое направление и его метод — диспансеризация; единство систем здравоохранения; бесплатность, общедоступность медицинской помощи; широкое участие трудящихся в охране здоровья народа* (см.: Лисицын 2008: 205).

...В начале изучаемого нами этапа в третьей Программе КПСС, принятой в 1961 году, задачи перед советским здравоохранением были сформулированы довольно кратко и четко: *дело первостепенной важности — укрепление здоровья советских людей, увеличение продолжительности их активной жизни. Партия ставит задачу добиться повсеместного и полного удовлетворения потребностей жителей города и села во всех видах высококвалифицированного медицинского обслуживания, кардинального повышения его качества. В этих целях намечается ввести систему всеобщей диспансеризации населения; осуществить дальнейшее развитие сети учреждений по охране здоровья матери и ребенка, поликлиник, больниц, санаториев и оснащение их современной медицинской аппаратурой и оборудованием; полное обеспечение лекарственными, лечебными и санитарно-гигиеническими средствами¹.*

В дальнейшем, в 1960–1970-е годы, особенно в ходе устранения последствий «субъективизма и волюнтаризма», в статьях и выступлениях руководителей Минздрава содержалось немало верных оценок успехов и трудностей в работе медиков. Б. В. Петровский говорил на

¹ Новая редакция программы КПСС. 1986 г. // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина. — URL: <http://музейреформ.рф/node/14030> (дата обращения: 04.03.2023).

сессии Верховного Совета СССР в 1968 году о недостатке финансирования, о трудностях обеспечения оборудованием для родовспоможения, кардиологии, стоматологии. Потребности тут за счет отечественного производства удовлетворялись на 40–50%. Требовалось переоснащение заводов Медпрома. В модернизации нуждались десятки тысяч медучреждений, восстановленных после Войны по «дешевым» проектам. Проблемными участками оставалась подготовка медперсонала, воспитание гигиенических навыков (Петровский 1995: 138–144). С учетом этих оценок ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли в июне 1968 года постановление о мерах по улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки, а Верховный Совет утвердил в следующем году Основы Законодательства СССР и Союзных республик о здравоохранении. В документах содержались задания по укреплению и расширению материально-технической базы отрасли, укрупнению ее звеньев, охране окружающей среды, подготовке кадров, созданию и объединению исследовательских учреждений, развитию на новом уровне скорой медицинской помощи, расширению сети аптек, санаторно-курортной отрасли... По некоторым из позиций, например об охране материнства и детства, в документах названы существенные суммы ассигнований. Однако в целом бюджетных средств не хватало. Намеченные и отчасти принятые меры не привели к существенному улучшению показателей состояния здоровья и продолжительности жизни населения. В 1977 году министр здравоохранения СССР вынужден был признать такие отрицательные явления, как рост сердечно-сосудистых заболеваний и смертности от них, и сказать о причинах, свойственных не только нашей стране, но и многим развитым странам. Это увеличение в составе населения людей пожилого и старческого возраста, ускорение жизненного темпа, возрастание нервно-психического напряжения, в том числе в трудовых процессах, уменьшение физической активности, изменение характера питания, распространение курения, злоупотребления алкоголем (60 лет Советского здравоохранения 1977: 23–27, 170).

Следует подчеркнуть, что данный перечень причин отрицательных явлений в физическом и психическом состоянии населения СССР, потом и РФ, с тех пор постоянно повторяется и в руководящих документах, и в справочниках (см., например, статью «Здравоохранение в СССР» в Популярной мед. энциклопедии 1991: 224), в научных трудах и в публицистике, ибо общество т. н. «разумных» людей, независимо от общественного устройства, вкусив толику благоденствия, упорно идет по жизнепрекратительному пути, как назвал бы это Н. С. Лесков (Н. С. Лесков «Воительница»).

В том году, когда Б. В. Петровский перечислял пагубные причины неблагополучия в сфере здоровья-нездоровья людей, Конституция СССР в ст. 42 провозглашала право граждан на охрану их здоровья. *Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями...; расширением их сети; развитием... техники безопасности и производственной санитарии; широкими профилактическими мероприятиями; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения...; развертыванием... исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долготелней активной жизни...*¹

Однако 1980-е годы не принесли заметного улучшения состояния здоровья и демографических показателей, за исключением года, последовавшего за мерами законодательной оголтелой борьбы с алкоголизацией масс. И все-таки до сих пор концептуальное значение сохраняют десятки тезисов времен перестройки. Тогда были даны задания по *увеличению ассигнований на укрепление материальной базы медицины и фармакологии, по разработке конкурентоспособных медицинских приборов и оборудования, по строительству домов престарелых и социальных домов, по оздоровлению среды обитания, по снижению заболеваемости трудоспособных на 15–20%, по повышению физической активности школьников, по расширению возможностей санаторно-курортного оздоровления трудящихся, по усилению охраны материнства и детства... Но, пожалуй, ключевым было задание переносить центр тяжести медобслуживания со стационаров на амбулаторно-поликлиническую сеть, всесторонне переоснастив ее и повысив стимулирование для ее работников. Медобслуживание в больницах предполагалось вести более интенсивно, насыщенно, добиваясь сокращения срока пребывания пациента и более заметного улучшения его состояния* (см.: Справочник партийного работника. 1987–1989). Намерения эти не могли тогда быть осуществлены. Но направления изменений были указаны в значительной мере правильные...

Цитированные выше директивы партии и государства, естественно, оказывали влияние на исследование и популяризацию положения в советской охране здоровья. Для 1980-х годов заметным явлением стал коллективный труд «Медицина и общество», в котором еще до перестроечных откровений авторы глубоко неформально анализировали

¹ Конституция РСФСР от 12.04.1978 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=196012643&page=1&tdk=0#10 (дата обращения: 04.03.2023).

совокупные затраты государства на здравоохранение (Щепин и др. 1983: 236). В книгах 1970–1980-х годов Ю. П. Лисицына достаточно подробно и взвешенно были очерчены главные достижения, а также проблемы и беды советского здравоохранения, проистекавшие не только из трудностей финансового и материального порядка, но также из бездумно небрежного отношения значительной части населения к своему здоровью (Лисицын 1986: 45–137).

Еще более реалистичными были очерки и учебники, изданные в 2000-е годы, то есть через 10–20 лет после распада СССР вместе с его системой охраны народного здоровья. Так, в 2002 году не только к специалистам, но и в массовые библиотеки пришла небольшая, но весьма богатая по фактическому материалу, многообразная по методике, по набору аспектов монография одного из ведущих специалистов Минздрава — Т. М. Максимовой. Главная ценность книги — последовательное выстраивание череды факторов, определяющих деятельность отрасли и ее результаты, начиная с демографических процессов и заканчивая «бытием и сознанием» медиков, их трудовым режимом, здоровьем, материальным состоянием их семей (Максимова 2002: 6, 12–13, 18, 131). Для нашего очерка полезны приведенные здесь исходные данные конца 1980-х годов.

Научное осмысление проблем советского наследия в области здравоохранения шло и в местных, областных и республиканских центрах. Положительно оценены коллегами публикации издательства «Феникс» в Ростове-на-Дону, в том числе по экономике здравоохранения. Общеизвестен вклад в разработку проблем организации здравоохранения, вносимый школой проф. В. А. Медика из Новгородского университета им. Ярослава Мудрого. Полезны ориентации авторов «Избранных лекций» на методические принципы ВОЗ в оценке показателей общественного здоровья. Например, учет качества питания детей или гигиенической грамотности населения... Еще одна важная черта работы великоновгородских коллег — конкретное описание потерь трудовой сферы из-за не только профессиональной, но и общей заболеваемости в регионе (Избранные лекции... 2000: 6, 12).

Более объемны, историчны по хронологическим рамкам, но однообразны тематически некоторые учебные пособия для вузов по дисциплине «Общественное здоровье и здравоохранение». Повторяемость методических подходов, количественных показателей отрасли и последовательности разделов очевидно объяснима требованиями государственной программы курса для студентов-медиков (Общественное здоровье и здравоохранение... 2009; Полунина 2010). Одной из положительных сторон этих учебников является внимание не только

к переживаемому моменту, но и к сравнениям ряда медицинских и демографических величин на протяжении всего XX века. Кроме того, в названной дисциплине привлекается внимание к особенностям работы медиков с разными социальными слоями населения.

Разнонаправленность изменений социального состава населения «после социализма», социально-культурных представлений, даже убеждений и правил, — все это способствовало выростанию из истории медицины и организации здравоохранения дисциплин более частных, специальных. Так, в рамках *социальной медицины* отдельно рассматривается заболеваемость по половозрастным группам. Не повторяя общих мест о массовых самоограничениях воспроизводства, свойственных большинству семей, подчеркивается объективная невозможность или опасность деторождения из-за высокой заболеваемости женскими болезнями. Приведены данные о том, что до ¼ девочек и школьниц-подростков нуждаются в консультациях и лечении у детского гинеколога... Еще труднее, видимо, проблема невнимания потенциальных родителей и их консультантов к повреждениям генетического фонда в современных «цивилизационных» условиях. Ими обусловлено не менее 7% нарушений развития детей (Назарова, Жилев 2010: 42, 57). Однако из всех возможных отвлечений от предмета «организация здравоохранения» и параллелей ему наибольшую практическую и теоретическую ценность может иметь, пожалуй, социология медицины, ибо субъективный фактор заботы о здоровье общества, при всей важности материальных факторов, — несомненно главный. И как показывают труды Т. М. Максимовой, повторяю, речь не только о работе с сознанием пациентов, но и об обеспеченности и сознательности врачей и среднего медперсонала. Последнему, заметим, уделено весьма большое внимание и в учебном процессе, и в изданиях последнего десятилетия, ибо роль среднего медперсонала повышается и будет расти в ближайшем будущем. Думается, только социология медицины может когда-либо вооружить авангард общества и власть знаниями о медико-санитарных настроениях людей, а главное — о действенных методах принуждения к здоровьесберегающему поведению... Я имею в виду прежде всего меры экономического воздействия... К сожалению, так прямо о возможностях и о главной миссии «новой» социологии медицины в литературе не говорят, ограничиваясь формулированием бесспорных проблем: отношения в системе «врач — пациент» и формирование идеологии самосохраняющего поведения (Лядова 2018: 318, 324).

Темы не новые, едва ли не вечные для части наиболее состоятельного социального слоя. В начале 1990-х годов соответствующие исследования

велись в ряде областных центров. Определенную роль в выявлении, оценке мнений людей тут играли сотрудники местных медицинских вузов (Сибири, Урала). В трудное переходное время мнения жителей о качестве медицинской помощи были весьма критичны (Гончарова, Артюхов 1991: 29; Смирнов, Трофимова 1991: 29). Но методика этих прикладных социальных исследований была столь проста, что к социологии их причислять не приходится.

Для историков, вероятно, особенно ценен историзм, свойственный начальным этапам работы социологов над избранными проблемами. Работа социолога с документами и литературой до пилотного проекта не всегда заметна. Но без нее не имела бы прочной основы гипотеза исследования. Постоянно и широко пользуясь результатами социологических исследований в работе над историей деревни 1960–1980-х годов, а в последние 20 лет — над историей поколения ровесников Войны, с благодарностью по отношению к коллегам предлагаю теперь их вниманию данный очерк истории медицины и организации здравоохранения в надежде, что он послужит в какой-то мере «подосновой» историко-социологических исследований, хотя бы ретроспективной... Особенно молодым, не заставшим воочию самые разные проявления положительного и негативного в жизни СССР, советских людей, в том числе «общавшихся» с нашей системой сбережения народного здоровья.

Оценки ее в былые годы встречались сверхположительные: *«Воздвигнуто несокрушимое здание цивилизованности нового типа и заложен фундамент здорового образа жизни... На него опирается политика здравоохранения...»* (Лисицын 1986: 4). Немалая часть публикаций 1970-х — середины 1980-х годов была выдержана в таком стиле — первые представительские разделы юбилейных изданий, статей в популярных справочниках (Большая медицинская... 1978. Т. 8: 357). Однако, следуя примеру руководящих критических оценок на Пленумах ЦК конца 1970-х годов, подражая статьям руководителей Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС (например: Щепин 1980: 3–9), справочная литература, освященная авторитетом редакторов — видных представителей АН и АМН СССР, ограниченно отразила негативные явления в медико-демографической сфере. Указывали на то, что успехи в продлении жизни больных-«сердечников» способствует НАКОПЛЕНИЮ в составе населения таких больных, полное излечение коих невозможно. Совершенствование диагностики увеличивает выявление и статистический учет таких заболеваний. Отмечалось более широкое распространение респираторных, желудочно-кишечных заболеваний, рост травматизма, несчастных случаев от «внешних» причин, в том

числе связанных с алкоголизацией... А в остальном энциклопедические статьи были выдержаны в позитивных тонах: рост обеспеченности больничной помощью за годы Советской власти в 9 раз, амбулаторно-поликлинической с 1940 года — в 4 раза, отдых и оздоровление трудящихся в 9 тыс. санаториев и домов отдыха на полтора миллиона мест, наличие 26 тыс. аптек и рост обеспеченности лекарствами по сравнению с 1913 годом в 50 раз (СССР. Энциклопедический... 1979: 271–272). Хорошо еще, что такого рода литература была не столь популярна... Ибо сравнения с 1913 и 1940 годами мало утешали людей, которым недоступна была по разным причинам высококвалифицированная медицинская помощь. Но эти цифры, столь же вероятно, завыраживали руководство страны, мешая принятию решений о коренной перестройке системы здравоохранения. Тем более что нужд, нехваток средств в сферах, казавшихся более важными, всегда было много...

Иногда профессионалов «заносило», и встречались фантастические утверждения — советская-де медицина имеет конечной целью *полную ликвидацию заболеваний в стране...* (Кузьмин 1978: 160). Так ведь и в книгах 2000-х годов встречались «преувеличения»: якобы с 1950-х годов высококвалифицированная медицинская помощь доступна каждому гражданину независимо от социального положения, места и времени обращения (Сорокина 2008: 520). (Возможно, автор имел в виду снятие или ослабление поражения в правах политических высланных, спецпоселенцев и т. д.)

Итак, в целом литературы научной и учебной о развитии и нынешнем этапе советской-российской системы здравоохранения достаточно. Научной — благодаря вниманию специалистов Минздрава и НИИ санитарии, гигиены и организации здравоохранения. Учебной — вследствие стремления столичных и провинциальных вузов обеспечить студентов собственными пособиями по истории медицины и сангигиены. Основной материал об изучении развития советского здравоохранения частично описан в историографической отраслевой литературе (Шлюбом и др. 2008: 9–32) и в уже названных выше работах историков и организаторов здравоохранения.

Последние нередко признавали несовершенство, неполноту статистического учета в медицине. Это относилось не к очевидным количественным показателям системы здравоохранения. Тут рост был постоянный. За 1970–1988 годы количество врачей на 10 тыс. человек населения (далее — т. ч. н.) увеличилось с 27 до 44, больничных коек — со 109 до 131 (СССР и зарубежные... 1990: 78, 82). В общем и целом была построена пирамида учреждений здравоохранения начиная

со здравпунктов и медсанчастей на производствах, с фельдшерско-акушерских пунктов в селениях, с поликлиник и до республиканских и союзных учебных и научно-исследовательских институтов, объединяемых или нет в специализированные центры... Приводились данные о небольших различиях в показателях здоровья и нездоровья социальных слоев населения СССР — в отличие от капиталистических стран. Слабым местом этих пассажей было умолчание или приглушение данных о существенных различиях в уровне и доступности медицинской помощи для жителей города и деревни, для людей, различавшихся не столько по душевым доходам, сколько по образованности, по общей культуре, сильно влиявшей на самосохранительное (и противоположное) поведение и его результаты — измеряемые показателями здоровья и определяющие моральную обстановку в коллективах, в семьях, передачу детям важнейших духовных ценностей и «ценностей». Одной из главных причин небрежного, небережного отношения части населения к своему здоровью была бесплатность лечения.

Достаточно прямо об этом стали говорить и писать по миновании советских времен. И, пожалуй, самым редким, но важным источником сведений о состоянии отрасли являются размышления и оценки самих врачей. Не включенные в рамки и подсчеты социологов, а развернутые в «инициативных» публикациях. Такова, в частности, достаточно резкая оценка профессором гастроэнтерологом В. А. Лисовским бесплатности лечения. Последняя-де *«породила односторонние требования: медицина для народа — значит для меня, с долженствованием выполнения всех „пожеланий“ пациентов и их близких... С другой стороны, бесплатность медицины влечет за собой равнодушие врача, халатность, торопливость, отчужденность от больного. Зарплата врача должна быть высокой. Это — забота государства»* (Лисовский 2000: 16–17).

Между тем, **как и в экономике**, в 1970-е годы эффективность расширения материальной и кадровой базы здравоохранения снижалась. А характеристики заболеваемости по т. н. «болезням цивилизации» росли. Полную картину восстановить удавалось с трудом, — отмечала Т. М. Максимова, — ибо, например, *ИБС (ишемическая болезнь сердца) фиксировалась в качестве причины смерти в середине 1980-х годов в 400 случаях, а заболеваемость — лишь в 180–250 случаях на 100 тыс. человек населения... По данным Ю. П. Лисицына об обращениях в медучреждения, заболеваемость сердечно-сосудистыми болезнями поднялась с 4–5% до 8–10%, и доля «сердечников» среди хронических больных в 1970-е годы составила 1/4* (Максимова 2002: 17–18; Лисицын 1986: 22).

Весьма вероятно, что многие организаторы медицины, гигиенисты и социологи, врачи в 1970-е — середине 1980-х годов видели причины неблагополучия в отрасли. Но во всеуслышание о них было заявлено лишь начиная с периода перестройки и позже, «благодаря» горькому опыту 1990-х годов. Последний советский министр здравоохранения Е. И. Чазов на 19-й партконференции говорил о том, что «мы гордились системой охраны здоровья, тем, что у нас больше всех врачей, больниц, но молчали, что по детской смертности — на 50-м месте в мире, что по средней продолжительности предстоящей жизни занимаем 32-е место...» (цит. по: Лисицын 2008: 214).

В специальной литературе с тех пор постоянно указывают на запоздание с поворотом от экстенсивного пути развития системы здравоохранения на интенсивный. Его-де надо было осуществлять с 1960-х годов и даже раньше, с 1950-х годов, закончив послевоенное восстановление. Относительно последней временной вехи для поворота сильно сомневаюсь. Не все последствия Войны были преодолены. Прежде всего в плане кадров.

Но действительно, в 1950-е годы достижений в здравоохранении было немало. Один за другим созывались съезды специалистов-медиков, учреждались медицинские общества, НИИ (вирусологии, экспериментальной патологии и терапии рака, полиомиелита, патологии кровообращения...). Сессия АМН подтвердила неотложность диспансеризации нескольких больших групп населения. С 1956 года открывались кардиоревматологические, а с 1973-го — кардиологические отделения в стационарах. Объединялись службы санитарного надзора и противоэпидемиологическая. Министр здравоохранения СССР М. Д. Ковригина признавала, что смертность в основном определяют не инфекционные, а сердечно-сосудистые заболевания ревматического характера и рак. В практику внедрялись новые приборы и методы обследования пациентов. Соответствующие задачи по выпуску аппаратов для сшивания сосудов, искусственного кровообращения, внутрисердечного зондирования и т. д. были включены в главный документ 6-й пятилетки — Директивы XX партсъезда (Организация здравоохранения... 1958. Т. 1: 162; Очерки истории... 1957: 312–314, 334–338; Богданов 1984: 13).

В 1960-е годы, как и в другие десятилетия советского периода, основные количественные показатели материальной и кадровой базы медицины увеличились в полтора-два раза. Для борьбы с распространением заболеваний органов кровообращения за десятилетие прибавилось около 100 учреждений кардиохирургии и за 1967–1970 годы было сделано 32 тыс. операций. Самостоятельным разделом становится

научная геронтология (Фролькис 1969: 3–5). Задача интенсификации здравоохранения стала еще более неотложной. И был положительный пример не только механического расширения, а и качественного совершенствования — кадровой базы. С 1969 года внедрялась трехступенчатая последовательность подготовки врачей-специалистов: общий 5-летний курс, годичная субординатура и годичная интернатура по специальности в крупной больнице под руководством зав. отделением. К другим попыткам частично реформировать достаточно инертную систему здравоохранения относят в литературе акцент, к сожалению — лишь недолгий, на развитие первичных звеньев системы — амбулаторно-поликлинических, создание диагностических центров при самых крупных новых больницах, основание научных центров по десятку основных разделов медицины.

Наибольшие трудности роста и развития пережило здравоохранение в 1970-е годы, особенно в конце десятилетия. Не только из-за отставания отрасли от требований момента, но и от социальных перекосов, диспропорций в демографических процессах и их отражения в социальном самочувствии. Т. М. Максимова указывает на то, что мировые тенденции низкой рождаемости и в отдельных случаях естественной убыли численности населения были ускорены в СССР социально-экономическими проблемами и проявились в ряде областей уже в 1970-е годы. В том числе высочайшая в мире смертность от травматизма, от болезней кровообращения (Максимова 2002: 8). Таково мнение исследователя системы в целом. Но организаторы кардиологии приводили в защиту свои доводы: к концу 1970-х годов кардиологические кабинеты были в каждой десятой поликлинике, в больницах в начале 1980-х годов действовало 600 кардиологических отделений на 51 тыс. коек. Соответствующая специализация продвигалась в скорой медицинской помощи и в санаторном деле (Богданов 1984: 16).

Как и в экономике 1970-х годов, в здравоохранении была попытка повысить самостоятельность органов управления и учреждений, распределять средства отрасли в расчете на душу населения региона, отойти от принципа полной бесплатности медицинского обслуживания... Но, видимо, коренная перестройка всех сторон системы здравоохранения, нацеленная на повышение ее эффективности, представлялась тогдашнему руководству несвоевременной. Потребовалось бы и значительное увеличение финансирования, и материальное его наполнение.

В современной литературе постоянно указывают на недостаточное (по меркам развитых стран) финансирование отрасли и обеспечивающих ее секторов экономики. Причины известны: непомерные задачи,

поставленные советским руководством перед хозяйственно-финансовой системой, долженствовавшей обеспечивать удовлетворение не только внутренних нужд, но и поддержку всевозможных союзников... Что касается самого тезиса, то здесь, наверно, как и в оборонной области, надо различать прямые вложения средств в медицину и в сферы деятельности, обеспечивающие ее продукцией, в том числе интеллектуальной. При первом подходе, опираясь на госстатистику, имеем, округляя, ряд чисел для СССР, Великобритании и США за 1980-е годы: соответственно 3,2, 5,7 и 9,7% от валового национального продукта (СССР и зарубежные... 1990: 52). Опубликованный в том же году международный справочник дает величину в 5% (Статистический ежегодник... 1990: 645). Несколько иные данные в учебнике 2009 года: по финансированию здравоохранения СССР был в 1970–1980-е годы в седьмом десятке стран мира с удельным весом таких расходов от 6,6% в 1960 году до 4,6% в 1985-м (Общественное здоровье... 2009: 34). Наиболее углубленный подход встречаем в доперестроечной книге руководителей головного НИИ по данному кругу вопросов. Прямые затраты для 1978 года оцениваются здесь в 18 млрд рублей, то есть 4,2% национального дохода, а полные, считая затраты на подготовку кадров, науку, на развитие медицинской промышленности, капитальное строительство, — 31 млрд рублей, то есть близко к 6,2% национального дохода (Щепин и др. 1983: 236). В принципе последний вариант видится более правильным, но сравнения с другими странами, приводимые в специальной литературе, тоже надо учитывать. Тема эта долго была неудобной для обсуждения. Только с 1970-х годов ученым разрешили прямо сказать: удлинение жизни больных-хроников отрицательно сказывается на экономике. Общество, в нарушение естественного отбора, заботится об инвалидах с рождения, которых трудно назвать людьми. Применение ряда лекарств, химиотерапия, некоторые прививки — это вмешательство в генетический фонд нации. Нам, гражданам, нашему государству не по средствам сложнейшие операции, спасающие индивидуальную жизнь. По данным за 1973 год, расходы общества на содержание больных болезнью Дауна равны расходам на борьбу с гриппом, на спасение десятков и сотен тысяч людей. Авторы, не решившись идти в выводах до конца, предлагали лишь совершенствовать методы медицинской помощи (Щепин и др. 1983: 281–282). Может быть, окажись они во главе не только отрасли, но и страны, их действия были бы более решительными. Впрочем, для наших целей достаточно ориентира: названные прямые затраты на здравоохранение в СССР были раза в полтора-два ниже развитых стран в 1970–1980-е годы.

Как это совместить с большим преимуществом СССР по формальным, внешним показателям системы? Оно ведь было. За 1970–1988 годы численность врачей на 10 т. ч. н. увеличилась с 27 до 44, в то время как в КНР — с 8,5 до 15, в США — с 20 до 27, в Германии — с 20 до 33. Численность среднего медперсонала увеличилась в СССР за 1975–1989 годы в расчете на 10 т. ч. н. с 98 до 118 человек, мощность амбулаторно-поликлинических учреждений за 1980-е годы — с 4,3 млн посещений в смену до 5,4 млн. Количество людей, прошедших профилактические осмотры, выросло за 1975–1989 годы с 107 до 122 млн, то есть превышало 90% от численности лиц, подлежащих осмотрам. Число больничных коек за 1970–1988 годы в расчете на 10 т. ч. н. увеличилось в СССР со 109 до 131, в КНР — с 13 до 23, а в США и Великобритании сократилось примерно в 1,3–1,5 раза (соответственно, с 76 до 51 и с 96 до 72) (СССР и зарубежные... 1990: 78, 82–83; Социальное развитие СССР 1991: 285).

Учитывая результаты развития систем здравоохранения в названных странах Запада, уместно предположить, что, уступая советской системе в количестве, объеме, в форме системы, они превосходили ее в содержании — по удельному весу врачей-специалистов, по насыщенности более современным оборудованием, активности процедур, по удельному весу специализированных коек. В СССР эти показатели были невысоки. Так, из примерно 1,3 млн врачей было в 1989 году невропатологов 33 тыс., невропатологических коек — лишь 5,5 из 133 в расчете на 10 т. ч. н. (Социальное развитие СССР 1991: 276, 284).

Задумываясь о том, какие факторы, объективные или субъективные, играли главную роль в отставании советской системы здравоохранения от развитых стран, трудно ответить на этот вопрос однозначно. Фактор возрастного состава населения становился все более важным по мере старения населения. Но старело население и развитых стран. Данные о заболеваемости там и здесь в тенденции совпадали — в СССР и в США в изучаемый период злокачественные опухоли выявлялись у мужчин 60–69 лет в 20 раз чаще, чем у 30–39-летних, у женщин — в 8–9 раз чаще. Тогда же было установлено, что смертность от сердечно-сосудистых заболеваний поражает людей начиная с 20-летнего возраста, в 35 лет наблюдается первый ее подъем, затем — рост в полтора раза каждые 5 лет. В 1990-е годы роль возрастного фактора на постсоветском пространстве не стала меньше. Напротив, ибо к соматическим недугам для лиц среднего и старшего возраста добавились тяжелейшие переживания по поводу обстановки в странах СНГ, крушения жизненных карьер, невыплата зарплат и т. д. Тогда в РФ, по данным об обращаемости за медицинской помощью, в среднем

на человека 40–49 лет приходилось 1,3–1,6 заболеваний, на следующую возрастную когорту — 1,7–2 заболевания, и на людей старше 60 лет — по 2,2–2,8 недугов (Лисицын 1986: 23; Максимова 2002: 34).

Возможно, при слишком гуманной советской системе соцстраха, обеспечивающей щедрую оплату больничных листов начиная с минимального трудового стажа, часть работников не была заинтересована в скорейшем врачебном заключении о трудоспособности и выходе на работу. В 1989 году ежедневно не работало, пребывая на больничном, 4 млн человек, в том числе 0,8 млн — по уходу за больными членами семьи. Количество и распределение дней пребывания на больничном трудоспособных по группам заболеваний было в 1980-е годы в среднем следующим: на одного работника за год приходилось 11,4 дня; из них по болезни — 9,2 дня; в том числе по гриппу — около 3-х дней, по травмам — 1,1 дня, по болезням системы кровообращения и костно-мышечным — меньше, чем по одному дню, по желудочно-кишечным — полдня; по осложнениям беременности и послеродовым — треть дня; по уходу за больными — 2 дня (Социальное развитие... 1991: 285).

В основном речь шла об уходе за заболевшими детьми. Их заболеваемость имела существенные особенности. По сравнению со взрослыми в конце 1980-х годов обращаемость по поводу заболеваний детей была выше: по инфекционным и паразитарным болезням — в 4–5 раз, по болезням органов дыхания — в 6 раз. Меньше, чем у взрослых, в 2–3 раза наблюдалась детская патология органов пищеварения, в 7–10 раз меньше — болезни костно-мышечной системы.

Следует подчеркнуть, что данные о фактической заболеваемости, выявленные в ходе осмотров, были в несколько раз выше количества обращаемости граждан за медпомощью: по гипертонии — в 2 раза, по ИБС — в 3 раза, по цереброваскулярным болезням — в 2,5 раза, по сахарному диабету — в 4 раза, по катаракте — в 6,5 раз (Максимова 2002: 32, 38).

Как и в 1970-е годы, продолжала расти первично установленная заболеваемость злокачественными новообразованиями, примерно на 600 тыс. в год, и численность больных на учете в лечебно-профилактических учреждениях — с 2,2 млн человек до 2,8 млн. Тогда же, за последнее советское десятилетие, количество больных алкоголизмом и алкогольным психозом на учете увеличилось с 3,3 до 4,3 млн человек, то есть до полутора процентов населения (Социальное развитие... 1991: 293).

Результатами деятельности медиков были разные степени исцеления, но и такие, в частности, которые влекли за собой неполное восстановление дееспособности — физической и иной. За 1970–1980-е годы

численность трудящихся, впервые признанных инвалидами, превышала ежегодно полмиллиона, или примерно по 50 человек на 10 тыс. работающих. В 1989 году впервые были признаны инвалидами в связи с болезнями системы кровообращения 164 тыс. человек, из-за злокачественных новообразований — 115 тыс., вследствие травм — 72 тыс., и по болезням нервной системы и органов чувств — 37 тыс. Не все инвалиды имели родственников и близких, которые могли ухаживать за ними, помогать в быту. Система социальной помощи на дому только создавалась. Число домов-интернатов в 1975 году составляло около полутора тысяч, в том числе для взрослых — около 1,2 тыс. Всего мест было во взрослых учреждениях от 338 до 408 тыс., в детских — от 55 до 64 тыс. (Социальное развитие СССР 1991: 289, 301).

Таким образом, к началу перестройки не только экономика была «в предкризисном состоянии». Просматривая сегодня публикации о состоянии отрасли на рубеже 1980-х / 1990-х годов (Сягаев 1988: 6–9; Щепин, Преображенская 1991: 3–4; Комаров 1991: 3–5), больше всего огорчает очевидное противоречие между верными диагнозами, которые были поставлены системе здравоохранения, и полной невозможностью исправить, улучшить ее, прежде всего из-за перелома, на котором оказалось общество, государство. В центре внимания всех была политика...

Детально, квалифицированно разработанная в 1988 году программа «Основные направления развития охраны здоровья населения... в 12-й пятилетке и на период до 2000 г.» («Основные направления...» 1988, № 3: 4–6) фактически не осталась лишь памятником истории отрасли. За десятилетия, прошедшие с тех пор, постепенно положение в данной сфере улучшается благодаря приоритетному решению государством социальных проблем, особенно касающихся менее защищенных слоев населения.

Одним из исходов заболеваемости была и остается, естественно, смертность.

В 1970-е годы не снижалась детская смертность. Смертность взрослых в 1980-е годы была в СССР примерно на одном уровне по наиболее опасным болезням. В расчете на 100 т. ч. н. умирало за год трудоспособных около 520 человек. В том числе от несчастных случаев и от болезней кровообращения — по 155, от рака — 110... В целом по всему населению числа несколько выше. За 1970–1988 годы смертность на 100 т. ч. н. от болезней системы кровообращения поднялась в СССР с 570 до 692 человек (в США — уменьшилась на 1/5, с 502 до 409 человек), от новообразований в СССР — 166–167 человек

(в США — увеличение на треть, со 158 до 193). Ближе к нашим были показатели ФРГ по болезням кровообращения, а по смертности от рака здесь числа были выше раза в полтора. Все это было опубликовано в условиях расцвета гласности в перестройку. В последующие десятилетия статистика такого рода публикуется не только в статистических сборниках, но и в «регистрах». Таковой «раковый регистр» в Ленинграде свидетельствует, что за 1980-е годы летальность выросла у мужчин с 5 тыс. человек в год до 6,4 тыс., у женщин — с 6,2 тыс. человек до 6,9 тыс. ... Общий масштаб потерь виден из абсолютных чисел. За весь 1989 год в СССР умерло около 2,9 млн человек, среди них от болезней кровообращения — почти 1,6 млн (в том числе от цереброваскулярных — больше полумиллиона), от рака — близко к полумиллиону, от болезней органов дыхания — около 200 тыс., от «внешних» причин — несчастных случаев и других губительных воздействий — несколько больше 300 тыс. ... (см.: Баранов, Альбицкий 2007: 80–81; СССР и зарубежные страны... 1990: 86; Социальное развитие СССР. 1991: 297; Популярный раковый регистр 2013: 211; Демографический ежегодник... 1990: 443–444).

Все эти числа могли бы быть меньше, если бы не небрежное отношение людей к своему здоровью. Социолог медицины прав: бесплатность медицины укрепляла представление людей о том, что забота о здоровье — дело медиков, всей системы здравоохранения. Действовал и материальный стимул не беречься: в конце 1980-х 70% опрошенных предпочли бы вредную, но выше оплачиваемую работу, «горячий» стаж. Таковы довольно распространенные взгляды, выявленные социологом (Журавлева 2006: 11).

Но люди разные, с разным отношением к болезни, инвалидности, к медицине, к врачам... Психолог различает взгляды на недуги и смерть от болезней: верующих и неверующих, мистиков и реалистов, знающих о дурной наследственности в роду и не желающих знать, воспринимающих болезнь то покорно, то с обидой, то как случайность. Истерика и ненависть к болезни и всему свету, ко всей судьбе — плохие спутники, они только сдвигают сознание... Минимум медицинских знаний полезен бы со школьной скамьи. Нужен здравый, реалистичный, энергичный и законодательно оформленный подход. Только он обеспечивает отсутствие социальной и личностной дезадаптации, сохранение посылно возможное социальных функций (Менделевич 2018: 242–245).

И поскольку лишь 10–15 (8–12?)% здоровья зависят от медицины, главное внимание, организаторские и материальные ресурсы общество должно уделять не лечению тех, кто бессознательно, а тем более сознательно, в расчете на гуманность государства и благотворителей вредит

своему здоровью, но воспитанию, формированию так называемого ЗОЖ, расширению социальной базы здравоохранения с привлечением общественности и спонсоров (см.: Стародубов, Гончаренко 1999: 41), заинтересованных в здоровых согражданах, а не десятках миллионов больных и инвалидов. И, повторяем, — по опыту развитых стран, нужна интенсификация отрасли, повышение ее обеспечения и результатов.

Источники

Баранов А. А., Альбицкий В. Ю. Смертность детского населения России. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Литтерра, 2007. — 328 с.

Богданов Н. Н. Достижения советской кардиологии. — М.: Медицина, 1984. — 80 с.

Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б. В. Петровский. — 3-е изд.: В 30 т. — Т. 8. — М., 1978. — 528 с.

Гончарова Г. Н., Артюхов И. П. Совершенствование управления медицинской помощью на основе социологического исследования // Здравоохранение Российской Федерации. — 1991. — № 7. — С. 29–30.

Демографический ежегодник СССР. 1990. — М.: Финансы и статистика, 1990. — 639 с.

Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. История России: учеб. пособ. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби; Проспект, 2006. — 560 с.

Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. — М.: Наука, 2006. — 238 с.

Здравоохранение в СССР // Популярная медицинская энциклопедия / Гл. ред. В. И. Покровский. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Советская энциклопедия, 1991. — 687 с.

Избранные лекции по актуальным проблемам социальной медицины, экономики и организации здравоохранения / Под ред. проф. В. А. Медика. — В. Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2000. — 264 с.

История России XX — начала XXI века / Под ред. Л. В. Милова. — М.: Эксмо, 2006. — 960 с.

История России с древнейших времен до начала XXI в. / М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов и др.: учеб. пособ. — 6-е изд., пересмотр. — М.: Дрофа, 2005. — 656 с.

Комаров Ю. М. К вопросу о стратегии и тактике развития здравоохранения в России // Здравоохранение Российской Федерации. — 1991. — № 9. — С. 3–4.

Кузьмин М. К. История медицины. — М.: Медицина, 1978. — 200 с.

Лисицын Ю. П. Слово о здоровье. — М.: Советская Россия, 1986. — 192 с.

Лисицын Ю. П. История медицины: учеб. для студентов мед. вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. — 393 с.

Лисовский В. А. Размышления клинициста. — СПб.: СПбГАФК им. П. Ф. Лесгафта, 2000. — 219 с.

Лядова А. В. Социология и медицина: грани взаимодействия в XXI в., в поисках новой парадигмы // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / Под ред. Н. Г. Осиповой. — М.: Канон, РООИ «Реабилитация», 2018. — 400 с.

Максимова Т. М. Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 192 с.

Менделевич В. Д. Медицинская психология: учеб. — Ростов н/Д.: Феникс, 2018. — С. 242–245.

Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России: учеб. для вузов. — 4-е изд. — М.: Норма, 2006. — 592 с.

Назарова Е. Н., Жиллов Ю. Д. Основы социальной медицины: учеб. пособ. — 2-е изд. — М.: Изд. центр «Академия», 2010. — 368 с.

Общественное здоровье и здравоохранение: учеб. / Под ред. В. А. Миняева и Н. Я. Вишнякова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Мед-пресс-информ, 2009. — 656 с.

Организация здравоохранения в СССР: пособ. для врачей: В 2 т. / Под ред. проф. Н. А. Виноградова. — М.: Медгиз, 1958. — Т. 1. — М., 1958. — 519 с.

Основные направления развития охраны здоровья населения и перестройки здравоохранения СССР в 12-й пятилетке и на период до 2000 г. // Советское здравоохранение. — 1988. — № 3. — С. 3–26.

Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.) / Е. Д. Ашурков, М. И. Барсуков, Н. Н. Морозов и др.; под ред. проф. М. И. Барсукова. — М.: Медгиз, 1957. — 394 с.

Петровский Б. В. Человек. Медицина. Жизнь / Отв. ред. проф. И. В. Богорад. — М.: Наука, 1995. — 384 с.

Полунина Н. В. Общественное здоровье и здравоохранение: учеб. — М.: Медицинское информационное агентство, 2010. — 544 с.

Популярный раковый регистр. — Т. 18 / Под ред. В. М. Калабуги, А. М. Беляева. — СПб.: ИПК «КОСТА», 2013. — 368 с.

Семенникова Л. И. Отечественная история: учеб. для студентов вузов. — 9-е изд. — М.: КДУ, 2008. — 782 с.

Смирнов С. С., Трофимова О. В. Удовлетворенность населения амбулаторно-поликлинической помощью // Здравоохранение Российской Федерации. — 1991. — № 6. — С. 89–90.

Сорокина Т. С. История медицины: учеб. для вузов. — 8-е изд., стереотип. — М.: Изд. центр «Академия». 2008. — 560 с.

Социальное развитие СССР. 1989: стат. сб. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 416 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 27–30. — М.: Политиздат, 1987–1989. — 688 с.

Стародубов В. И., Гончаренко В. Л. Концептуальные вопросы развития здравоохранения и фармацевтического сектора РФ / Под ред. Ю. Л. Шевченко. — СПб.: ГМУ, 1999. — 160 с.

Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. 1990. — М.: Финансы и статистика, 1990. — 664 с.

СССР и зарубежные страны. 1988: стат. сб. — М.: Финансы и статистика, 1990. — 318 с.

СССР. Энциклопедический справочник / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1979. — 576 с.

60 лет Советского здравоохранения. — М.: Медицина, 1977. — 416 с.

Шлюбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины: сборник / Отв. ред. И. Сироткина; пер. с нем. и англ. — СПб.: ЕУ в СПб; Алетейя, 2008. — 298 с.

Щепин О. П., Царегородцев Г. И., Ерохин В. Г. Медицина и общество. — М.: Медицина, 1983. — 392 с.

Щепин О. П., Преображенская В. С. Новый хозяйственный механизм в здравоохранении: состояние и перспективы // Здравоохранение Российской Федерации. — 1991. — № 6. — С. 3–5.

Щепин О. П. Пути совершенствования народного здравоохранения // Советское здравоохранение. — 1980. — № 1. — С. 3.

Фролькис В. В. Природа старения. — М.: Наука, 1969. — 184 с.

References

Baranov A. A., Albitskij V. Yu. *Smertnost detskogo naseleniya Rossii* [Mortality of the child population of Russia]. Moscow, Litterra, 2007, 328 p. (In Russ.)

Bogdanov N. N. *Dostizheniya sovetskoj kardiologii* [Achievements of Soviet cardiology]. Moscow, Meditsina, 1984, 80 p. (In Russ.)

Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya [Big medical encyclopedia]. Ed. B. V. Petrovskij, vol. 8. Moscow, 1978, 528 p. (In Russ.)

Goncharova G. N., Artyukhov I. P. Improving the management of medical care on the basis of sociological research. *Zdravookhranenie Rossijskoj Federatsii*, 1991, no 7, pp. 29–30. (In Russ.)

Demograficheskij ezhegodnik SSSR. 1990 [Demographic Yearbook of the USSR. 1990]. Moscow, Finansy i statistika, 1990, 639 p. (In Russ.)

Derevyanko A. P., Shabelnikova N. A. *Istoriya Rossii* [Russian history]. Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2006, 560 p. (In Russ.)

Zhuravlyova I. V. *Otnoshenie k zdorovyu individa i obshchestva* [Attitude to the health of the individual and society]. Moscow, Nauka, 2006, 238 p. (In Russ.)

Zdravookhranenie v SSSR [Health care in the USSR]. *Populyarnaya meditsinskaya entsiklopediya* [Popular medical encyclopedia]. Ed. V. I. Pokrovskij. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1991, 687 p. (In Russ.)

Izbrannye leksii po aktualnym problemam sotsialnoj meditsiny, ekonomiki i organizatsii zdavookhraneniya [Selected lectures on topical issues of social medicine, economics and healthcare organization]. Ed. prof. V. A. Medik. V. Novgorod, Novgorodskij gos. universitet im. Yaroslava Mudrogo, 2000, 264 p. (In Russ.)

Istoriya Rossii XX — nachala XXI veka [History of Russia in the 20th — early 21st centuries]. Ed. L. V. Milov. Moscow, Eksmo, 2006, 960 p. (In Russ.)

Istoriya Rossii s drevnejshikh vremyon do nachala XXI v. [History of Russia from ancient times to the beginning of the XXI century], Gorinov M. M., Gorskij A. A., Danilov A. A. et al. Moscow, Drofa, 2005, 656 p. (In Russ.)

Komarov Yu. M. On the issue of the strategy and tactics of healthcare development in Russia. *Zdravookhranenie Rossijskoj Federatsii*, 1991, no 9, pp. 3–4. (In Russ.)

Kuzmin M. K. *Istoriya meditsiny* [History of medicine]. Moscow, Meditsina, 1978, 200 p. (In Russ.)

Lisitsyn Yu. P. *Slovo o zdorovie* [A word about health]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1986, 192 p. (In Russ.)

Lisitsyn Yu. P. *Istoriya meditsiny* [History of medicine]. Moscow, GEOTAR-Media, 2008, 393 p. (In Russ.)

Lisovskij V. A. *Razmyshleniya klinitsista* [Clinician's thoughts]. St Petersburg, SPBGAFK im. P. F. Lesgafta, 2000, 219 p. (In Russ.)

Lyadova A. V. Sotsiologiya i meditsina: grani vzaimodejstviya v XXI v., v poiskakh novoj paradigmy [Sociology and Medicine: Facets of Interaction in the 21st Century, in Search of a New Paradigm]. *Sovremennaya sotsiologiya: klyuchevye napravleniya*. Ed. N. G. Osipova. Moscow, Kanon, ROOI "Reabilitatsiya", 2018, 400 p. (In Russ.)

Maksimova T. M. *Sovremennoe sostoyanie, tendentsii i perspektivnye otsenki zdorovya naseleniya* [Current state, trends and prospective assessments of public health]. Moscow, PER SE, 2002, 192 p. (In Russ.)

Mendelevich V. D. *Meditsinskaya psikhologiya* [Medical psychology]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2018, 460 p. (In Russ.)

Munchaev Sh. M., Ustinov V. M. *Istoriya Rossii* [Russian history]. Moscow, Norma, 2006, 592 p. (In Russ.)

Nazarova E. N., Zhilov Yu. D. *Osnovy sotsialnoj meditsiny* [Fundamentals of social medicine]. Moscow, Izd. tsentr "Akademiya", 2010, 368 p. (In Russ.)

Obshchestvennoe zdorovie i zdravookhranenie [Public health and healthcare]. Ed. V. A. Minyaev, N. Ya. Vishnyakov. Moscow, Med-press-inform, 2009, 656 p. (In Russ.)

Organizatsiya zdravookhraneniya v SSSR: Posobie dlya vrachej [Organization of health care in the USSR: A manual for doctors]. Ed. prof. N. A. Vinogradov, vol. 1. Moscow, Medgiz, 1958, 519 p. (In Russ.)

The main directions of development of public health protection and restructuring of health care in the USSR in the 12th five-year plan and for the period up to 2000. *Sovetskoe zdravookhranenie*, 1988, no 3, pp. 3–26. (In Russ.)

Ocherki istorii zdravookhraneniya SSSR (1917–1956 gg.) [Essays on the history of healthcare in the USSR (1917–1956)]. E. D. Ashurkov, M. I. Barsukov, N. N. Morozov et al.; ed. prof. M. I. Barsukov. Moscow, Medgiz, 1957, 394 p. (In Russ.)

Petrovskij B. V. *Chelovek. Meditsina. Zhizn* [Human. Medicine. Life]. Ed. prof. I. V. Bogorad. Moscow, Nauka, 1995, 384 p. (In Russ.)

Polunina N. V. *Obshchestvennoe zdorovie i zdravookhranenie* [Public health and healthcare]. Moscow, Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2010, 544 p. (In Russ.)

Populyarnyj rakovyy registr [Popular cancer registry], vol. 18. Ed. V. M. Kalabugi, A. M. Belyaev. St Petersburg, IPK "KOSTA", 2013, 368 p. (In Russ.)

Semennikova L. I. *Otechestvennaya istoriya* [National history]. Moscow, KDU, 2008, 782 p. (In Russ.)

Smirnov S. S., Trofimova O. V. Satisfaction of the population with outpatient care. *Zdravookhranenie Rossijskoj Federatsii*, 1991, no 6, pp. 89–90. (In Russ.)

Sorokina T. S. *Istoriya meditsiny* [History of medicine]. Moscow, Izd. tsentr "Akademiya", 2008, 560 p. (In Russ.)

Sotsialnoe razvitie SSSR. 1989 [Stat. sb.] [Social development of the USSR. 1989]. Moscow, Finansy i statistika, 1991, 416 p. (In Russ.)

Spravochnik partijnogo rabotnika [Handbook of a party worker], iss. 27–30. Moscow, Politizdat, 1987–1989, 688 p. (In Russ.)

Starodubov V. I., Goncharenko V. L. *Kontseptualnye voprosy razvitiya zdravookhraneniya i farmatsevticheskogo sektora RF* [Conceptual issues of development of healthcare and the pharmaceutical sector of the Russian Federation]. Ed. Yu. L. Shevchenko. St Petersburg, GMU, 1999, 160 p. (In Russ.)

Statisticheskij ezhegodnik stran — chlenov SEV. 1990 [Statistical Yearbook of the CMEA member countries. 1990]. Moscow, Finansy i statistika, 1990, 664 p. (In Russ.)

SSSR i zarubezhnye strany. 1988 [Stat. sb.] [USSR and foreign countries]. Moscow, Finansy i statistika, 1990, 318 p. (In Russ.)

SSSR. Entsiklopedicheskij spravochnik [The USSR. Encyclopedic reference book]. Ed. A. M. Prokhorov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1979, 576 p. (In Russ.)

60 let Sovetskogo zdravookhraneniya [60 years of Soviet healthcare]. Moscow, Meditsina, 1977, 416 p. (In Russ.)

Shlyubom Yu., Khagner M., Sirotkina I. *Istoriya meditsiny: aktualnye tendentsii i perspektivy* [History of medicine: current trends and prospects]. *Bolezn i zdorove: novye podkhody k istorii meditsiny*. Ed. I. Sirotkina. St Petersburg, EU v SPb, Aleteiya, 2008, 298 p. (In Russ.)

Shchepin O. P., Tsaregorodtsev G. I., Erokhin V. G. *Meditsina i obshchestvo* [Medicine and society]. Moscow, Meditsina, 1983, 392 p. (In Russ.)

Shchepin O. P., Preobrazhenskaya V. S. *Noviy khozyaistvennij mekhanizm v zdravookhraneni: sostoianie i perspektivy* [New economic mechanism in health care: status and prospects]. *Zdravookhranenie Rossijskoj Federatsii*, 1991, no 6, p. 3. (In Russ.)

Shchepin O. P. *Puti sovershenstvovaniya narodnogo zdravookhraneniya* [Ways to improve public health]. *Sovetskoe zdravookhranenie*, 1980, no 1, pp. 3–5. (In Russ.)

Frolkis V. V. *Priroda stareniya* [The nature of aging]. Moscow, Nauka, 1969, 184 p. (In Russ.)

Симонович Чеслав Эрастович, кандидат исторических наук, Союз ученых Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия.
cheslavs@yandex.ru

Symonovich, Cheslav E., PhD, Union of scientists, St. Petersburg, Russia.
cheslavs@yandex.ru

DOI: 10.25990/socinstras.pss-20.t6vc-8d17
EDN: WGFYFC
УДК 316.1

Н. В. Колесник

КАКОВЫ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ (НЕ)НОВЫХ ВЫЗОВОВ?

Представлен обзор Всероссийского научного семинара «(Не)новые вызовы и возможности социологии», проведенного 24–25 апреля 2023 года в СИ РАН — филиале ФНИСЦ РАН по инициативе редакции научного журнала «Петербургская социология сегодня». В рамках семинара работало девять секций, на площадках которых были представлены научные доклады ученых из Санкт-Петербурга, Москвы, Самары, Ростова-на-Дону, Волгограда, Пекина. В ходе работы семинара удалось обсудить проблемы ускорения социальной динамики, значимости и возможностей социологии в изучении трансформации общества, а также каналы распространения социологического знания в фокусе исследований горожан и городских сообществ, семьи и брака, занятости и рынка труда, социальных неравенств в здоровье и старении, самоорганизации и коллективного действия в условиях (не)новых вызовов.

Ключевые слова: семинар, научный доклад, социология, журнал «Петербургская социология сегодня».

NATALYA V. KOLESNIK

WHAT ARE THE POSSIBILITIES OF SOCIOLOGY IN THE FACE OF (NOT)NEW CHALLENGES?

The paper presents an overview of the Russian scientific seminar “(Not)new challenges and opportunities of sociology”, which took place on April 24–25 of 2023 year at the SI RAS branch of the FNISC RAS on the initiative of the editorial board of the scientific journal “Petersburg Sociology Today”. Nine sections worked within the framework of the seminar, at the sites of which scientific reports of scientists from St. Petersburg and Moscow, Samara and Rostov-on-Don, Pyongyang and Volgograd were presented. During the seminar it was possible to discuss the problems of accelerating social dynamics, the importance and possibilities of

sociology for society, as well as channels for the dissemination of sociological knowledge in the focus of research on citizens and urban communities, family and marriage, employment and labor market, social inequalities in health and aging, self-organization and collective action in the face of (not)new challenges.

Keywords: seminar, scientific report, sociology, journal “Petersburg Sociology today”.

24–25 апреля 2023 года в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН состоялся Всероссийский научный семинар «(Не)новые вызовы и возможности социологии». Проведение семинара было инициировано редакцией академического журнала «Петербургская социология сегодня» (главный редактор И. И. Елисеева), который издается в Санкт-Петербурге с 2009 года¹. В ходе работы семинара удалось обсудить проблемы ускорения социальной динамики, значимости и возможностей социологии в изучении трансформации общества, а также каналы распространения социологического знания в фокусе исследований горожан и городских сообществ, семьи и брака, занятости и рынка труда, социальных неравенств в здоровье и старении, самоорганизации и коллективного действия в условиях (не)новых вызовов. Открывая семинар, председатель программного комитета член-корр. РАН И. И. Елисеева (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) подчеркнула, что в современных условиях обращение к проблеме теоретических и эмпирических возможностей социологии крайне актуально.

В первый день работы семинара были организованы заседания девяти секций, на которых представили доклады научные сотрудники, работники НКО, преподаватели и молодые ученые из организаций РАН и российских вузов: ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, СПбГЭУ, СПбГУ, Академии наук Китайской Народной Республики (Центр исследования модернизации), РГГУ, Южного научного центра РАН и др. В рамках работы первой секции, которая была посвящена социально-экологическим вызовам в России (модератор О. Д. Цепилова, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), выступили как ученые, так и экологи-практики. В ходе развернувшейся дискуссии были обсуждены вопросы медиапотребления членов виртуальных экологических протестных сообществ (В. В. Гольбрайх, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), угрозы деградации и риски в развитии особо охраняемых территорий (О. Д. Цепилова, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), социально-экологической ситуации в малых городах (А. С. Мищенко, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), состояния экологии в Арктической зоне (Е. В. Недосека, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН).

¹ См. более подробно о научном журнале: <https://pitersociology.ru/ru/about>.

На секции прозвучали выступления известных российских экологов. Т. П. Артемова (Гильдия журналистов-экологов Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области) в своем выступлении рассказала на примере деятельности экологического пресс-клуба «Последняя среда» о потенциале и возможностях гражданского общества. Т. П. Нагорская, председатель Правления Ассоциации в сфере экологии и защиты окружающей среды «РазДельный Сбор», особое внимание уделила современному состоянию проблемы отходов потребления населения Санкт-Петербурга. В работе секции принял участие депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Б. Л. Вишнеvский.

Работу второй секции семинара (модератор И. И. Елисеева), которая была посвящена проблемам индивида, семьи, общества, открыла д-р соц. наук Т. К. Ростовская (Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, заместитель директора). Ее доклад был посвящен студенческой семье как основе демографического благополучия России. Кроме того, Т. К. Ростовская проанализировала взаимосвязь мер, предпринимаемых по развитию демографического образования в России. Потребности и возможные направления дифференциации демографической и социальной политики были представлены И. И. Елисеевой (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). В онлайн-выступлении профессора Е Цин (Ye Qing) (Центр исследования модернизации Китайской академии наук) раскрыт международный опыт измерения качества жизни в 131 стране мира. Особое внимание было уделено повышению позиции Китая в международном рейтинге качества жизни. Вопросы дифференциации уровня жизни в России были рассмотрены М. П. Декиной и эмпирически подтверждены молодыми исследователями из СПбГЭУ на основе данных всероссийского обследования КОУЖ, проводимого Росстатом с 2014 года каждые два года. Проблеме обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на примерах опыта субъектов СЗФО было посвящено выступление молодой исследовательницы С. А. Кукушкиной (РАНХиГС). В докладе были затронуты ключевые вопросы региональной политики по вопросам реализации программ по обеспечению жильем социально уязвимых групп. Выступающие затронули обсуждение гендерных вопросов, «чайлдфри». В. В. Мамаев из Донского университета представил результаты исследования распространенности идеи бездетности в российском обществе. Российский экономист А. П. Заостровцев (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) рассмотрел проблему трансгендеров через призму теории ренты. Для петербургского ученого А. Г. Щелкина (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) объектом исследования стало цифровое поколение, его приобретения и потери — то, чем и как оно платит за «компьютерный шовинизм».

Новым граням городского опыта и образа жизни была посвящена работа секции, которой руководила Е. Н. Рассолова (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). В рамках работы этой секции прозвучали доклады о теоретических и эмпирических аспектах в изучении современного города. А. И. Зверев и С. М. Карачков из РАНХиГС, обратившись в своем докладе к методологическим вопросам формирования концепции управления развитием городов и размещения мегапроектов, представили результаты изучения концепта «проектного города» с позиций социологической науки. С. М. Москалева (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) рассмотрела феномен соучастия в трансформации архитектурно-градостроительной деятельности в период 2008–2021 годов. Эмпирической основой данного исследования явились экспертные интервью с градостроителями. Ресурсные аспекты в управлении жилищной политики мегаполиса стали объектом изучения Г. В. Еремичевой (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). Городским проблемам Санкт-Петербурга посвятили свои выступления Г. В. Меньшикова, Хуань Щоуцунь из СПбГУ, М. А. Сакаринен, А. А. Паклянова, А. В. Пятышева из РАНХиГС. В фокусе социологических исследований оказались вопросы функционирования гостиничного бизнеса, создание пешеходных зон как фактора воспроизводства общедоступной городской среды и то, как обеспечены объектами социокультурной инфраструктуры районы Санкт-Петербурга.

Свои размышления о возможностях и ограничениях научных методов в изучении города (модератор секции А. Н. Муфтахова, РАНХиГС) представили как начинающие, так и опытные петербургские исследователи. В рамках секции были обобщены результаты эмпирических исследований, основанных на материалах интервью, социологических наблюдениях, опросных методиках. Если А. Е. Пискунова (СПбГУ) представила свой взгляд на новые концептуализации городской жизни, окружающую среду и экологию, то молодые ученые В. С. Рубежов, И. К. Шалыгин, К. Ф. Тюленева, К. Р. Мкртчян из РАНХиГС обозначили городские проблемы мегаполисов. В докладах была освещена проблема транспортной недоступности в городском пространстве и то, какое влияние оказывает развитость городской среды на качество высшего образования. Ученые из СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, О. В. Сергеева и О. Е. Бредникова, ознакомили участников семинара с результатами эмпирических исследований. В докладе О. В. Сергеевой были представлены размышления автора о том, почему социологу интересно изучать звуковую среду городской реальности в компьютерных играх, а О. Е. Бредникова осветила проблему многовидового соседства человека и городских насекомых.

На секции, которой руководила А. В. Корниенко (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), собрались исследователи, чьи научные проекты были посвящены языковым аспектам функционирования социальных групп, общностей и общества. В докладе К. С. Дивисенко (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) были представлены результаты количественного анализа религиозной лексики в биографическом нарративе. А. В. Корниенко посвятила свое выступление источниковой базе социогуманитарных исследований (на примере национального корпуса русского языка). Актуальная проблема была представлена в научном докладе О. А. Федоровой и А. В. Журавлевой (НИУ ВШЭ). Их доклад был посвящен особенностям и способам коммуникаций с аудиторией молодежных YouTube-блогеров. Петербургские ученые С. И. Бояркина (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) и Н. В. Колесник (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) предложили к обсуждению результаты исследования дискурса профессиональных сообществ врачей и учителей, результаты анализа языка цифровых медиа и текстов.

В рамках работы двух секций была обсуждена проблематика здоровья, а также методологические и методические вопросы его изучения. Эмоциональным аспектам здоровья были посвящены основные доклады на секции, которой руководила И. Б. Назарова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). Методологические подходы и применимость к России национальных индексов деятельности системы здравоохранения рассмотрела О. А. Кислицына (Институт экономики РАН). В других докладах были представлены результаты эмпирических исследований эмоционального здоровья. Так, И. Б. Назарова сосредоточила внимание на проблеме неудовлетворенности жизнью как эмоциональной характеристике человека, С. В. Ляликова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) определила в своем выступлении основные подходы в измерении эмоционального здоровья, их возможности и ограничения.

Работу секции «Социальные неравенства в здоровье и старение: актуальные направления социологического анализа» (модератор К. А. Галкин, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) открыл доклад Н. Л. Русиновой и В. В. Сафронова из СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН. Авторы сосредоточили внимание на культурном измерении здоровья, доступности статусных ресурсов в социальных сетях с методологических и эмпирических позиций. О цифровых технологиях в практиках заботы о здоровье жителей крупных городов рассказала социолог Е. С. Богомякова (СПбГУ). Молодые ученые В. С. Ряднова и А. Н. Тимербаева из РАНХиГС представили результаты эмпирического исследования о том, как и почему студенческая молодежь игнорирует информацию о ВПЧ-инфекции. Проблемы отложенного старения

в контексте постковидного периода и состояние российской геронтологии обсудили в своих выступлениях К. А. Галкин и Р. Ш. Бахтияров.

Проблемы политической коммуникации и общества в условиях цифровизации были обсуждены на секции, которой руководила М. Г. Мацкевич (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). Авторы докладов из ФНИСЦ РАН, РГГУ, Южного научного центра РАН рассмотрели социальные последствия цифровизации политической и социальной сферы в российском обществе. М. Г. Мацкевич проанализировала методологические вопросы, сосредоточив основное внимание на возможностях и ограничениях цифровых технологий в исследовании исторической памяти. Для Н. А. Мизиряк (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) приоритетным стал сюжет о том, являются ли социальные сети альтернативным источником информации о мире. Политическая доктрина католической церкви (на примере «зеленой повестки») была объектом исследования молодого ученого из СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН В. Д. Дмитриевой. Коммуникационные стратегии в политике и гражданской сфере представили в своих докладах А. Б. Даугавет (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), М. В. Краснова из РГГУ. И. В. Пашенко (Ростов-на-Дону) сосредоточила внимание на концепте «лишние люди» и рисках новой реальности.

Во второй день семинара состоялась презентация научного сборника, который включил основные научные работы российского социолога Б. Г. Тукумцева. Книга была представлена модераторами секции, В. Ю. Бочаровым (Самарский ГУ) и Г. В. Еремичевой (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). В ходе презентации были освещены содержание статей, структура сборника, история его создания. В заключение работы Всероссийского научного семинара «(Не)новые вызовы и возможности социологии» модераторы подвели итоги работы секций и обозначили те направления дискуссий, которые вызвали наибольший интерес и тематика которых могла бы быть представлена в выпусках «Петербургской социологии сегодня».

Колесник Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
n.kolesnik@socinst.ru

Kolesnik, Natalya V., PhD in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.
n.kolesnik@socinst.ru

И. Б. НАЗАРОВА, С. В. ЛЯЛИКОВА

КАК МЕНЯЕТСЯ НАСЕЛЕНИЕ И КАКОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

V Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал», состоявшаяся 22–23 июня 2023 года, была посвящена актуальным социальным вопросам исследования человеческого потенциала, включая демографический потенциал, потенциал семьи и здоровья. Инициатором обсуждения актуальных вопросов развития населения и социального поведения выступил Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской — обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). Поддержали мероприятие Отделение общественных наук РАН и кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Доклады на пленарном заседании, пяти секциях и круглом столе представили исследователи практически из всех российских регионов от Камчатского края до Карелии и гости из Республики Беларусь, Китая, Италии, Мадагаскара и Конго.

Ключевые слова: народонаселение, человеческий потенциал, ценности, семья, дети, здоровье.

INNA B. NAZAROVA, SOFIA V. LYALIKOVA

HOW THE POPULATION IS CHANGING AND WHAT IS THE HUMAN POTENTIAL

The V International Scientific and Practical Conference “Social dynamics of the population and human potential”, held on June 22–23, 2023, was devoted to topical social issues in the study of human potential, including demographic potential, family and health potential. The initiator of the discussion of topical issues of population development and social behavior was the Researcher, Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. The event was supported by the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences and the Department of Sociology of the Family and Demography of the Faculty of Sociology

of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Reports at the plenary session, five sections and the round table were presented by researchers from almost all Russian regions from Kamchatka to Karelia and guests from the Republic of Belarus, China, Italy, Madagascar and Congo.

Keywords: population, human potential, values, family, children, health.

Социальную динамику населения и человеческий потенциал оценили исследователи и практики в рамках V Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» 22–23 июня 2023 года. Инициатором обсуждения актуальных вопросов развития населения и человеческого потенциала выступил Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской — обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). Мероприятие было поддержано Отделением общественных наук РАН и кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН Вячеслав Вениаминович Локосов открыл пленарное заседание и сделал доклад по теоретико-методологическим подходам определения и оценки человеческого потенциала. Пленарные доклады были посвящены возможностям изучения человека и населения в целом. Подчеркивалась важность гуманитарной составляющей при изучении населения, поиска актуальной научной терминологии, которая должна соответствовать содержанию изучения человека, семьи, детей и всего того, что важно человеку, — его ценностям.

На пленарном заседании были подняты научные проблемы важного социального значения, связанные с уменьшением численности российского населения, снижением рождаемости, освещались отдельные аспекты демографической и социальной политики, нацеленные на поддержку семьи, увеличение уровня благосостояния россиян и сохранение здоровья. С докладами выступили: О. Ю. Леонов — заместитель председателя Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений; М. Ф. Черныш — директор ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН; А. Р. Бахтизин — директор ЦЭМИ РАН, член-корр. РАН; А. И. Антонов — заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р филос. наук, профессор.

Обсуждение социальных проблем было продолжено на пяти секциях и в рамках круглого стола.

На первой секции «*Репродуктивное поведение и семейно-детный образ жизни*» руководитель секции Анатолий Иванович Антонов воспел семью, подчеркнув ее важность для сохранения российского общества (соруководитель секции — С. В. Ляликова, ИСЭПН ФНИСЦ РАН). В основных докладах лейтмотивом прошла тема поддержки семьи, в частности речь шла о необходимой модернизации мер семейно-демографической политики, фокусирующих внимание не только на экономическом стимулировании, но и усиливающих ценность семейно-детного образа жизни.

В. А. Ионцев (МГУ имени М. В. Ломоносова) выступил с докладом «Демографическое развитие России в условиях господства глобально-либеральной модели демографического перехода», отметив, что положительный выход из демографической катастрофы возможен при условии перехода страны на евразийский путь демографического развития.

О. Н. Безрукова (Санкт-Петербургский государственный университет) обратилась к проблеме постразводного отцовства в молодых семьях, сделав упор на необходимости развивать правовые, экономические, информационные, социокультурные, психологические меры поддержки для молодых семей и отцов, находящихся в ситуации развода/постразвода, в том числе в конфликтном взаимодействии с матерью ребенка. Т. А. Гурко (Институт социологии ФНИСЦ РАН) в качестве факторов, влияющих на репродуктивные планы, рассмотрела сокращение стабильных рабочих мест для мужчин без специального образования. И. А. Кулькова (Институт экономики Уральского отделения РАН) подчеркнула необходимость придерживаться модели ценности родительства.

А. В. Жаворонков (Институт социологии ФНИСЦ РАН) на замерах 2021–2022 годов продемонстрировал изменение среднего числа детей в оценочно-нормативных таксонах массового сознания в Российской Федерации. Докладчик заострил внимание на том, что потенциально потребность в детях системна, но порядок античеловеческих явлений блокирует ее реализацию.

Тему солидарности в российском обществе и поддержки семьи со стороны бизнеса рассмотрели А. П. Багирова (Уральский федеральный университет (УрФУ)) и А. С. Вавилова (Новосибирский государственный университет экономики и управления). Меры, направленные

на поддержку работников и их семей на российских предприятиях, приоритетны для семей, но недостаточны.

Е. Н. Новоселова (МГУ имени М. В. Ломоносова) противопоставила семейное благополучие, как фактор счастья и здоровья, одиночеству. Было подчеркнуто, что значительное влияние на счастье и здоровье оказывают не только материальный достаток, образ жизни и регулярное посещение врача, весомый вклад также вносят и внутрисемейные отношения, а также взаимоотношения с ближайшим окружением.

На секции «Здоровье населения и его обеспечение» (руководитель секции: И. Б. Назарова, соруководители: М. Ю. Сурмач, Р. С. Нестеров) рассматривались вопросы сохранения потенциала здоровья.

И. В. Журавлева и Н. В. Лакомова (Институт социологии ФНИСЦ РАН) обосновали целесообразность усиления ответственности за здоровье у всех категорий населения. Поскольку жизненная позиция человека по отношению к здоровью коррелирует не только с самооценкой здоровья и удовлетворенностью жизнью, но и с уровнем образования, материальным положением, жизненным статусом и местом проживания, то открываются перспективы для разработки возможного способа воздействия не только на здоровье индивида, но и на все аспекты его жизни.

О. В. Кучмаева и А. В. Колотуша (МГУ имени М. В. Ломоносова) представили расчеты индекса человеческого развития (ИЧР) и возможности использования показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) в расчете ИЧР. Использование в качестве индикатора здоровья показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) и его динамики при расчете ИЧР в большей степени объясняет дифференциацию регионов России по итоговому показателю. При этом в оценке ИЧР учитывались составляющие здоровья населения в дополнение к характеристикам смертности.

И. Б. Назарова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) также обратила внимание на дифференциацию регионов по состоянию здоровья, выделив нетипичные регионы, в которых часть показателей, характеризующих здоровье населения, являются наилучшими в стране, а другая часть — наихудшими. Поддержал тему региональных проблем в обеспечении здоровья А. Р. Погорелов (Тихоокеанский институт географии ДВО РАН), который представил анализ состояния здоровья населения Камчатского края.

Р. М. Валиахметов (Уфимский университет науки и технологий) рассмотрел демографические детерминанты человеческого развития:

ожидаемую продолжительность жизни и состояние здоровья населения. Высокие уровни заболеваемости и смертности населения требуют не только соответствующей квалификации и компетенции врачей и медицинского персонала, но и достаточно развитой инфраструктуры учреждений здравоохранения во всех социально-экономических зонах и муниципальных образованиях. Внимание слушателей было сфокусировано на значимости формирования у населения здоровьесберегающих практик, культивирования основ самосохранительного поведения и здорового образа жизни.

К. А. Галкин (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН), основываясь на материалах качественного социологического исследования, сравнил стратегии заботы о здоровье пожилых людей в городской и сельской местности. Решение проблем здоровья пожилых людей в контексте расширения взаимодействия с врачами оказывается особенно значимым для двух регионов с быстро стареющим населением, а именно для Санкт-Петербурга и Республики Карелия.

Н. В. Колесник (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН) рассказала о предпосылках профессионального стресса в работе педагогов российских школ, продемонстрировав, что положение учителей существенно различается в зависимости от региона. Данные исследования востребованы государственными органами и будут учтены при реализации мер социальной политики.

М. Ю. Максимова (Государственный университет «Дубна») отметила ценность здорового образа жизни для молодежи, обратив внимание на возможные положительные эффекты воздействия рекламы, стимулирующие практики самосохранительного поведения.

На секции *«Формирование и воспроизводство демографического потенциала»* (руководитель секции: В. Н. Архангельский, соруководитель: Н. Е. Русанова) обсуждались проблемы демографического развития регионов России, в том числе обращалось внимание на особенности городских и сельских агломераций.

С. А. Вангородская и Е. В. Реутов (Белгородский государственный национальный исследовательский университет) обосновали важность управления демографическими аспектами устойчивого развития сельских территорий Центрального Черноземья. Проявляются неблагоприятные тенденции — естественная убыль населения, снижение детности и численности женщин репродуктивного возраста, а также миграционный отток молодежи. Участники конференции отметили, что негативный потенциал пандемии COVID-19 в значительной степени

нивелирован, но на смену пришел новый фактор — СВО (специальная военная операция).

Г. В. Ридевский (НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь) представил демографическую ситуацию в Беларуси, которую можно отождествить с депопуляцией, имеющей место в России. В. Н. Архангельский (Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН) рассмотрел различия в показателях рождаемости среди городского и сельского населения в РФ.

Е. С. Красинец (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) отметил роль трудовой иммиграции в развитии человеческого потенциала современной России. Неоднозначные результаты временной трудовой миграции из-за рубежа являются предметом дискуссий, но очевидно, что требуется совершенствовать практическую деятельность в области мониторинга и прогнозирования функционирования рынка труда с учетом социально-демографических и экономических особенностей того или иного региона, в том числе потребности в привлечении иностранной рабочей силы.

Л. А. Попова (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) проанализировала изменение численности и структур населения Республики Коми за последний межпереписной период.

М. В. Морошкина (Институт экономики КарНЦ РАН), Л. В. Мурашкина (Петрозаводский государственный университет) раскрыли особенности Национального проекта «Образование» в современных реалиях, выделив его преимущества и недостатки.

Н. Е. Русанова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) рассмотрела современные методы решения вопроса бесплодия и проблемы, сопровождающие использование вспомогательных репродуктивных технологий.

На секции *«Жилищная политика в России: обеспечение человеческого потенциала»* (руководитель секции: И. М. Шнейдерман, соруководитель: И. В. Пилипенко) были рассмотрены основные аспекты жилищной политики. Т. Д. Белкина (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) представила многосегментную структуру жилищного фонда в качестве требования сегодняшнего дня.

И. В. Генцлер, Е. П. Железнова, Т. Б. Лыкова и А. С. Пузанов (Фонд «Институт экономики города») дали анализ доступности платы за жилищно-коммунальные услуги для населения и обосновали необходимость совершенствования механизмов социальной поддержки населения. С. В. Данилов (Уфимский государственный нефтяной технический

университет) оценил особенности региональных программ доступности жилья в Приволжском федеральном округе.

Н. Н. Ноздрина, И. М. Шнейдерман (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) представили используемые и возможные пути повышения обеспеченности населения жильем; А. К. Гузанова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) рассмотрела возможности решения жилищной проблемы городских домохозяйств в России через развитие концепции пригородной недвижимости как второго жилья. А. В. Нешатаев (УрФУ) продолжил тему важности просемейной инфраструктуры (особенно в депрессивных регионах России), оценивая ее потенциал в вопросах повышения рождаемости.

Динамика жилищного строительства в Российской Федерации и РСФСР в 1920–2010 годы была представлена И. В. Пилипенко (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). Э. А. Михалева (МГУ имени М. В. Ломоносова) рассказала о тенденциях в сфере рынка недвижимости в 2022 году. Ю. М. Пасовец (Курский государственный университет) предложил рассматривать жилищные условия в качестве показателя адаптированности населения к современным реалиям. А. В. Русанов (МГУ имени М. В. Ломоносова) обратил внимание на жилищный потенциал подмосковных садово-дачных образований, а Е. В. Рюмина (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) обосновала важность ресурсосбережения в жилищной сфере.

Также были рассмотрены вопросы дифференциации уровня жилищной обеспеченности субъектов Приволжского федерального округа (М. Ю. Сазыкина, Н. В. Трофимова, Э. Р. Мамлеева, Институт стратегических исследований ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан»); значимость государственных программ как механизмов улучшения жилищных условий молодых семей (К. Г. Храброва, ЯрГУ им. П. Г. Демидова), влияние идеологии на развитие сельского расселения (С. Ю. Шаров, ИСЭПН ФНИСЦ РАН) и др.

На секции «*Экономическое поведение населения: старые и новые тренды*» (руководитель секции: А. В. Ярашева, соруководитель: С. В. Крошилин) были продемонстрированы практики потребительского поведения россиян в условиях глобальных вызовов (М. Э. Сейфуллаева, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова), в том числе с учетом региональных особенностей (Е. Я. Пастухова, Е. А. Морозова, Кемеровский государственный университет). В рамках секции были также рассмотрены актуальные тренды финансового поведения российских домохозяйств (И. Н. Молчанов, Экономический

факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ).

А. К. Соловьев (Центр развития государственной пенсионной системы Финансового университета при Правительстве РФ) дал развернутый анализ факторов и условий формирования пенсионного потенциала различных социальных категорий населения.

Исследования в сфере труда были представлены докладами «Анализ численности рабочей силы в Северо-Западном федеральном округе РФ» (И. В. Трегуб, Финансовый университет при Правительстве РФ); «Вектор на самозанятость в России: ситуация „до“ и „после“ пандемии» (Е. И. Медведева, К. А. Кутеева, ИСЭПН ФНИСЦ РАН) и «Отношение студенческой молодежи к труду и безработице» (М. В. Рыжих, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы). С. В. Крошилин (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова) и И. С. Крошилин (Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина) рассмотрели новые форматы финансово грамотного поведения населения на примере чат-ботов.

В рамках конференции была организована работа *круглого стола на тему: «Межпоколенная преемственность ценностей семейно-детного образа жизни»*, модератором выступил д-р соц. наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова А. Б. Синельников, сомодератор — ученый секретарь конференции, научный сотрудник лаборатории исследования здоровья населения и системы здравоохранения ИСЭПН ФНИСЦ РАН С. В. Ляликова. На круглом столе исследователи продолжили обсуждение основных проблем института семьи, в частности, были рассмотрены вопросы вариативности линий репродуктивного поведения, особенности внутрисемейного единства и межпоколенческого взаимодействия, выявлены трансформации в системе жизненных ценностей российского населения, определена роль отца в многодетной семье и т. п.

И. О. Шевченко (Российский государственный гуманитарный университет) рассказала о роли отца в многодетной семье и трансмиссии семейных ценностей. В. Г. Доброхлеб (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) подчеркнула значимость солидарности, которая является основой преемственности поколений в России. Об особенностях практики родительской вовлеченности, трансформации и межпоколенной трансляции доложила З. Е. Дорофеева (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»).

В. М. Карпова (МГУ имени М. В. Ломоносова) представила результаты анализа вариативности линий репродуктивного поведения.

И. В. Павлюткин (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) представил материал о религиозной социализации, которая может модерировать связь между религиозностью и рождаемостью.

Назарова Инна Борисовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
inna-nazarova@mail.ru

Ляликова Софья Викторовна, научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
lyalikova@socio.msu.ru

Nazarova, Inna B., Doctor of Economics, Main Researcher, Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
inna-nazarova@mail.ru

Lyalikova, Sofia V., Researcher, Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
lyalikova@socio.msu.ru

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2023
Выпуск 20

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редакции и издателя: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ком. 526.
Тел.: +7(812)316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *А. А. Нотик*
Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*

Подписано в печать 01.10.2023. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 7,7. Тираж 300 экз.
Заказ № 240РС. Свободная цена.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru